

КЕЛТЫ

Теренс Пауэлл

Воины и маги

загадки
древних
народов

В книге собран уникальный материал об истории древних кельтов – первого из заселявших земли к северу от Альп великих народов, чье название нам известно. Обилие археологического материала, свидетельства античных историков, кельтское литературное наследие и результаты современных филологических исследований проливают свет на жизнь удивительных и загадочных предшественников исторических наций Западной и Средней Европы.

- [Теренс Пауэлл](#)
    - [Предисловие](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Пояснения к фотографиям](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
-
-

Теренс Пауэлл

Кельты. Воины и маги

Предисловие

Настоящее исследование, посвященное кельтам – первому из заселявших земли к северу от Альп великих народов, чье название нам известно, – не является обычным изложением фактов, общепринятых точек зрения и предположений. Это скорее попытка описать и обсудить некоторые аспекты жизни кельтов, а также наметить пути дальнейших изысканий, которые должны коснуться малознакомых нам племен, отстоящих как во времени, так и в пространстве.

Обилие археологического материала по кельтской культуре дополняется свидетельствами античных историков, национальной литературной традицией и результатами современных филологических исследований; совокупность этих источников служит основой для обобщений, но поиски истины продолжаются, и, возможно, данная книга внесет новый штрих в знакомую картину и прольет еще немного света на жизнь удивительных и загадочных предшественников исторических наций Западной и Средней Европы.

Кельтское литературное наследие, сохраненное с давних времен в Ирландии и Уэльсе, – древнейшее в Европе после греческого и латинского. Оно представляет собой зеркало, отражающее нравы и обычаи архаического общества умеренной климатической зоны Европы, колыбели европейской культуры. Изучение происхождения кельтов, таким образом, помогает отыскать корни европейцев, а «варварская классическая литература» заслуживает более пристального внимания и признания, чем она получала до сих пор.

Несколько слов следует сказать о том, как работать с этой книгой. Ради массового читателя я не стал перегружать текст ссылками на персоналии и отдельные работы, при этом не колеблясь включал в повествование имена и термины на других языках в тех случаях, когда это было необходимо для прояснения спорных или плохо освещенных в исторической литературе вопросов. Иллюстрации на вклейке сопровождаются подробными комментариями в конце книги. Их можно рассматривать отдельно, как альбом, призванный дать общее впечатление о кельтах, их внешности, ремеслах, ритуалах и окружении и вовсе не претендующий на звание учебного пособия по археологическим образцам и периодам. Одни иллюстрации рассказывают о том, как кельты представляли самих себя, другие помогают увидеть их образ, сложившийся в сознании современников – греков и римлян.

При написании этой книги я много полезных сведений почерпнул из трудов других авторов. Поиски иллюстративного фотографического материала охватили огромные территории, и я, по возможности, старался отбирать наименее известные и редко воспроизводимые в исторической литературе предметы. Выражаю искреннюю благодарность за неоценимую помощь в работе над этим исследованием мистеру Р.Дж. К. Аткинсону, профессору Х.Г. Банди, профессору Герхарду Берсу, профессору Карлу Блюмелю, мистеру Рейнберду Кларку, полковнику Марио Кардосо, профессору Вольфгангу Дейну, мадемуазель Габриэль Фабр, профессору Яну Филипу, мистеру Р.У. Хатчинсону, доктору Зигфриду Юнгансу, доктору Йозефу Келлеру, герру Карлу Келлер-Тарнуццеру, доктору К.М. Краай, профессору Хуану Малукеру де Мотесу, доктору Й. Менцелю, доктору Фр. Мортону, профессору Ричарду Питтиони, полковнику Альфонсо де Пасо, доктору Майре де Паору, доктору Адольфу Риту, мадемуазель О. Таффанель, мисс Элайне Танкард, профессору Хулио Мартинесу Санта-Олалья, доктору Дж. К. Сент-Джозефу, мистеру Р.Б.К. Стивенсону, доктору Рафаэлю фон Услару, месье Андре Вараньяку, мадемуазель Анжель Видаль-Аль и, наконец, доктору Глину Дэниелу и первым издателям этой книги за любезное приглашение к сотрудничеству и терпение, с которым они сносили всевозможные отсрочки, случавшиеся по вине автора.

Теренс Пауэлл

Глава 1

Происхождение кельтов

Источники и толкования. Древнейшие из дошедших до нас сведений о кельтах отрывочны и совершенно случайны. Геродот в середине V века до н. э. упоминает об этом народе, говоря о местонахождении истока Дуная, а Гекатей, который прославился чуть раньше (ок. 540–475 до н. э.), но чья работа известна лишь по цитатам, приводимым другими авторами, описывает греческую колонию Массалия (Марсель), располагавшуюся, по его словам, на земле лигуров рядом с владениями кельтов. В другом отрывке Гекатей называет кельтский город Ниракс – это место, по всей вероятности, соответствует Нории на территории древнего Норика, который можно приблизительно соотнести с современной австрийской провинцией Штирией.

В своем великом труде «История» Геродот уделяет мало внимания как истоку Дуная, так и кельтам. Это прискорбно, поскольку археологические исследования доказали всю ценность и точность его суждений о других племенах, в особенности о скифах, информацию о которых он получал из первых уст. Однако важным представляется тот момент, что и Геродот, и, по всей видимости, Гекатей не считали необходимым подробно рассказывать грекам о нравах и обычаях кельтов.

Геродот сетует на то, что его познания о дальнем западе Европы скудны, однако упоминания историка о кельтах представляют определенный интерес. Он дважды повторяет, что Дунай протекает по их землям и что кельты – самый западный народ в Европе, не считая кинетов, заселявших, предположительно, Южную Португалию. В первом случае Геродот помещает исток Дуная вблизи Пирены – это название можно было бы соотнести с Пиренеями, однако известно, что именно так называлось греческое торговое поселение на северо-восточном побережье Испании. Далее историк говорит, что кельты жили на некотором удалении от Геракловых столбов, то есть от Гибралтарского пролива, – едва ли он мог так нелепо ошибиться, поместив и Пирену в том же районе. Таким образом, сообщения Геродота о кельтах Иберийского полуострова свидетельствуют, что эти племена заселяли обширные территории, в том числе области, прилегавшие к Массалии, и, весьма вероятно, древний Норик.

Следует заметить, что название *Celtici* сохранилось в Юго-Западной Испании до римских времен – это единственный пример того, что имя многочисленного кельтского народа было увековечено географией.

Как ни ошибочны были представления Геродота о местоположении верховий Дуная, его убежденность в том, что эта река протекает во владениях кельтов, основана не только на соотнесении истока с Пиреней. О Нижнем Дунае Геродот был осведомлен гораздо подробнее: он знал, что на корабле можно заплыть далеко вверх по течению и что река несет воды по обитаемым землям на всей своей протяженности. Резонно предположить, что именно этим путем в Грецию доходили сведения о кельтах из северных пределов. Археологические исследования с большей степенью достоверности доказывают, что берега Верхнего Дуная были прародиной кельтов, откуда некоторые племена переселились в Испанию, а чуть позже в Италию и на Балканы. Таким образом, на одну и ту же точку на карте указывают два источника информации.

Прежде чем перейти к обобщению остальных раннеисторических свидетельств о кельтах, необходимо несколько слов сказать о том, почему название этого народа было столь широко распространено в ту эпоху. С чем это связано?

Представляется очевидным, что во времена Геродота греки считали кельтов крупнейшим

варварским народом, жившим на западе и севере Западного Средиземноморья, а также в районе Альп. Эфор, трудившийся в IV веке до н. э., называет кельтов в числе четырех величайших варварских народов известного мира (остальные три – скифы, персы и ливийцы), а географ Эратосфен в следующем веке упоминает о том, что кельты заселяют Западную и трансальпийскую Европу. Вероятно, это связано с тем, что греки не делали различий между отдельными кельтскими племенами. Не вызывает сомнения, что Геродот, рассказывая о других варварах, например о скифах или гетах, видел в них как самостоятельные народы, так и содружества племен. Его интересовали их политические институты, нравы и обычаи; что до языков, греки не утруждали себя лингвистическими изысканиями, и языковые различия между племенами варваров Геродот в расчет не принимал. Разумно предположить, что даже если он ни разу не общался с представителями кельтов, то знал их по описаниям и мог выделить среди других варваров. Следовательно, термин «кельты» несет сугубо этнологический смысл и вовсе не обязательно должен означать «кельтоговорящие», вопреки современной академической концепции, основанной на работах пионера лингвистических исследований Джорджа Бьюкенена (1506–1582) и Эдварда Ллуй-да (1660–1709).

Итак, на протяжении четырех веков, со времен Геродота до эпохи Юлия Цезаря, образ жизни, политический уклад и внешний облик кельтов были хорошо известны их просвещенным южным соседям. Все эти сведения достаточно расплывчаты, поверхностны и поддаются множеству толкований, однако на их основе можно сделать определенные выводы о различиях между популяционными группами.

Что касается самого слова «кельты», греки записали его на слух как *keltoi*, и, за исключением его использования в узкоплеменном контексте в Испании, о чем уже упоминалось выше, в других случаях оно широко употреблялось для обозначения совокупности племен с разными названиями – этот вывод базируется на более поздних источниках, нежели сочинения Геродота. Применительно к населению Британии и Ирландии античные авторы, насколько это известно, никогда не употребляли термин «кельты», и не сохранилось никаких свидетельств того, что сами обитатели островов так себя называли (однако это вовсе не означает, что островитяне не были кельтами). В современном, популяризированном, значении слова «кельт» и «кельтский» ввела в обиход эпоха расцвета романтизма в середине XVIII века, затем они вышли за рамки лингвистического контекста, в котором их использовали Бьюкенен и Ллуйд, и стали необоснованно применяться в самых разнообразных областях: в физической антропологии, по отношению к островному христианскому искусству и фольклорной жизни во всех ее проявлениях.

Далее следует прояснить еще один вопрос: действительно ли речь кельтов времен античности родственна живым языкам, которые в филологии принято называть кельтскими? Убедительнее всего об этом свидетельствуют труды античных авторов, где приводятся имена вождей, названия племен и отдельные слова, принадлежавшие кельтам. Этот пласт лингвистического материала находится в полном соответствии с кельтской ветвью индоевропейской семьи языков, и есть множество примеров тому, что записанные в глубокой древности слова сохранились в средневековых и современных языках кельтской группы.

Изучение языка древних кельтов опирается на три источника. Прежде всего это дошедшие до наших дней многочисленные надписи, в основном на латыни, реже – на греческом, зафиксировавшие кельтские слова и имена (фото 69, 70, 74). Они обнаружены на алтарях и других архитектурных памятниках кельтских земель, входивших в Римскую империю. Территория их распространения обширна: земли от вала Адриана до Малой Азии, Португалия, Венгрия и т. д. Второй источник – нумизматика – сродни первому, но менее рассредоточен в пространстве (фото 47, 75). В историческом и археологическом плане надписи на монетах

особенно важны, поскольку свидетельствуют о том, что их чеканили кельтские вожди или отдельные кланы. Третья группа доказательств связана с географическими названиями. К ним относятся названия рек, гор и холмов, а также поселений и крепостей. Их прямую связь с современными языками так же можно установить прежде всего на материалах античных авторов, упоминающих в своих произведениях кельтов; локализация же таких названий, «выживших» в Западной и Центральной Европе, тесно связана с районами, где кельтское влияние было особенно сильно и сохранялось достаточно долго. Сравнительный анализ кельтских, тевтонских, славянских названий, в том числе трансформировавшихся в результате заимствований одними народами у других, дает богатейший материал для самых разных интерпретаций, однако этим должна заниматься специальная область филологии, и достоверная карта кельтских названий Европы еще ждет своего составителя. Пока же с уверенностью можно сказать, что за пределами Британских островов кельтские названия сохранились в большом количестве во Франции, Испании, Северной Италии, реже они встречаются между Дунаем и Альпами и дальше на восток к Белграду, а в Северо-Западной Германии кельты оставили след на берегах Рейна, дошли до Везера и, возможно, до самой Эльбы. Разумеется, эта картина дает далеко не полное представление о территории рассеяния кельтских названий в прошлом, и, кроме того, можно найти множество различных причин тому, что часть из них сохранилась до наших дней, а часть была предана забвению.

Джордж Бьюкенен, который ввел термин «кельтский» в языкознание, первым доказал, опираясь на античные источники, что современные ему гэльский и валлийский языки выросли из древнекельтской речи. Таким образом, филологическое значение этого термина выведено на основе этнических изысканий Геродота и вторивших ему более поздних историков и географов.

Большая протяженность земель, которые некогда заселяли кельты, дает возможность привлечь археологические данные для изучения их цивилизации.

Строго говоря, археология – это наука, исследующая материальные свидетельства человеческой деятельности в прошлом. Ее объектом может быть материальная культура целых народов и исторических эпох либо периоды и географические пространства, существовавшие до появления развитых цивилизаций, владевших письменностью. В последнем случае археология превращается в «немую» науку – она лишается языка, на котором можно описать различные проявления человеческой жизни, отраженной в случайных и разрозненных остатках анонимной материальной культуры. Цель же современных археологических исследований – заглянуть как можно глубже в прошлое, понять и воссоздать жизнь древнего общества, а не просто составить точную опись предметов и памятников; однако нередко к археологии предъявляют чрезмерные требования, которые, по своей сути, она не способна удовлетворить. Таким образом, в отношении кельтов археологические изыскания должны быть в первую очередь направлены в узкие рамки нескольких веков – от Геродота до Юлия Цезаря, чья деятельность знаменует собой начальный и конечный пределы исторической эпохи, оставившей письменные свидетельства об этих племенах. И данные археологии действительно подтверждают, что в течение указанных столетий на уже упоминавшихся территориях существовала обширная культурная провинция. Найденные остатки варварской цивилизации связывают с известными науке кельтскими племенами и датируют начиная с IV века до н. э. в Северной Италии, со II века до н. э. в Южной Франции и с I века до н. э. почти на всей протяженности Римской империи.

Кельты в древней истории. Временно оставим в стороне материальные источники и предпосылки – на первый план снова должны выйти античные историки, чьи произведения позволяют оценить степень вмешательства кельтов в жизнь просвещенного мира древнего Средиземноморья. Здесь мы попытаемся составить лишь хронологическую канву событий, более подробная информация непосредственно о кельтах будет проанализирована в следующих главах.

Примерно через четверть века после смерти Геродота в Северную Италию вторглись варвары, пришедшие по альпийским перевалам. Описания их облика и имена свидетельствуют о том, что это были кельты, но римляне называли их galli (отсюда Gallia Cis- и Transalpina – Цизальпинская и Трансальпинская Галлия). Более двух веков спустя Полибий упоминает захватчиков под именем galatae – это слово использовали многие древнегреческие авторы. С другой стороны, Диодор Сицилийский, Цезарь, Страбон и Павсаний говорят о том, что galli и galatae были тождественными обозначениями для keltoi/celtae, а Цезарь свидетельствует, что современные ему galli именовали себя celtae. Диодор употребляет все эти названия без разбора, но замечает, что вариант keltoi более верен, а Страбон сообщает, что это слово было известно грекам из первых уст, поскольку keltoi жили в окрестностях Массалии. Павсаний тоже отдает предпочтение названию «кельты» по отношению к галлам и галатам. Сейчас невозможно установить, с чем связана такая терминологическая неопределенность, однако с уверенностью можно заключить, что кельты долгое время называли себя именно keltoi, хотя на протяжении V и IV веков до н. э. могли появляться и другие названия.

Галлы. Galli, или галлы, поначалу обосновались в верхней долине реки По и на берегах притоков. Они начали теснить и изгонять этрусков, чья цивилизация в те времена уже клонилась к упадку. Возможно, именно неспособность этрусков противостоять захватчикам и, как результат, раздолье для грабежа, богатая добыча и обжитые земли подвигли трансальпийских жителей преодолеть горные перевалы. Тот факт, что они знали этрусков и даже длительное время торговали с ними, подтверждают археологические раскопки.

Позднеримские историки полагали, что кельтские захватчики пришли с северо-запада, из Gallia Transalpina, называвшейся так со II века до н. э. Археологические данные свидетельствуют, что они прокладывали путь по центральным альпийским перевалам и что их родина находилась на территории современных Швейцарии и Южной Германии. Античные историки сохранили для нас названия основных племен. Первыми через Альпы переправились инсубры и со временем основали свое главное поселение, назвав его Медиолан (современный Милан). За инсубрами последовали по меньшей мере четыре племени, которые расселились в Ломбардии; бойи и лингоны вынуждены были пройти через их владения и обосноваться в Эмилии, а последним мигрантам, сенонам, достались менее богатые земли Адриатического побережья – они нашли приют в Умбрии.

Кельты путешествовали не только как переселенцы – в поисках новых земель, с семьями и домашним скарбом. Легкие на подъем отряды воинов совершали набеги на далекие южные территории, опустошая Апулию и Сицилию. Около 390 года до н. э. они успешно разграбили Рим, служивший для них мишенью номер один до 225 года до н. э., когда большое гальское войско, укрепленное свежими силами из североальпийских районов, было окружено двумя римскими армиями и разгромлено. Конец независимости Цизальпинской Галлии был положен в 192 году до н. э., когда римляне одержали победу над бойями и разрушили их крепость, которая находилась на территории современной Болоньи.

Согласно историческим источникам, на востоке кельты впервые появились в 369–368 годах до н. э. – тогда отдельные их отряды служили наемниками на Пелопоннесе. Этот факт позволяет предположить, что численность кельтских миграций на Балканы еще до указанной даты была достаточно велика. В 335 году до н. э. Александр Великий, воевавший в Болгарии, принимал делегации от всех народов, живших на территориях Нижнего Дуная; среди них было и посольство кельтов, о которых известно, что они пришли с Адриатики.

Галаты. Сменились два поколения, и орды галатов наводнили Македонию в середине зимы – только большие беды могли заставить их пуститься в путь в такое время года, тем более что с ними были семьи и повозки с имуществом. Галаты принялись грабить местных жителей и

продвигаться вперед в поисках пригодных для поселения земель. Однако захватчики встретили серьезное сопротивление – дальнейшее развитие событий подробно описано древнегреческими историками. Известны имена Болга и Бренна – предводителей кельтских миграций, однако не исключено, что это были прозвища богов-покровителей, а не смертных вождей. Так или иначе, люди, ведомые Бренном, атаковали Дельфы, но потерпели поражение. Греки, признанные знатоки национальных различий, добавили кельтские щиты к персидским, уже вывешенным в качестве трофеев в дельфийском храме Аполлона, – это, без сомнения, можно назвать одной из первых экспозиций на тему сравнительной этнологии.

Кельты были вполне способны удерживаться на Балканах еще длительное время, но два племени, отделившиеся от тех, что захватили Македонию, предприняли самое любопытное путешествие, зафиксированное древнегреческими учеными в истории кельтских миграций. Они двинулись на юго-восток, к Дарданеллам. Постоянные раздоры с местными жителями в конце концов заставили их переправиться в Малую Азию, где перед ними снова открылись широкие возможности для грабежей и завоевания земель. Вскоре к двум племенам присоединилось третье – тектосаги, которые предпочли покинуть Грецию после неудачи под Дельфами. Некоторое время все три племени безнаказанно предавались всевозможным бесчинствам и грабежам, но в конце концов угомонились и обосновались в Северной Фригии, которая с тех пор стала именоваться Галатией. У этих племен была общая столица, носившая кельтское название Друнеметон, а тектосаги поселились в области современной Анкары.

Галатам удавалось сохранять индивидуальность в течение многих веков. Отрезанные от европейских корней, они оставались в изоляции, а со временем дали свое имя христианским общинам, которым и было адресовано знаменитое послание апостола Павла. Позднее, в IV веке н. э., галаты стали предметом весьма любопытных записок святого Иеронима, который, в частности, сообщает о том, что, помимо греческого, они говорили на собственном языке, родственном наречию треверов. Святой Иероним, путешествовавший по римской Галлии, несомненно, был знаком с треверами, жившими в районе Триера на реке Мозель. Возможно, он слышал из их уст кельтскую речь, сохраненную в более чистой форме, отличной от языка обитателей сильно латинизированного запада Галлии, и, таким образом, в его записках нужно видеть сугубо научный сравнительный анализ, иначе сложно истолковать такое особое отношение к этому племени. Что касается языка, сохраненного галатами, история знает подобные примеры: язык готов, вторгшихся на Крымский полуостров в III веке н. э., постепенно вытеснялся славянскими языками, но исчез окончательно лишь через много столетий – последние его носители умерли в XVII веке.

До сих пор речь шла о самых ранних свидетельствах древних историков о кельтах, был сделан вывод, что к началу III века до н. э. эти племена занимали обширные территории от Испании до Малой Азии и что их прародиной, предположительно, были лишенные цивилизации области Европы к северу от Альпийских гор, куда редко заглядывали просвещенные обитатели Средиземноморья. Исторические источники, касающиеся II и I веков до н. э., лишь упоминают о расширении владений кельтов; становится ясно, что они занимали всю территорию Галлии (современной Франции) и что по крайней мере часть из них пришли из зарейнских областей.

В I веке до н. э. Галлия вошла в состав Римской империи и таким образом попала в поле зрения историков, удостоившись более пристального внимания. Цезарь описывает Галлию, этнографически разделенную между аквитаниями на юго-западе, белгами на северо-востоке и заселенную кельтами по всей территории. Это сообщение можно рассмотреть в свете археологии, но в данный момент для нас особый интерес представляют белги, которые были самыми воинственными и стойкими противниками римского полководца.

Белги. Это племя занимало северо-восточные пределы Галлии и, согласно Цезарю,

гордилось своими «германскими» корнями, что, по всей видимости, означало всего лишь их зарейнское происхождение, поскольку говорили они на языке, очень похожем на речь остальных кельтов, обитавших в Галлии, а их вожди носили кельтские имена. Вопрос о первоначальном значении слова «germani» чрезвычайно важен, однако временно оставим его в стороне, чтобы проследить дальше намеченную Цезарем историческую линию, которая приведет Британию в границы кельтского мира. Цезарь сообщает, что задолго до современной ему эпохи белги основали поселения на юго-востоке Британии. Это первое и единственное прямое историческое свидетельство о кельтских – или отчасти кельтских – миграциях в Британию. Есть масса других – археологических – доказательств того, что на этом острове существовали более ранние кельтские поселения, такой же вывод можно сделать и на основании письменных источников. Так в чем же состоит ценность ранних упоминаний о Британии и Ирландии в античной литературе?

Британия и Ирландия. В VI веке до н. э., точнее, не позже 530 года, жители Массалии предприняли путешествие мимо восточного берега Испании, через Геракловы столбы и вдоль Атлантического побережья к городу Тартессу (карта 1). Очевидно, это было не первое такое плавание из Массалии, но важно то, что один из вернувшихся на корабле мореходов составил отчет, в котором привел сведения не только о берегах Испании, но и о землях, лежащих дальше к северу вдоль атлантических морских путей Европы. Описание этого путешествия известно под названием «Массалиотский перипл» и сохранилось в отрывках, процитированных в IV веке н. э. Руфом Фестом Авиеном в поэме «Ora Maritima». Некоторые особенности этого перипла свидетельствуют о том, что он был сочинен до завоевания Тартесса карфагенянами, приведшего к прекращению для колониальной Греции торговли в Атлантике.

Карта 1. Массалия и западные морские пути

Жители Тартесса, находившегося, по всей вероятности, возле устья Гвадалквивира, имели дружеские торговые связи с греками со времен плавания Колея из Самоса через Геракловы столбы около 638 года до н. э. В «Массалиотском перипле» сообщается, что тартессийские купцы бывали в таких северных районах, как Эстримниды, под которыми подразумевались полуостров Бретань и ближние острова, и что население этих земель торговало с обитателями двух больших островов – Иерны (Ierne) и Альбиона (Albion). Это самое раннее в истории упоминание об Ирландии и Британии, названия же представляют собой греческие варианты слов, которые сохранили носители ирландской ветви кельтского языка. Староирландское Eriu и современное Eire произошли от более древней формы слова, которое греки произносили как «Иерна», а название Albu ирландцы использовали по отношению к Британии до X века н. э. Вопрос в том, имеют ли эти слова кельтские корни или представляют собой заимствования из более древнего языка. Скорее всего, они принадлежат именно кельтам, но доказательств для того, чтобы сделать окончательный вывод, недостаточно.

Авиен, конечно, мог исказить древний источник, но все же сохранил для истории весьма ценные сведения, содержащиеся в «Массалиотском перипле».

В любом случае названия Иерна и Альбион вошли в терминологию греческих географов, в том числе Эратосфена, уже к середине III века до н. э. Нужно сказать, однако, что, хотя Авиен и ссылается на карфагенянина Гимилькона, исследователя VI века до н. э., последний, по всей видимости, никогда не бывал на Британских островах, вопреки существующему мнению.

Путешествие Пифея Массалиота, состоявшееся примерно в 325–323 годах до н. э., стало вторым древнейшим источником сведений о Британии и Ирландии. Перипл Пифея тоже известен лишь из вторых рук, но его, в отличие от «Массалиотского перипла», цитируют – часто с недоверием – многие авторы, включая Полибия, Страбона и Авиена. Британия и Ирландия названы Пифеем Претанскими островами. Производным словом для обозначения жителей этих островов, видимо, должно быть *pretani* или *preteni*, и, возможно, оно образовано от кельтского корня, который сохранился в валлийском языке: *Prydain* означает Britain, Британия. Латиняне, в силу особенностей произношения, трансформировали его в *Britannia* и *britannii* – именно в такой форме эти слова использует Цезарь. Следовательно, под Претанскими островами подразумевались Иерна и Альбион, что подтверждает и описание плавания, данное Пифеем, а один из поздних греческих географов утверждает это как факт.

Любопытно, что Пифей не упомянул древние названия Иерна и Альбион, когда говорил о Претанских островах. Это может означать, что жителям Массалии, проложившим сухопутные торговые пути к северо-западу, они были знакомы и пояснений не требовали. Однако, если принять в расчет предположение, что Пифей посетил только Британию, а в Ирландии не был, это может свидетельствовать и о том, что он не сомневался в однородности населения двух островов. Далее, несмотря на то что в ирландской литературе существует эквивалент названия *preteni*, это слово может обозначать, во-первых, некоторых жителей Британии и, во-вторых, британских переселенцев в Ирландию. Напрашивается вывод, что название Претанские острова, вошедшее в обиход греков к IV веку до н. э., свидетельствует о появлении нового, доминирующего населения в Британии (на Альбионе), чего не было в те времена, когда создавался «Массалиотский перипл».

Все вышеизложенное подводит нас к другим вопросам, в первую очередь связанным с кельтскими языками. Эти вопросы будут освещены после обзора археологических данных.

Европейский доисторический фон. В этой главе, посвященной происхождению кельтов,

Геродот и Цезарь уже упоминались как личности, чья деятельность знаменует собой две исторические вехи, – Геродот, поскольку он считается отцом истории и антропологии, Цезарь, поскольку его военные кампании положили конец независимости кельтов. Труды античных авторов, живших после Цезаря, безусловно, содержат больше полезной информации о кельтах, однако они не способны изменить общую картину. Следующая задача – рассмотреть проблему в свете археологии.

В ответ на вопрос о культурном фоне, связанном с историческими сведениями о кельтах в период от Геродота до Цезаря, большинство археологов – в первую очередь представители континентальных школ – не задумываясь назовут две широко распространенные материальные культуры железного века, известные под названиями «галльштатская» и «латенская» и подтверждающие в географическом и хронологическом плане письменные свидетельства (карты 4, 6). Однако, вместо того, чтобы немедленно перейти к их подробному анализу, представляется нелишним начать с более удаленной во времени отправной точки и обратиться к другим векам и регионам, также освещенным письменной историей.

Постепенное улучшение климатических условий к концу ледникового периода открыло для человечества новые территории трансальпийской Европы. К 9-му тысячелетию до н. э. даже такая северная зона, простирающаяся от Пеннинских гор до современной Дании и балтийских земель, была заселена первобытными охотниками и рыбаками. Со временем климатические тенденции обусловили возникновение умеренной зоны в Европе, и в течение целого тысячелетия на этой территории в своих экологических нишах существовали первобытные общины. С точки зрения физического типа они, вероятно, были не менее разнородны, чем их предшественники эпохи позднего палеолита. Приток новой крови, принесенной из евразийских степей, с одной стороны, и из Испании или даже Северной Африки – с другой, исключил возможность появления в Европе чистых рас. Остатки материальной культуры, встречающиеся на всем протяжении умеренного климатического пояса Европы, отражают примеры взаимовлияния и обмена на различных ареалах в разные времена. Носителей этой культуры можно рассматривать как древнейшее население указанной зоны; именно их наследниками – в той или иной степени – стали более поздние популяционные группы.

Переселенцы эпохи неолита. Людей эпохи мезолита никто не тревожил до 4-го тысячелетия до н. э., когда из периферийных областей урбанистических цивилизаций древнейшего Востока начали экспансию на север первобытные племена земледельцев и скотоводов. В умеренную зону Европы первые и самые важные в историческом плане переселенцы эпохи неолита пришли с юго-востока и захватили богатые и легкие в обработке лёссовые земли в бассейне Среднего Дуная, а затем проникли дальше – к Рейну и основным его притокам, до места слияния Заале и Эльбы, к верховьям Одера.

Позднее хозяйственный уклад эпохи неолита, принесенный иммигрантами, распространился от Западного Средиземноморья по Атлантическому побережью Европы к Британским островам, хотя самые первые неолитические поселенцы, скорее всего, добрались в Британию от Лионского залива через Восточную Францию. Носители этого хозяйственного уклада вели относительно оседлый образ жизни, что давало им возможность накопить личное имущество и необходимые запасы. Переселенцы повсюду оказывали значительное влияние на популяции мезолитического уклада – меновая торговля стимулировала развитие хозяйства и материальной культуры коренных обитателей, а со временем, когда в результате распространения дунайской и западной неолитических культур люди стали возделывать землю на всей территории умеренной зоны Европы, мезолитический образ жизни сохранился лишь на восточных и северных окраинах. К началу 2-го тысячелетия до н. э. континуум взаимосвязанных материальных культур, распространившихся по всей Европе, демонстрирует разнообразие в

происхождении и способностях их носителей, а также в уровне их общения с несравненно более цивилизованным миром Восточного Средиземноморья.

Появление скотоводства. Примерно в это же время намечаются две тенденции в развитии неолитического хозяйства: на берегах рек люди продолжают возделывать землю и выращивать зерновые культуры, в гористых же областях и на Среднеевропейской равнине доминирующим образом жизни становится скотоводство, и не только кочевое. Основываясь на примерах из истории Европы и других регионов, можно допустить, что подобные расхождения в занятиях и условиях жизни обусловили возникновение социальных объединений или политических союзов. Резонно также предположить, что в тот период появились племена земледельцев и скотоводов, а о существовании отдельных племенных союзов можно сделать вывод, опираясь на результаты изучения остатков материальной культуры.

Раннее использование металлов. Первая половина 2-го тысячелетия до н. э., помимо всего прочего, привела на территорию Европы торговцев металлическими изделиями и положила начало обработке металлов ее обитателями. Каким образом европейцы узнали технологии обработки, сказать сложно – либо исключительно благодаря общению с иноземными купцами, либо основополагающим фактором стали миграции из Малой Азии.

Древнейшие медные и бронзовые изделия, в основном украшения и оружие, найдены в Греции и на Восточных Балканах, на землях Среднего Дуная и Трансильвании. Большая часть этих вещей имеет анатолийские прототипы, а распространение в Греции, Македонии и даже в более северных районах стиля анатолийской керамики свидетельствует, что там бывали не только странствующие торговцы из Малой Азии, но и находили пристанище семьи переселенцев.

Здесь мы подходим к одному важному вопросу: весьма вероятно, но не доказано, что анатолийские переселенцы были носителями индоевропейского языка. Пролить свет на этот вопрос – задача археологии, связанная с изучением и датировкой письменных памятников Малой Азии. Впрочем, на каком бы языке ни говорили древние мастераковки металлов на Балканах, их влияние на Центральную Европу было чрезвычайно велико, и один из характерных предметов, которые они принесли с собой на север, – медный или бронзовый сверленный топор.

Неолитические племена скотоводов в Северной и Центральной Европе к тому времени уже научились изготавливать каменное оружие по образцу мезолитических топоров из оленьего рога, в которых так же пробивались отверстия для деревянной рукоятки. В рамках основных региональных культур появлялись свои, типичные формы топоров, однако наиболее распространенные определенно ведут свое происхождение от металлических прототипов. Скотоводы делали для себя каменные копии иноземных металлических топоров (рис. 1). Последние отличались более высоким качеством и, без сомнения, слишком дорого стоили, так что люди не имели возможности покупать их в большом количестве.

Был и еще один путь, которым металлические боевые топоры с отверстием для рукоятки могли попасть в руки европейских скотоводов эпохи неолита – с Кавказа через понтийские степи.

Земли к северу от этих гор и к западу, до Нижнего Дуная, также принадлежали племенам скотоводов. О сравнительном достатке и непомерных притязаниях тех, кто жил на берегах Терека и Кубани, свидетельствуют гробницы их вождей. Близость, с одной стороны, к важнейшим металлургическим источникам Кавказа, и с другой – к торговым путям городов-государств Малой Азии и Верхней Месопотамии, могла сделать их в некотором роде наставниками и просветителями скотоводов, обитавших на пастбищных землях, которые лежали севернее и западнее.

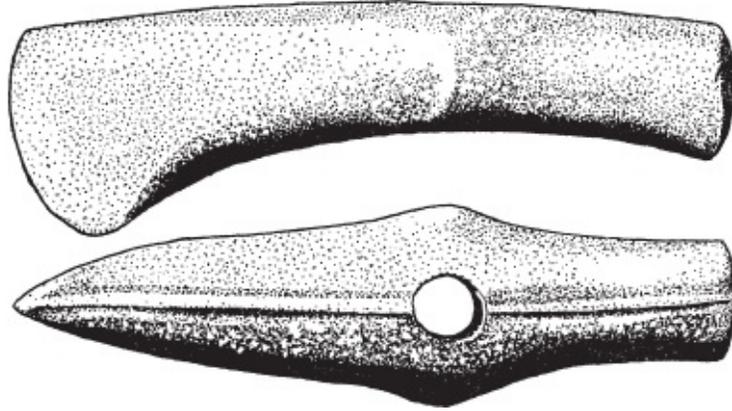

Рис. 1. Каменный боевой топор, копия металлического образца. Ютландия. Длина 17,5 см

Здесь снова встает вопрос о происхождении индоевропейской речи – теперь уже в связи с понтийскими племенами. Если правители хеттов действительно вышли именно из этих социальных слоев, как считают некоторые ученые, тогда их географическая колыбель могла быть в ареале Кубань – Терек. Возможно, однако, что и Северная Анатолия также находилась в границах прародины индоевропейцев.

Круг культур боевых топоров. Помимо приемов обработки металлов и изготовления каменных копий боевых топоров, в культуре европейских и понтийских скотоводов были и другие общие черты, выявленные с помощью археологии, – для этнологии они, возможно, имеют даже большее значение, чем виды оружия. Например, на основании изучения глиняной посуды, обнаруженной в одиночных захоронениях под круглыми курганами, или холмами (это был основной способ погребения), можно сделать вывод о широком распространении определенных типов сосудов и орнаментов (рис. 2). И понтийские, и европейские племена занимались свиноводством и держали крупный рогатый скот, значит, в отдельных регионах зерновые культуры если и выращивали, то в очень небольших количествах. Возможно, наибольший интерес представляет вопрос о том, разводили ли они лошадей и как использовали в хозяйстве этих животных. Здесь на помощь снова приходит лингвистика: документальные свидетельства середины 2-го тысячелетия до н. э. – хеттские и связанные с хеттами источники – подтверждают, что коневодческая терминология была в полной мере отражена в индоевропейском языке, вплоть до того, что даже личные имена содержали «лошадиные» элементы.

Лошади. Конские скелеты, так же как кости свиней и крупного рогатого скота, нередко встречаются в захоронениях на территории культурной зоны, о которой идет речь. Конечно, лошадей, наряду с другими домашними животными, могли держать в первую очередь ради мяса и молока, однако не похоже, чтобы тарпана, низкорослую европейскую лошадь, пасли вместе с отгульным скотом и выращивали на убой. Должно быть, с практической точки зрения выносливость тарпанов люди оценили по достоинству еще в очень давние времена и использовали их как тягловую силу. Скоростные качества лошадей для скотоводов 3-го и 2-го тысячелетий до н. э. не имели значения, поскольку скорость передвижения диктовали стада домашнего скота, так что тарпаны, вероятно, использовались как вьючные животные, а верховая езда стала возможной гораздо позже – с появлением селекционного скотоводства и лучших условий жизни. С уверенностью можно сказать, что повозки на цельных колесах вошли в обиход жителей Среднедунайского региона в начале 2-го тысячелетия до н. э., но, скорее всего, в них запрягали быков, а не лошадей.

Индоевропейцы. Общие черты в материальных культурах, значение лошадей в жизни восточных и западных племен скотоводов, лингвистические параллели – все эти факторы в

комплексе во многом способствовали созданию концепции происхождения индоевропейского народа, которая гласит, что в начале 2-го тысячелетия до н. э. племена индоевропейских воинов начали экспансию из Северной Европы либо из евразийских степей, покорив в итоге все европейские земли и даже некоторые регионы Ближнего и Центрального Востока. На современном этапе развития науки невозможно серьезно говорить об исключительно северных корнях индоевропейцев и о существовании в прошлом миграций такого огромного размаха, утверждение же чисто восточного происхождения этого народа делает рамки его прародинны еще более расплывчатыми и требует уточнения.

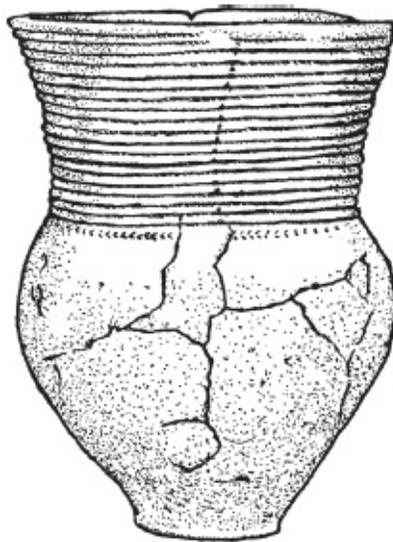

Рис. 2. Образец шнуровой керамики – глиняный сосуд из Ютландии. Высота 20 см

По мнению пишущего эти строки, большинство археологических данных, касающихся территорий между Черным и Балтийским морями, свидетельствуют о постепенном развитии у разных популяционных групп схожих понятий и потребностей в силу одинаковых условий жизни, окружающей среды и занятий, что могло произойти и без участия переселенцев, а вот в начале 2-го тысячелетия до н. э. в материальной культуре и особенностях использования в хозяйстве лошадей прослеживаются новые влияния, принесенные с юго-востока скотоводами и ремесленниками, жившими на окраинах цивилизаций Малой Азии. На землях Анатолии в те времена уже говорили на индоевропейских языках, о Европе же можно сказать лишь то, что все обитатели пастбищных земель в рамках континуума, по всей видимости, принадлежали к общей языковой группе.

Назвать скотоводов – носителей культуры боевых топоров – индоевропейцами можно лишь при определенном допущении и в самом общем смысле. Далее необходимо упомянуть другие племена, чья жизнь более или менее освещена археологией. Это носители культуры колоколовидных кубков, создававшие характерные изящные сосуды из красноватой глины (рис. 3), которые антиквары более поздних эпох называли кубками или чашами для питья.

Круг культур колоколовидных кубков. Носителей этих культур тоже можно назвать скотоводами. Они кочевали на обширных территориях Западной Европы и делили с племенами культуры боевых топоров земли от Богемии до Британии; их главным оружием был лук со стрелами, увенчанными кремниевыми наконечниками с зубринами, а основную часть стад составляли овцы. Колоколовидный гончарный стиль развился, вероятнее всего, на основе керамической традиции, существовавшей в Западном Средиземноморском регионе в эпоху раннего неолита, а культура колоколовидных кубков как явление, пожалуй, представляет собой западный вариант перехода к преимущественно скотоводческому хозяйству, о котором уже говорилось

выше как о широко распространенной в неолитической Европе тенденции.

Носителей культуры боевых топоров и племена, вооруженные луками, можно рассматривать как близкие, взаимодополняющие социальные явления, несмотря на разницу в их происхождении (одни – евроазиаты, прародина других – Средиземноморье и, возможно, отдельные районы Северной Африки). Нет нужды проследивать пути странствий носителей культуры колоколовидных кубков, оставивших следы своего пребывания в пещерах Франции и Испании, на территориях от Португалии до Шотландии – останки представителей этих племен обнаружены и в коллективных погребениях земледельцев эпохи неолита в Западной Европе. Создатели колоколовидных кубков, очевидно, обладали способностью адаптироваться в других популяционных группах либо силой подчиняли их своей власти. Они оставили после себя одиночные захоронения, без насыпей, а изредка встречающиеся в таких могилах металлические украшения и оружие свидетельствуют о том, что их бывшие владельцы вели торговлю с общинами, занимавшимися обработкой меди и бронзы.

Рис. 3. Глиняный сосуд (культура колоколовидных кубков). Лерида. Высота примерно 19 см

Историческое значение культуры колоколовидных кубков заключается в том, что общение ее носителей с племенами, принадлежавшими к культуре боевых топоров, обусловило возникновение множества гибридных культур, в которых евроазиатский элемент постепенно вытеснял остальные. Принятое в Британии положение о том, что носители культуры колоколовидных кубков принадлежали к индоевропейской группе, часто служило основой для выдвижения различных лингвистических предположений, в настоящее же время представляется очевидным, что создатели смешанной культуры колоколовидных кубков и боевых топоров переняли речь скорее у своих восточных предков, нежели у западных.

Преемственность и взаимопроникновение культур в бронзовом веке. Сколь бы различны ни были мнения по поводу языкового родства первобытных скотоводов, картина эволюции в раннюю и среднюю фазы бронзового века не допускает двояких толкований: свои природные ареалы по-прежнему заселяют основные племена, преимущественно скотоводческие, владеющие бронзовым оружием, которого становится все больше, и при этом сохранившие традицию одиночных курганных захоронений для своих вождей; облеченные властью воители теперь носят позолоченные украшения и оружие; боевые топоры встречаются реже и имеют не столько практическое, сколько символическое значение. В качестве примеров деятельности этих более поздних и, несомненно, более аристократических сообществ можно назвать южногерманскую курганную культуру, уэссекскую культуру Южной Британии и культуру второго периода датского бронзового века. Общую точку их расцвета можно поместить приблизительно в XV веке до н. э.

Не следует, однако, забывать, что в тот же период существовало множество иных популяционных групп – одни занимались главным образом земледелием, другие были последними представителями очень древних родовых общин, третьи – носителями еще более примитивного хозяйственного уклада. В Европе, особенно в центральных ее областях, земледельческие общины, жившие на берегах рек, по-видимому, вносили свою лепту в хозяйство господствовавших племен скотоводов – служили объектом набегов и грабежей, платили дань, находились в рабской зависимости.

Североальпийская культурная провинция. На протяжении 2-го тысячелетия до н. э. климат умеренной зоны Европы становился все суше, сначала это послужило одной из причин упадка в первобытном сельском хозяйстве, а со временем значительно сократило численность поселений с примитивным земледельческим укладом. Изучение погребальных ритуалов и остатков материальной культуры позволяет сделать вывод о всеобщем переходе населения к скотоводческому хозяйственному укладу и о том, что к концу XIII века до н. э. на землях, лежащих к северу от Альп и от Богемии до Рейна, то есть на прародине кельтов, начала разворачиваться финальная серия важнейших событий протоистории.

Прежде всего, это появление радикально нового комплекса материальных культур и как результат изменения в погребальном ритуале на прибрежных территориях Верхнего Дуная. Носителями новой культуры стали в первую очередь племена, заселявшие земли современных Австрии и Баварии, а также связанные с ними общины в Юго-Западной Богемии. Будучи оседлыми земледельцами, они занимали совершенно другие ареалы, нежели более древние племена скотоводов, уже завоевавшие определенные позиции в Европе. Разумеется, прежние земледельцы покинули приречные равнины не потому, что климат стал слишком засушливым, – скорее они были вытеснены людьми, которые принесли с собой более совершенные приемы обработки земли.

Эти люди основывали поселения и жили в прямоугольных деревянных домах, окруженных садами и возделанными землями. Именно им Европа обязана появлением оседлого земледелия и бурным развитием бронзового литья – возникновением новых приемов обработки металлов, новых форм оружия и орудий труда, а также применением металлических изделий в самых разных областях хозяйства (рис. 4). Трупы они чаще всего сжигали, а прах и остатки костей помещали в особые сосуды, или урны, для погребения в могильниках. Многие такие кладбища столь обширны, что получили название полей, после чего в научный обиход вошел термин «культуры полей погребальных урн».

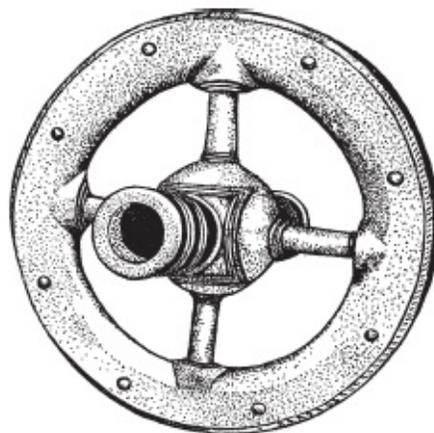

Рис. 4. Реконструкция бронзового литого колеса (ранняя культура полей погребальных урн). Кортайо, Швейцария. Диаметр примерно 49 см

Первобытная сельскохозяйственная цивилизация процветала на землях Верхнего Дуная,

укоренилась в районе швейцарских озер, в долинах Верхнего и Среднего Рейна, а со временем проникла еще дальше к западу и северу. Экспансия протекала медленно, по мере того как возникала потребность в завоевании новых земель, но вместо боев часто завязывались торговые связи с коренным населением, и результатом стало смешение старых и новой культур, с сильным преобладанием последней, причем на разных ареалах этот синтез приобретал свои характерные черты.

В связи с вопросом о происхождении кельтов население так называемой североальпийской культурной провинции полей погребальных урн с центром на территории современных Южной Германии и Швейцарии (карта 2) требует более пристального изучения.

Исторический фон, послуживший основой для развития культурного и хозяйственного уклада прежних обитателей провинции, которых можно считать ее аборигенами, уже был очерчен. Теперь необходимо попытаться уточнить некоторые факты и разрешить вопросы, связанные с условиями возникновения новых предпосылок эволюции, ибо огромный размах экспансии упомянутой культурной провинции объясняет далеко не все.

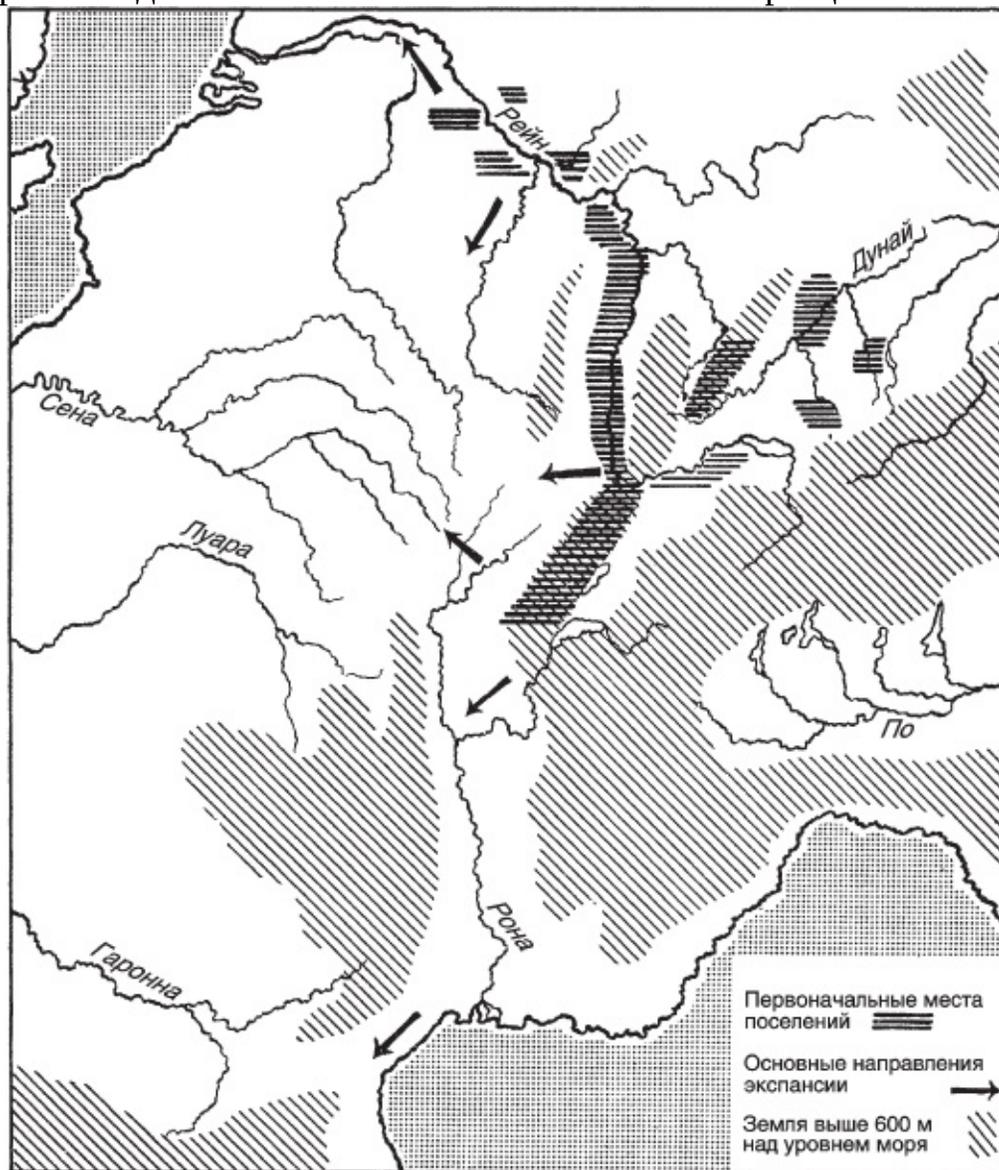
Истоки культуры полей погребальных урн. В этом контексте необходимо вернуться к юго-восточной зоне Европы. Анатолийские торговые связи, налаженные медных и бронзовых дел мастерами в начале 2-го тысячелетия до н. э., были по-прежнему прочны; торговые пути пролегали по Балканам, вдоль Среднего Дуная к золотоносным притокам реки Тисы и к Трансильвании, где находились богатые месторождения меди. На территории этого региона, от Балкан до Трансильвании, зародились самобытные культуры бронзового века, ареалы их распространения напрямую связаны с районами сосредоточения бронзового производства и торговли. Сведения об этих культурах в некотором смысле ограничены жесткими рамками археологических исследований, проводившихся на территории региона, однако известно, что крупные общины бронзового века долгое время существовали на обширных землях вдоль Среднего Дуная, в том числе у подножия Словацких гор, а также в Трансильвании и в бассейнах притоков Тисы. В середине 2-го тысячелетия до н. э. очень важное влияние на население этого региона оказала минойско-микенская цивилизация эгейцев. Вероятно, в значительной степени это произошло посредством торговли золотом и медью, а также другим сырьем, о котором не сохранилось никаких свидетельств, и, возможно, рабами.

Необходимо принять во внимание три особо значимых фактора, касающихся населения Среднедунайского региона в расцвет бронзового века: это были оседлые деревенские жители, практиковавшие преимущественно погребальный ритуал трупосожжения с захоронением праха в урнах на обширных кладбищах, а их ремесленники, занимавшиеся изготовлением металлических изделий, испытывали сильное влияние со стороны средиземноморцев и именно от них могли перенять новые виды оружия и орудий труда.

Здесь необходимо упомянуть о том, что властителями микенского мира в середине 2-го тысячелетия до н. э. были индоевропейцы, говорившие, очевидно, на греческом языке, – такой вывод позволяют сделать расшифрованные не так давно тексты линейного письма Б. Однако погребальный ритуал трупосожжения не был в ходу у греков тех времен.

Возникновение обряда кремации в том виде, в котором он впервые появился в эпоху венгерского бронзового века и позднее распространился на север и запад Европы, представляет собой довольно сложную научную проблему. В свое время кремацию практиковали неолитические общины в Восточной и Центральной Европе, изредка прибегали к ней и позже – вероятно, в особых ритуальных случаях, – так что по своей сути появление полей погребальных урн не внесло ничего нового в практику захоронений. Археологические исследования, касающиеся веков, о которых идет речь, свидетельствуют о существовании в ту пору на территории Малой Азии целой провинции с развитым кремационным ритуалом, а керамические

предметы, найденные в Венгрии и на соседних западных землях и принадлежащие к культуре полей погребальных урн, несут на себе отпечаток анатолийского стиля, что, возможно, указывает на их происхождение от восточных металлических образцов.

Карта 2. Североальпийская культурная провинция полей погребальных урн

В отличие от микенян хетты сжигали тела своих умерших царей, как это известно из письменных источников, а недавно на территории их древней столицы археологи открыли кладбище, содержащее остатки трупосожжений. Таким образом, можно предположить, что территории Юго-Восточной Европы до Малых Карпат находились в сфере распространения анатолийской культуры во 2-м тысячелетии до н. э., а возможно, и с более ранних времен.

Смутные времена. В эпоху расцвета Микен европейская торговля была ориентирована главным образом на этот рынок, что принесло ощутимые результаты в освоении новых декоративных стилей и приемов производства. Закат микенской цивилизации и распад хеттской империи, начавшийся в XIII веке до н. э., пошатнули основы международного порядка и хозяйственного уклада. Свидетельства тому – участвовавшие разбойные набеги в прибрежных районах Восточного Средиземноморья – хорошо известны истории. Предположение о том, что грабежами промышляли обитатели Центральной Европы, малоубедительно – в соседях у средиземноморцев было множество варварских племен, которые занимали более выгодные позиции для нападения, – однако отголоски событий в этом регионе были, по всей видимости,

весьма ощутимы на Среднем Дунае. Суматоха на Средиземноморье могла заставить многих земледельцев бросить свои дома и переселиться в верховья Дуная. Это всего лишь один из множества аспектов, связанных с вопросом распространения полей погребальных урн на территории Европы. Причина их появления в Северной Италии и еще более отдаленных землях на севере Карпат, в Восточной Германии и Польше требует подробного рассказа о других популяционных группах и культурах, что выходит за рамки обсуждаемой темы.

Возвращаясь к вопросу об исторических условиях, при которых культура полей погребальных урн укоренилась в Верхнедунайском регионе, нужно упомянуть три факта, имеющие первостепенное значение. Во-первых, новый керамический стиль был знаком жителям по крайней мере нескольких среднедунайских деревень – выполненные в этом стиле предметы находят в курганах и на кладбищах, содержащих остатки трупосожжений и относящихся ко временам, непосредственно предшествовавшим исходу жителей из этих мест. Существуют также доказательства того, что они владели ремесленным искусством, приемами обработки земли и погребальным ритуалом более высокого уровня, характерного для носителей культуры полей погребальных урн. Во-вторых, венгерские бронзовые дел мастера в техническом отношении долгое время значительно превосходили своих западных современников. Этот факт в некотором смысле объясняет использование носителями культуры полей погребальных урн металлических орудий новых типов, в частности бронзового колюще-рубящего меча, и появление у них навыковковки листового металла. В-третьих, бурное развитие горняцкого дела в Восточных Альпах, где добывали медь, может быть связано с временным истощением или недоступностью трансильванских и словацких ресурсов, вопреки предположению о том, что интерес микенян к этим источникам руды был весьма пристальным незадолго до начала упадка их цивилизации. Можно сделать вывод, что феномен верхнедунайской культуры полей погребальных урн тесно связан с исторической ситуацией в бассейне Среднего Дуная, однако возможность внешнего влияния со стороны обитателей дальних земель, прежде всего степных, совпадающего по временным рамкам с событиями, о которых речь шла выше, нельзя полностью игнорировать.

Модель хозяйственного уклада, поселений, материальной культуры и отчасти погребального ритуала, существовавшая в североальпийской провинции полей погребальных урн, была воспринята, с некоторыми изменениями, историческими кельтами.

Всадники и вожди. В предыдущих параграфах с позиций археологии были рассмотрены этапы существования доисторического населения Средней Европы, начиная с его появления на этих землях и заканчивая периодом укрепления позиций, которое произошло примерно к началу X века до н. э. Судя по содержимому могил, социальное неравенство в среде носителей культуры полей погребальных урн было не слишком велико, хотя в некоторых захоронениях, кроме сосудов с прахом, обнаружены мечи и посуда, что указывает на их принадлежность вождям или старейшинам свободных родов, к которым в маленьких деревенских общинах могли относиться с особым уважением. О том, что в те времена хоть и редко, но появлялись вожди более высокого ранга, свидетельствуют такие погребения, как могильник в окрестностях Милавеца в Богемии: прах умершего помещен в бронзовый сосуд, водруженный на колеса, рядом лежат бронзовый меч и другие предметы. В Харт-ан-дер-Альце (Бавария) открыто захоронение, содержащее остатки трупосожжения, искусно выкованный меч, три бронзовых и несколько глиняных сосудов тонкой работы, предназначенных, видимо, для потустороннего пира, и, что представляет наибольший интерес, оплавленные в огне остатки бронзовых деталей для четырехколесной повозки. Это первое прямое доказательство того, что носители культуры полей погребальных урн использовали повозки в хозяйстве и погребальных ритуалах.

Вопрос о власти вождей чрезвычайно важен, поскольку большинство сохранившихся материальных свидетельств, касающихся североальпийской культурной провинции, имеют

отношение скорее к правящим слоям, нежели к рядовым земледельцам. При ответе на него необходимо учитывать множество факторов.

В период господства земледельческих общин на территории Европы время от времени давали о себе знать древние воинственные племена скотоводов, и весьма вероятно, что на всем протяжении экспансии культурной провинции полей погребальных урн смешение и взаимопроникновение культур не прекращалось. Кроме того, некоторые факты указывают на восточное влияние. В VIII веке до н. э., то есть в последнюю фазу позднего бронзового века, на территории от современной Венгрии до южных окраин североальпийской провинции появляются бронзовые удила и бронзовые детали сбруи, очень близкие по типу к найденным археологами в понтийских степях Прикавказья и даже в Иране (рис. 5). Вопрос о том, когда и где эта конская упряжь появилась впервые и кто ее использовал, достаточно сложен. По всей видимости, к этому имеют отношение степные всадники-коневоды, но их численность была не слишком велика, значение с точки зрения лингвистики ничтожно, а вклад в историю позднего бронзового века ограничился совершенствованием военного дела и коневодства. Возможно, это были отслужившие свое наемники из войск Ассирии и Урарту. Не найдено ни одного пышного захоронения, содержащего их останки, нет никаких указаний на то, что в обрядах предания земле они использовали погребальные повозки.

Следующими в хронологической цепочке стоят погребения знатных воинов, сильно повлиявших на формирование кельтского народа. В таких захоронениях находят водруженные на повозки останки, заключенные, как правило, в деревянные могильные камеры под курганными насыпями, иногда вместо повозок попадают их разрозненные детали. Рядом с покойником его современники обычно клали железный меч и копье, глиняную утварь в большом количестве, разрубленные туши свиньи и быка. Помимо деталей повозки, некоторые захоронения содержат деревянный хомут для парной упряжки и бронзовые удила – для двух упряжных и одной верховой лошади.

Люди, похороненные в этих могилах, стояли у истоков развития хозяйственного уклада железного века в Средней Европе, а их материальную культуру принято именовать гальштатской – по названию местечка в Австрии, где были обнаружены первые относящиеся к этой культуре предметы (фото 14, 15). И что особенно важно, эти могилы родовой знати, так называемые «княжеские» погребения, древнейшие из которых найдены в Богемии, Верхней Австрии и Баварии, положили начало длинной череде пышных захоронений, содержащих трупоположения и ритуальные повозки и служащих основным источником сведений о кельтских вождях и культуре в период от Геродота до – на территории Британии – Цезаря.

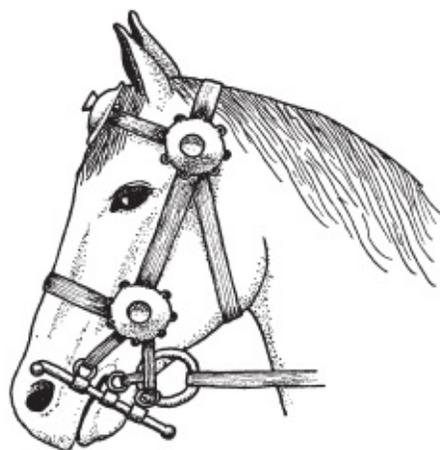

Рис. 5. Реконструкция конской уздечки восточного типа, созданная из бронзовых деталей, найденных в Миндельхейме, Бавария (ранняя гальштатская культура)

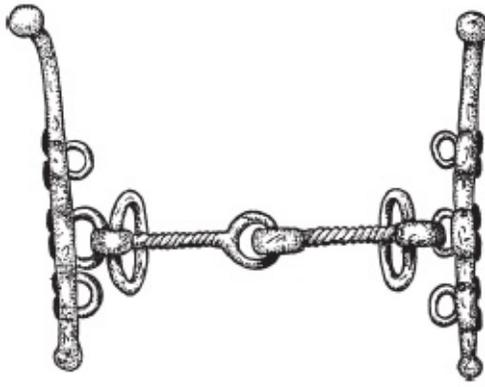
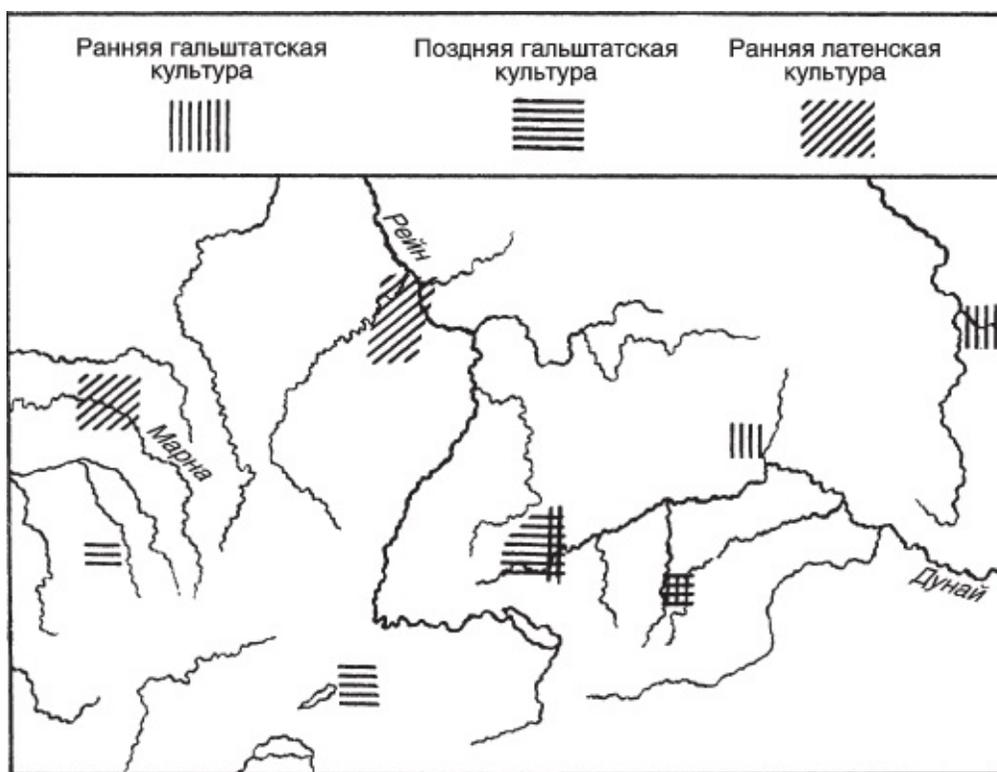

Рис. 6. Бронзовый трензель с защечными пластинами.
Тальмёсинг, Бавария. Ширина 14 см

Что же представляли собой вожжи гальштатского железного века? Они использовали конскую упряжь – усовершенствованные модели восточных образцов, более разнообразные по форме (рис. 6). Ближайшие прототипы железных мечей или их бронзовых копий (фото 7) исходят из Верхней Адриатики, в частности их делали на территории современной Боснии. Деревянные могильные камеры под курганными насыпями (фото 10, 11) указывают также на восточный источник, из которого черпали и скифы, либо на влияние культуры этрусков, чей помпезный погребальный ритуал с использованием повозок в те времена достиг расцвета. Ритуальное значение повозок – настоящих или их уменьшенных копий, – разумеется, было известно в Баварии и Богемии и за несколько веков до этого. Поскольку в ранней гальштатской культуре элементы культуры полей погребальных урн преобладают, а в последующие фазы развития их значение в определенной степени сохраняется, можно предположить, что вожжи, похороненные в первых могилах, содержащих погребальные повозки и железные мечи, были местными жителями либо ассимилировавшимися потомками смешанных браков. Их присутствие в североальпийской зоне обусловило более интенсивный процесс культурных заимствований у обитателей Адриатики, а прежде чем политический центр начал смещаться к западу, стала развиваться торговля жителей долины Роны с греческой Массалией и через центральноальпийские перевалы были проложены пути для торговли с этрусками.

Захоронения, содержащие погребальные повозки, представляют собой лишь самую примечательную из множества разнообразных форм погребений раннегальштатского периода, но изучение территории их распространения, начиная с этого периода и заканчивая латенскими временами, позволяют сделать вывод, что они принадлежали одному конкретному племени или одной «княжеской» фамилии. Ранние погребения этого типа находятся в Богемии, Баварии и Верхней Австрии, а большая часть тех, что относятся к VI веку до н. э., – в Вюртемберге, Швейцарии, на Верхнем Рейне, и отдельные могилы – в Бургундии (карта 3). В начале V века до н. э. налаживается напрямую торговля с этрусками, и место погребальных повозок занимают двухколесные колесницы – они обнаружены в захоронениях на Среднем Рейне, в Кобленце и на Мозеле. Вскоре важным центром такого погребального ритуала становится Шампань (фото 21, 22), а в III веке до н. э. нескольких воинов хоронят в соответствии с этой традицией и на территории Британии. Создается впечатление, что на протяжении двух веков по не вполне понятным причинам некое воинственное сообщество, обладавшее определенным могуществом, передвигалось в границах североальпийской культурной провинции.

Карта 3. Основные места локализации могил, содержащих погребальные повозки

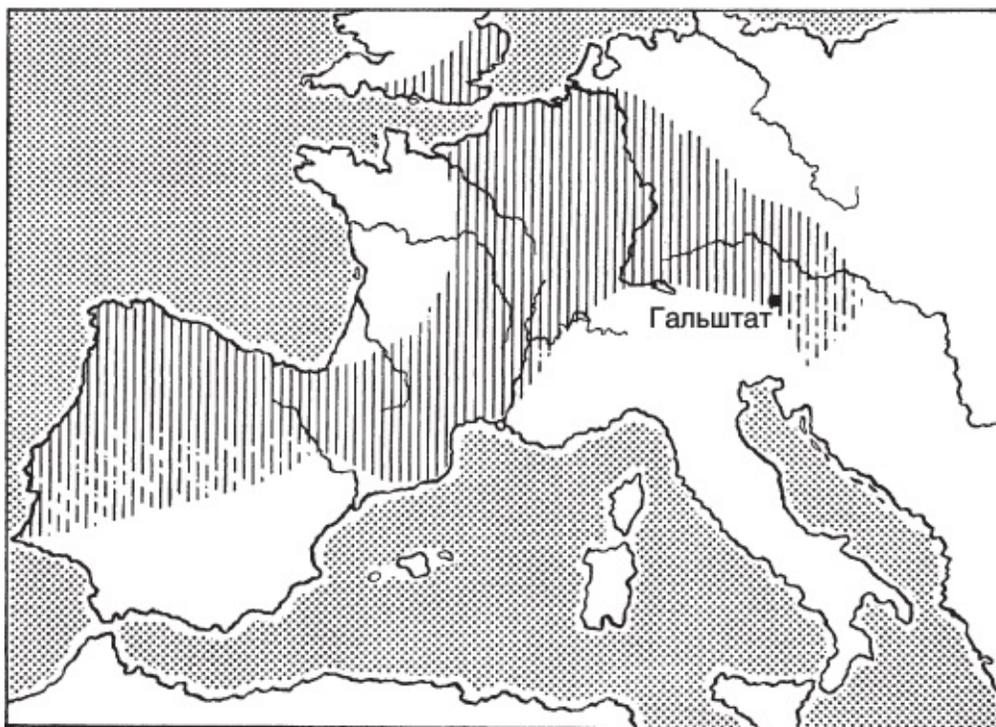
Эти люди не покидали окончательно свои старые земли, но центр их власти и благосостояния постепенно смещался к западу. Стоит упомянуть о том, что только в период поздней гальштатской культуры в погребениях вождей начинают появляться золотые украшения (фото 12, 13), – и это тоже должно быть связано с установлением прямых контактов с этрусками, поскольку именно их мастерам принадлежат другие металлические предметы, также найденные в этих могилах и в тех, что относятся к латенской культуре V века до н. э. В этой точке истории археологические данные наконец-то совпадают с письменными свидетельствами – ранними упоминаниями античных авторов о кельтах. Однако прежде, чем шагнуть дальше, необходимо вернуться к VII веку до н. э. для того, чтобы более полно и верно истолковать археологические и филологические данные.

Кельты как нация в VI веке до н. э. Ареал распространения кельтских названий на территории современных Испании и Португалии достаточно широк и в общих чертах совпадает с картой полей погребальных урн, путь создателей которых можно ретроспективно проследить через Южную Францию и долину Роны до юго-западных пределов североальпийской культурной провинции полей погребальных урн. Их экспансия, начавшаяся в период и в условиях позднего бронзового века, едва успела достичь Каталонии, как мигрантов захлестнула волна очередного влияния – гальштатской культуры, зародившейся на их прародине, – принесшая с собой новые приемы обработки металлов и новый художественный стиль. Каталонские поля погребальных урн появились, по всей вероятности, не раньше начала VII века до н. э., но, вне зависимости от реальной даты их основания, это единственное удовлетворительное объяснение распространению кельтских названий на Иберийском полуострове. Создатели полей погребальных урн со временем рассеялись к югу и к западу от Каталонии, а чуть позже другие носители той же культуры пришли на Иберийский полуостров от западных подножий Пиренеев и осели вдоль Атлантического побережья. Ко II веку до н. э., когда весь регион был поглощен Римской империей, они все еще сохраняли самобытность и не были ассимилированы коренным населением этих земель. Таким образом, рассказ Геродота о кельтах, живших в окрестностях

Пирены и неподалеку от Геракловых столбов, получил археологическое и филологическое обоснование.

Далее возникает вопрос, были ли мигранты, которые принесли в Каталонию культуру полей погребальных урн, кельтами или хотя бы кельтоговорящими, пользуясь современной терминологией, либо в распространении этого названия главную роль сыграли их преследователи – гальштатские отряды воинов. Пишущий эти строки склоняется к последнему утверждению, поскольку лишь с появлением гальштатского воинственного общества был приведен в действие механизм, который мог объединить под одним национальным названием варварские племена от Испании, через Среднюю Европу, до восточных подножий Альп. Нельзя забывать также упоминание Гекатея о Нираксе. Но даже если не принимать его в расчет, гальштатская культурная провинция (карта 4), сформировавшаяся в VI веке до н. э., совпадает с ареалом обитания кельтских народов, о чем можно судить по территории распространения кельтских названий и по ранним письменным свидетельствам античных авторов, и совпадает более точно, нежели в период кельтской экспансии V и IV веков до н. э., в которой участвовала лингвистически кельтская провинция, лежавшая к югу от Пиренеев.

Если бы письменная история трансальпийской Европы началась на тысячу лет раньше, происхождение кельтов можно было бы проследить не только с помощью изучения общего хозяйственного уклада и социальных тенденций, но и на примере судеб отдельных родов, династий и даже личностей. Но «человеческий» аспект событий, касающихся протокельтов, все же остался за кадром, потому в данной главе излагаются результаты изучения этой проблемы, добытые «окольными» путями. Впрочем, у такого подхода есть и свое преимущество – он позволяет охватить множество факторов, повлиявших на процесс формирования народа кельтов, и в то же время дает возможность приоткрыть завесу тайны в поисках национальных корней. Представляется логичным, что знание особенностей формирования похожих союзов или племен, попавших в поле зрения древних историков и гораздо лучше изученных, может помочь в понимании роли и специфики объединяющего элемента, обусловившего появление кельтской цивилизации.

Карта 4. Протяженность гальштатской культурной провинции в начале V века до н. э.

Геродот приводит два любопытных описания степных народов Восточной Европы, чьи названия он использует в том же этнологическом смысле, что и термин «кельты». Речь идет о киммерийцах и скифах. В обоих случаях группы племен, имевших различное происхождение и обитавших на разных ареалах, были объединены, каждая под властью воинственного «княжеского» племени. Когда «княжеское» племя терпело поражение в битве, союз племен распадался и возникали новые группы, объединявшие разнородное население уже под другими названиями. Кстати, к созданию бронзовой конской сбруи, происходящей из прикавказских областей и появившейся, как выше упоминалось, в конце бронзового века полей погребальных урн, могут иметь отношение киммерийские всадники. Владычеству киммерийцев положило конец вмешательство скифов, которые стали восточными соседями обитателей гальштатской культурной провинции в конце VI века до н. э. и в свою очередь были низвержены другим кочевым народом, двигавшимся на запад, – сарматами.

Что касается кельтов, ситуация была не так проста, поскольку они вели в основном оседлый образ жизни, связанный с земледельческим хозяйственным укладом, занимали огромные пространства и существовали в разных географических условиях. Некоторые параллели можно найти во времена упадка Римской империи, в IV и V веках н. э., – тогда господствующие кланы, или «княжеские» племена, объединяли под своей властью обширные территории и их обитателей. Пример тому – готы и франки. В масштабе помельче это можно проиллюстрировать происхождением слова «англичанин». В англосаксонском нашествии участвовало совсем небольшое число истинных англов, но иммигранты вскоре приняли самоназвание «англичане», поскольку именно представители знатного рода англов возглавили переселение с берегов Фризии.

В связи с этим можно выдвинуть следующую гипотезу: название *keltoi*, ставшее известным впервые именно в этой греческой форме, было принято населением североальпийской культурной и языковой провинции (а также земель, попавших в сферу ее экспансии), которое подчинялось гальштатскому «княжескому» племени, чьи представители похоронены в могилах, содержащих погребальные повозки, и чьим племенным или родовым именем и было это слово.

Другое широко распространенное название – *galatae*, – вероятно, имеет аналогичное происхождение, однако не следует забывать, что оно появилось в трудах античных авторов намного позже того, как центры гальштатской культуры пришли в упадок, а именно в те времена, когда кельты, будучи уже создателями латенской культуры, снова рассеялись на значительных территориях. Возникли новые обстоятельства и новые формы межплеменных отношений.

Заключительные параграфы этой главы посвящены кельтским поселениям в Британии и Ирландии, а также оценке роли древнеирландских законов и литературы как зеркала жизни кельтского общества во всех ее проявлениях.

Миграции в Британию. Как упоминалось выше, белги были единственным кельтским или отчасти кельтским народом, чьи миграции в Британию имеют прямые документальные подтверждения. Согласно историческим и археологическим данным, переселение произошло в начале I века до н. э., однако прежде необходимо вернуться в более отдаленные времена и рассмотреть археологические доказательства существования тех кельтоговорящих популяционных групп, намек на которые содержится в перипле Пифея. Об их противостоянии с белгами рассказывает Цезарь, а Тацит говорит о них как о противниках римлян. Эти племена жили неподалеку от древних белгских королевств на континенте.

Археологические данные, касающиеся Британии и Ирландии, свидетельствуют о том, что на этих островах в конце 2-го тысячелетия до н. э., когда на континенте начала оформляться североальпийская культурная провинция полей погребальных урн, существовала инертная, но широко распространенная материальная культура, опиравшаяся, с одной стороны, на наследие

культуры колоколовидных кубков и боевых топоров и, с другой, на мезолитические и западные неолитические источники. Блестящий и многоликий ранний бронзовый век продлился около двух-трех столетий, достигнув расцвета в XV веке до н. э., затем последовал менее примечательный период, в течение которого смешанное и, возможно, даже ставшее однородным население вело главным образом кочевую жизнь скотоводов. Кузнечное ремесло, однако, в этой среде продолжало развиваться, и островитяне не отставали от бронзовых дел мастеров, создавших северную континентальную традицию.

Первым известным археологии признаком влияния североальпийской культурной провинции полей погребальных урн стало появление в районе эстуария Темзы бронзовых мечей среднерейнского типа. Скорее всего, их на острова привезли новые искатели приключений, а не иноземные купцы. Мечи можно датировать X веком до н. э. Примерно в то же время на двух островах повсеместно вошли в обиход бронзовые топоры, которые представляли собой более подходящий предмет торговли. Появление топоров – самых полезных в хозяйстве бронзовых инструментов – и освоение приемов обработки листового металла (распространение и того и другого на всей территории трансальпийской Европы стало возможным благодаря интенсивной добыче руды с началом эпохи полей погребальных урн) открыли перед островитянами новые возможности и дали импульс развитию торговли металлом. Местные ремесленники отныне могли удовлетворять запросы и нужды новой эры, так что с континента оружие привозить перестали, по крайней мере в больших количествах.

Вследствие экспансии провинции полей погребальных урн в Южной Британии появились первые переселенцы – беженцы из Северной Франции, судя по глиняной посуде, выполненной в стиле французского среднего бронзового века и обнаруженной в Кенте. Более серьезная и крупномасштабная волна иммиграции хлынула на остров в начале VIII века до н. э. Новые переселенцы заняли на юге Англии земли, богатые меловыми отложениями; материальные свидетельства их пребывания находят также в Суссексе, Дорсете и Уилтшире. Нет необходимости подробно анализировать в данной книге различия между археологическими культурами – для нас важно то, что эти иммигранты обладали некоторыми общими характеристиками. Во-первых, они принесли с собой хозяйственный уклад оседлого земледелия (некоторые их поселения и системы обработки полей сохранились до наших дней). Это, как было показано выше, одна из характерных черт культуры полей погребальных урн, чуждой обитателям Западной и Северной Европы во 2-м тысячелетии до н. э. Во-вторых, их погребальный ритуал включал в себя кремацию и захоронение праха в урнах (впрочем, в этом отношении древние обитатели острова не узнали от них ничего нового, поскольку ритуал трупосожжения, выросший из поздненеолитического ритуала, повсеместно известного в Британии и Ирландии, практиковался там задолго до появления переселенцев). В-третьих, новая керамическая традиция, распространившаяся в Англии, принадлежала, как и в первом случае, скорее к культуре среднего бронзового века, нежели к культуре полей погребальных урн. Все это подтверждает сделанный ранее вывод о всеобъемлющей природе экспансии культуры полей погребальных урн, которая распространилась к северу от Рейна, охватила Францию и была воспринята носителями более древних культур. Настоящий керамический стиль культуры полей погребальных урн появился в Англии только вместе с первыми колонистами, пришедшими из центральных областей североальпийской провинции. Ареал их расселения на острове ограничился южным побережьем, и керамический стиль вскоре был освоен местным населением. Среди последних мигрантов, очевидно, были жители с берегов швейцарских озер, спасавшиеся от нашествия гальштатских воинов, которые вторглись в этот регион в VII веке до н. э.

Переселенцы – предположительно кельтские или кельтизированные, – о которых шла речь

выше, продвинулись, по всей видимости, не так уж далеко за границы своего первоначального ареала – земель, богатых меловыми отложениями. Территории, лежавшие к северу и западу и отличавшиеся более суровым климатом, заняли другие мигранты – воины, вооруженные мечами и использовавшие конскую упряжь гальштатского типа. О них почти ничего неизвестно. Путешествовали ли они целыми общинами, с женщинами, владевшими бытовыми ремеслами, или переправлялись на острова небольшими отрядами в поисках приключений? Последнее представляется более вероятным, поскольку в Британии и Ирландии археологи повсюду находят предметы, которые можно назвать воинскими украшениями гальштатского типа, но нигде не обнаружено связанных с их обладателями остатков бытовой материальной культуры, присущей их континентальным сородичам. Это безусловно спорный вопрос, и ответ на него не так уж прост. Возглавляя медленный процесс миграций и обладая большей мобильностью, чем простые переселенцы, гальштатские воины имели возможность создавать отряды помощников, куда входили представители покоренных ими народов. Таким образом, мигранты могли принести в Британию и Ирландию не только оружие и украшения, но и новые принципы социальной организации.

Итак, если датировка «Массалиотского перипла» – начало или середина VI века до н. э. – верна, в современную его автору эпоху южные прибрежные земли Альбиона были заселены многочисленными иммигрантами позднего бронзового века, покорившимися, возможно, тем самым гальштатским воинственным вождям, которые носили длинные бронзовые или железные мечи и надевали на своих лошадей – верховых или упряжных – сбрую и украшения, выполненные в среднеевропейском стиле. Во времена Пифея на Альбионе широкое распространение получило название *pretani*. С чем это связано, и может ли археология помочь разрешить этот вопрос?

Ответ нужно искать в событиях, связанных с началом V века до н. э., – тогда в Южной и Восточной Британии появились колонисты из Нидерландов и Северной Франции, перед которыми предыдущие переселенцы по численности и уровню развития хозяйственного уклада отступают на второй план. Иммигранты новой волны не мешали существованию местной устаревшей материальной культуры гальштатского типа, но сами были потомками жителей североальпийской культурной провинции полей погребальных урн, которые рассеялись от Нижнего Рейна до Шампани и долины Сены.

Для ясности можно обозначить культуру этих последних переселенцев археологическим термином «британский железный век А», а ее носителей по исторической значимости сравнить с англо-саксами построманского периода. Они подчинили себе всех местных жителей, в том числе своих предшественников-переселенцев, сгладив различия между популяционными группами. Численность населения острова в то время должна была значительно возрасти – еще и потому, что появление новых железных орудий труда сделало доступными для обработки, а значит и для обитания, новые земли.

Носители культуры железного века А, занявшие сначала южные и восточные прибрежные территории, расселились затем в районах с сухими плодородными почвами, а позднее – на граничащих с Уэльсом суровых землях Мидленда, продвинувшись в глубь острова до Пеннинских гор. Эта экспансия длилась в течение примерно двух веков, и, несмотря на продолжавшийся приток иммигрантов с континента, носители культуры железного века А составляли большинство населения Британии до вторжения римлян. Что происходило в тот период на землях, лежащих к северу от Чевитских гор, неизвестно. Похоже, на отстававших в развитии носителей культуры средней бронзы, освоивших металлические орудия позднебронзовых типов, оказывали влияние лишь гальштатские странники. Племена же, принадлежавшие к культуре железного века А, поселились в южной части Шотландии только на рассвете христианской эры с началом белго-римских столкновений.

Нет никаких сомнений, что носители культуры железного века А были кельтами, и весьма вероятно, некоторые из них, если не все, называли себя *pretani* или *preteni* – претаниями или претензиями.

В конце гальштатской эпохи (V век до н. э.) передел власти и имущества на континенте стал одной из причин появления новых тенденций в развитии материальной культуры и зарождения замечательного декоративного искусства. Археологам это явление известно под названиями «латенская культура» и «латенский художественный стиль». У его истоков стояли все те же популяционные группы и, по-видимому, те же правящие аристократические кланы. Среди властителей главное место занимали вожди, чьи богатые захоронения, содержащие погребальные колесницы, обнаружены на Среднем Рейне и в Шампани. Вероятно, именно они возглавляли упоминавшуюся выше великую экспансию кельтских племен на восток Европы, в Италию и на Балканы, и отчасти именно по их вине носители гальштатской традиции и культуры железного века А вынуждены были искать убежище в Британии. Сами же латенские завоеватели высадились на остров лишь в середине III века до н. э., оккупировав в основном южное побережье, и в частности Сассекс. Новые переселенцы были, вероятно, немногочисленны, но можно предположить, что с континента переправлялись целые семьи или некие социальные образования, поскольку они оставили после себя не только оружие, но и домашнюю утварь, свидетельствующую о том, что им не чужды были бытовые ремесла. Культура, принесенная этими людьми в Британию, получила название «британский железный век Б», иногда встречается термин «марнская культура», поскольку их прародину можно примерно соотнести с современным французским департаментом Марна. Однако весьма вероятно, что с этой волной переселения в Британию прибыли железных дел мастера, а возможно, даже вожди, из среднерейнских областей. Не похоже, чтобы марнские племена изгоняли местных жителей острова с их земель, скорее всего, они заставили их покориться своей власти либо образовали независимые анклав. На севере они заселили йоркширские пустоши и, возможно, заняли юго-западные пределы Шотландии. Племенная знать железного века Б обзавелась новыми владениями и покровительствовала островной школе латенского искусства. Этот вывод можно сделать на основании того, что благодаря своему положению господствующей верхушки она имела средства усилить кельтский характер культуры населения острова, по крайней мере на землях к югу от Чевиотских гор. На юго-западе и в районе Бристольского залива латенские переселенцы появились в III или II веках до н. э., что, по всей видимости, стало результатом развития корнуоллской торговли, и оставались там до времен Цезаря, когда на их земли выплеснулась волна беженцев.

Конечная фаза колонизации Британии перед вторжением римлян началась с появлением белгских поселений на юго-востоке острова. Это событие имеет множество археологических доказательств, освещено оно и самим Цезарем. Колонисты были выходцами из белгского союза племен, занимавших территории между Рейном, Сеной и Марной. Некоторые из этих племен, главным образом те, что жили на побережье, были примитивными носителями смешанной культуры полей погребальных урн и Гальштата, а пришли они из зарейнских областей либо были оттуда пригнаны. Остальные племена вели свое происхождение от носителей латенской культуры, обитавших в Шампани, и в Британию переселились именно их представители.

Подробнее о жизни белгских поселенцев в Британии будет рассказано в следующей главе, здесь же достаточно упомянуть, что по языковой принадлежности и социальной организации их можно считать кельтами и что именно они стали ядром местного сопротивления римлянам сначала на землях собственных королевств, затем, потерпев поражение и будучи изгнанными, – на западе и севере. Представляется весьма вероятным, что подлинная белгская династическая традиция сохранилась в Уэльсе во времена римской оккупации и была возрождена бриттами в

эпоху Средневековья.

Кельты в Ирландии. Кельтский язык и литература, сохранившиеся в Ирландии с древних времен, дают богатейший материал для исследования, однако комплекс археологических свидетельств, касающихся этого острова, далеко не полон.

Начиная с эпохи ранней бронзы Ирландия играла важную роль в производстве металлических изделий, и островные бронзовых дел мастера не мешкая осваивали новые приемы литья и более совершенные формы изделий. При этом не найдено никаких указаний на переселение в Ирландию чужестранцев, которые могли стать их учителями. Возможно, впервые это произошло в VI веке до н. э., которым датируют большое число бронзовых и керамических вещей, найденных на обширных территориях – горы Антрим и Даун на севере, Уэстмит и Роскоммон в центре, Клэр и Лимерик на юго-западе – и свидетельствующих о появлении в Ирландии переселенцев, которые были носителями одного из вариантов гальштатской материальной культуры. Как и в случае с Британией, здесь можно заподозрить гальштатских искателей приключений, однако достаточно четко прослеживающиеся характерные черты в производстве глиняной утвари указывают на более сплоченные иммиграционные группы. Эти люди могли быть представителями избыточного населения культуры железного века А, эмигрировавшими из Британии, однако на основе некоторых археологических фактов – и снова всплывает упоминавшаяся выше теория – можно сделать вывод о существовании ранней волны переселения из нижнерейнских областей, докатившейся до Ирландии через Шотландию либо по шотландскому побережью. По крайней мере одна точка на карте северо-восточного побережья Шотландии является тому доказательством. Кроме того, вполне возможно, что поселения на берегах озер, напоминающие кранно-ги и сосредоточенные в основном на Верхнем Шанноне, созданы по образцу деревень западноальпийской зоны.

Следующая опорная точка в археологических исследованиях на территории Ирландии связана с чудесными металлическими изделиями в латенском стиле. Прежде всего это гравированные бронзовые ножны для железных мечей, бронзовые уздечки с декоративным орнаментом и бронзовые рожки. По стилю древнейшие из этих вещей принято датировать начиная с I века до н. э., а их прототипами считаются изделия, относящиеся к эпохе британского железного века Б. Однако в настоящее время остается открытым вопрос о том, являются ли эти произведения латенского ремесленного искусства делом рук бродячих мастеров, работавших прежде на «гальштатских» вождях, или указывают на прибытие в Ирландию новых господ, привезших с собой собственных умельцев. Некоторые филологические доказательства можно истолковать в пользу последнего, но окончательный вывод сделать сложно. По крайней мере одно обстоятельство не вызывает сомнений: если металлические изделия, о которых идет речь, действительно увидели свет не раньше I века до н. э., тогда их творцы могли прибыть на остров только из Британии, а именно из Йоркшира либо из Юго-Западной Шотландии. Беженцы или другие мигранты из Галлии были не способны создать эти изящные вещицы, поскольку латенское искусство на континенте к тому времени уже пришло в упадок.

Переселение в Ирландию большого числа галльских изгнанников, спасавшихся от римского владычества, не подтверждено археологически, но некоторые указания на этот счет содержит древнеирландская литература, подтверждение можно найти и у географа Птолемея, записавшего во II веке н. э. названия нескольких кельтских племен. То же самое относится и к прибытию на остров бриттов, которое должно было состояться в I веке н. э. после окончательного покорения Южной Британии римлянами под предводительством Клавдия.

На современном этапе развития науки представляется невозможным оценить истинный вклад переселенцев из Галлии и Британии в культуру Ирландии и их влияние на жизнь местного населения. Открытым остается вопрос, они ли принесли в Ирландию кельтский социальный

уклад и культуру, укоренившиеся на острове и процветавшие в V веке н. э., когда туда прибыли христианские миссионеры, либо их деятельность способствовала лишь дальнейшему развитию кельтской Ирландии, у колыбели которой стояли «галыштатские» вожди VI века до н. э. Лингвистика не способна помочь в разрешении этой проблемы, поскольку опирается на поздние документальные свидетельства, однако краткий обзор особенностей ирландского языка и оценка занимаемого им места в филологической науке представляются нелишними.

Язык древнеирландской литературы считается предшественником современного гэльского и относится к той ветви кельтской языковой семьи, которую принято называть Q-кельтской и которая содержит больше архаических элементов, чем P-кельтская ветвь, включающая в себя галльский, бриттский и валлийский языки. Во времена Цезаря и, возможно, задолго до него P-кельтские диалекты доминировали на континенте и в Британии, но Q-кельтские элементы все же прослеживаются в названиях на территории Галлии и Испании, а также в далеко не полном эпиграфическом материале, касающемся римской эпохи. Филологи расходятся во мнениях, насколько давно произошло разделение кельтского языка на две ветви и понимали ли друг друга p- и q-кельты до того, как латынь оказала сильное воздействие на галльский и бриттский языки.

Независимо от ответа на эти вопросы, факт остается фактом: язык и литература, не замутненные влиянием Римской империи и имеющие прямое отношение к древним кельтам, сохранились только в Ирландии.

Ретроспективно проследить путь ирландских традиционных знаний и литературы от эпохи Средневековья до протоисторических времен – задача важная, сложная и незаслуженно обойденная вниманием ученых. Последние строки этой главы будут посвящены краткому обзору обстоятельств, на фоне и посредством которых некоторые элементы духовной культуры древних кельтов были сохранены для потомков.

Если в ранних тевтонских королевствах построманской Европы христианской церкви противостояла лишь слабая рудиментарная система социального уклада, управления и правосудия, то в Ирландии миссионерам пришлось столкнуться с высокоорганизованным обществом ученых мужей, среди которых были блюстители бытовых законов, мастера, владевшие сакральными искусствами, создатели героических сказаний и хранители родословных. Со временем язычество было искоренено, но традиционные знания продолжали передаваться устным путем – такие школы существовали бок о бок с монастырями. В VII веке, если не раньше, появились монахи, обладавшие особым статусом: эти всесторонне образованные христиане были, помимо прочего, еще и носителями древней кельтской мудрости. В итоге увидели свет первые записи устных преданий на местном языке, родилась ирландская письменная литература – древнейшая в Европе после греческой и латинской. Традицию трепетного отношения к знаниям и, соответственно, предельную точность их устной передачи восприняли и те, кто впервые записывал эти знания, а также их последователи, копировавшие по прошествии веков древние манускрипты. Таким образом, язык и форма текстов, впервые записанных в VII или VIII веках, получили адекватное отображение в манускриптах XV или XVI веков, которые могут содержать разве что очень незначительные неточности. Древнейшие из дошедших до нас образцов письменного ирландского языка найдены в церковных книгах VIII и IX веков, где латинский текст сопровождается пояснениями, а иногда и другими комментариями на родном языке трудившихся над ними монахов. Эти церковные книги, имеющие достаточно точную датировку, играют важную роль хронологической вехи, позволяющей соотнести с временной шкалой язык ирландских трактатов, сохранившихся в более поздних списках.

Следует заметить, что дошедшие до наших дней тексты представляют собой лишь часть целого комплекса знаний, существовавших в устной форме, скажем, в VIII веке н. э., а некоторые из самых ранних манускриптов, содержавших важнейшие сведения, как известно, безвозвратно

утеряны.

Систематическое изучение древнеирландского языка и литературы проводится только в течение последней сотни лет и в определенном смысле находится на подготовительной стадии. Содержание правовых трактатов, эпических и мифологических преданий проливает свет на жизнь Ирландии в доисторические времена, проясняет многие замечания античных авторов по поводу континентальных кельтов и предоставляет бесценный материал для сравнительного анализа индоевропейских социальных институтов, мифологий и языков. Кельтская Ирландия была западным оплотом индоевропейской культурной традиции, арийская Северная Индия замыкала сферу ее влияния на востоке. Разделенные огромными пространствами, кельты и арии долгое время хранили эту традицию, уже после того как канули в небытие ее создатели – их общие предки.

Глава 2

Образ жизни кельтов

Кельты предстали на страницах истории как варварский народ, появившийся на свет в Североальпийском регионе в первые века последнего тысячелетия до н. э. и являвший собой некую общность самостоятельных племен.

Схожие черты в материальной культуре, земледельческом хозяйственном укладе, социальной организации и языках – плод смешения чужеродных, по крайней мере отчасти, носителей культуры полей погребальных урн с древним местным населением, – достигли тождественности с появлением правящих династий, чьи представители похоронены в «княжеских» погребениях, относящихся к гальштатской и латенской культурным эпохам. В V–IV веках до н. э. кельтский мир пережил расцвет, территория его экспансии растянулась на всю Европу. Затем могущество кельтов пошло на убыль, что обусловлено прежде всего естественными причинами развития и заката цивилизаций; последний, решающий удар ему нанесла победоносная кампания Юлия Цезаря. И только в Британии, а в конечном счете в Ирландии отдельные популяционные группы поколение за поколением пережили эпоху Средневековья, сохранив наследие кельтов – правда, в иных, местных, обличьях.

Эта глава посвящена в основном бытовым аспектам жизни кельтского общества и опирается на дополняющие друг друга и не содержащие противоречий сведения, почерпнутые из островной народной традиции, античных источников и комплекса археологических данных. Но прежде всего необходимо несколько слов сказать о внешнем облике представителей кельтского народа, благо греческие и латинские авторы не обошли вниманием эту тему.

Внешний облик кельтов. Выше уже упоминалось о том, что греки во времена Геродота без труда узнавали кельтов среди других варваров по разнообразным национальным чертам, точно так же, как еще совсем недавно можно было отличить друг от друга жителей большинства стран Европы по одежде и внешнему виду. Доминировавший у кельтов физический тип стал предметом комментариев античных авторов после эпохи великой кельтской экспансии, охватившей и Северную Италию. Во II веке до н. э. Полибий, использовавший, возможно, ранние источники, упоминает об устрашающем облике могучих галльских воинов, более подробное их описание можно найти в трудах, созданных немного позже, в том числе у Страбона, Диодора Сицилийского и Плиния.

Жители Средиземноморья узнавали кельтов по высокому росту, светлой коже, развитой мускулатуре, голубым глазам и белокурым волосам. Следует отметить, что люди с подобными физическими характеристиками встречались и среди самих средиземноморцев, а в случае с кельтами описания такого типа внешности относились не столько ко всему населению, сколько к наиболее приметным его сословиям – вождям и свободным воинам. Внешность кельтов, обрисованная античными авторами, вполне соответствует стандартам красоты, принятым у островной кельтской знати и воспетым в древнеирландской литературе, так что оставим в стороне современные представления о том, как должны выглядеть истинные кельты, например в Уэльсе или на Гебридских островах, и обратим внимание на эволюцию высокого, светлогокожего и светловолосого генетического типа.

Следует сразу сказать, что концепция возможности существования чистых рас, демонстрирующих перманентные признаки в телосложении и пигментации их представителей, давно опровергнута с позиций науки. Термин «раса», не имеющий точного определения, используется лишь в самой общей классификации, выделяющей черную, белую и желтую расы.

Однако в наиболее четко выраженных популяционных группах все же присутствует некая общность физических характеристик. Даже неподготовленный сторонний наблюдатель, встретившись с людьми, принадлежащими к такой популяционной группе, заметит совокупность незнакомых ему черт, но каждый человек при этом будет носителем лишь части общих признаков.

Раз уж речь зашла о физическом типе кельтов, кроме описаний, присутствующих в древней литературе, можно упомянуть еще два источника информации. Во-первых, это изобразительное искусство античных и кельтских мастеров, а во-вторых, анатомический материал – останки из кельтских погребений, число которых сравнительно невелико. Ценность последней группы вещественных доказательств будет возрастать с развитием технологии эксгумации и пластической реконструкции, а также с обнаружением новых захоронений, содержащих труположения. Их пригодность для исследований, к сожалению, зависит от вида почв в той или иной местности, сохранности могил и счастливого случая, который может привести археологов к новым объектам раскопок.

В кельтских погребениях, уже известных науке, обнаружены останки носителей гальштатской и латенской культур. Среди них представлены как долихо-, так и брахицефалы. Последние, очевидно, принадлежат к более древнему населению бронзового века, занимавшему североальпийскую зону, в то время как долихоцефалы (есть основания причислить их к аристократическому сословию кельтского общества), очевидно, ведут свое происхождение от обитателей Центральной Европы, мигрировавших к западу. В целом изученный анатомический материал позволяет нарисовать картину, знакомую любому этнологу: современные этнические группы тоже демонстрируют смешение генетических типов и существование физических характеристик, присущих как определенным слоям общества, так и всему населению.

Изобразительное искусство в вопросе изучения внешнего облика кельтов являет собой значительное подспорье. Оно дополняет анатомический материал, и хотя исконно кельтской латенской культуре свойственна предельная стилизация в изображении людей и человеческих масок, вследствие чего невозможно сделать выводы о форме голов (фото 2, 31–33; рис. 7), определенные черты – обвисшие усы и зачесанные назад буйные шевелюры, – которыми наделены многие скульптурные портреты и фигурки божеств, дают представление об идеале красоты, принятом у кельтов.

Античные скульптурные изображения кельтских воинов, принадлежащие в основном к пергамской школе и созданные в память о победе над галатами в Малой Азии, подтверждают встречающиеся в литературе описания рослых людей с гибкими мускулистыми телами, круглыми или овальными головами и волнистыми или кудрявыми волосами (фото 3). Скульптурные портреты служат прекрасной иллюстрацией тому, что кельты следили за своим внешним видом. Настало время уделить внимание этому вопросу и сказать несколько слов о кельтском стиле в одежде и украшениях.

Рис. 7. Железная оправа из позднелатенского кремационного погребения. Мюльхейм, Кобленц. Высота примерно 4,5 см

Захватывающий рассказ Полибия о решающей битве при Теламоне, которая состоялась между римлянами и галльскими захватчиками в 225 году до н. э., содержит первые в истории сведения о внешности и одежде кельтов. По-видимому, историк опирался на свидетельства очевидцев или участников этого события, и его отчету можно доверять. Он пишет о том, что инсубры и бойи – племена, осевшие к тому времени в Северной Италии, – носили штаны (*bracae*) и легкие плащи. Гезаты, воины, пришедшие из заальпийских районов, выступали в авангарде галльского войска обнаженными – их тела украшали лишь золотые шейные обручи, или гривны, и браслеты (фото 1). Пожалуй, одно из лучших описаний кельтских воинов принадлежит Диодору Сицилийскому – весьма вероятно, что и он тоже использовал в своей работе более древние отчеты из первых уст. По его словам, знатные кельты отпускали усы до невероятной длины – у некоторых они даже закрывали рот – либо, напротив, были тщательно выбриты, подтверждением чему служат работы бронзовых дел мастеров и скульпторов, в том числе знаменитый «Умиравший галл» и скульптурная группа «Ludovisi» – портрет поверженного воина, который сводит счеты с жизнью, убив перед этим свою жену. Оба эти произведения имеют пергамские прототипы, а значит, изображают галатов, завоевавших в свое время Малую Азию.

Диодор утверждает, что некоторые кельты – принадлежавшие, вероятно, опять-таки к воинскому сословию – носили короткие бороды, но самые интересные сведения он приводит об их прическах. Диодор пишет, что кельты смачивали волосы известняковым раствором и странным образом зачесывали их со лба назад – на манер лошадиной гривы. Похоже, этому есть лишь одно материальное свидетельство в греческой скульптуре – плохо сохранившаяся голова из Гизы, которая сейчас находится в Каирском музее. Выполнена она, вероятно, в более древнем, чем пергамский, и отличном от него художественном стиле. Что касается подобных изображений в кельтском искусстве, маски и скульптурные портреты уже упоминались; похожий стиль в прическах можно заметить также на изображениях людей на галльских и бриттских монетах, отчеканенных на исходе эпохи кельтской независимости.

В древнеирландских текстах нет ни одного упоминания об использовании для мытья волос известнякового раствора, однако похоже, что эта или подобная практика у кельтов существовала. Известны описания людей с такими жесткими волосами, что на них можно было накалывать яблоки. Одно из описаний относится к Кухулину, о его же волосах говорится, что они были трехцветными – темными у корней, светлыми на концах и переходного цвета посередине. Все

это вполне может быть результатом использования известнякового раствора, о том же свидетельствует и смена цвета волос, продолжавших расти после смерти у людей, чьи останки обнаружены в кельтских погребениях.

Одежда. Пора вернуться к теме кельтских нарядов, штанов и плащей. Страбон подробно рассказывает о том, что *bracae* имели узкий покрой, подогнанный по фигуре, однако есть указания на то, что в ходу были и более свободные фасоны, по крайней мере у современных ему галлов (фото 4; рис. 25). Сам факт, что кельты носили штаны, вызывает ряд весьма любопытных вопросов – ведь не похоже, чтобы этот предмет одежды происходил из умеренной климатической зоны Европы, а средиземноморцам он был и вовсе чужд. Знания о европейской доисторической одежде базируются на обнаруженных археологами вещах, относящихся к культуре датского бронзового века и прекрасно сохранившихся в деревянных гробах. Если позволительно расширить территорию их распространения, можно сделать вывод, что до появления полей погребальных урн обычным мужским нарядом был кусок полотна, перекинутый через одно плечо, расправленный на теле и перехваченный поясом на талии; сверху набрасывали плащ; все было сделано из шерсти. А вот в евразийских степях штаны были и остались основным атрибутом мужской одежды. Возможно, свое происхождение они ведут из субарктических регионов, а будучи удобной и незаменимой одеждой для наездников, стали пользоваться популярностью и у других народов, в том числе у скифов и даже у иранских коневодов, основавших великую Персидскую империю. Резонно предположить, что многочисленным предшественникам скифов на окраинах Европы, прежде всего фракийцам и киммерийцам, тоже был знаком этот предмет одежды, и обычай носить штаны среднеевропейские кельты переняли именно у них. В первой главе уже упоминалось о продолжительном влиянии, не сказать – давлении, со стороны обитателей понтийских пастбищных земель, которое становится очевидным при изучении содержимого захоронений, относящихся к эпохам полей погребальных урн и Гальштата. Одежда, удобная для верховой езды, вероятно, была естественным приложением к комплексу навыков разведения и использования в хозяйстве лошадей, привнесенному с востока.

Поскольку уже заходила речь о кельтских поселенцах в Северной Италии, стоит упомянуть, что воинские сословия бойев и инсубров, очевидно, тоже носили штаны, даже если это означало для них отступление от архаического обычая вступать в бой обнаженными. Что касается ирландцев, сведения, содержащиеся в древней островной литературе, были критически пересмотрены в последние годы. Можно сделать вывод, что наряды ирландской знати состояли из двух предметов: туники, или рубахи, на ранних фазах существования – без рукавов, и плаща. Их носили представители обоих полов. Рубаха (*leine*), сотканная из льна, у мужчин доходила до колен или чуть ниже, у женщин – до лодыжек, а на талии перехватывалась ремнем или поясом (*criss*) (ср. фото 1). Поверх надевали шерстяной плащ (*brat*) – четырехугольный, возможно прямоугольный, но ни в коем случае не овальный, как у представителей культуры датского бронзового века. У ирландского плаща не было ни прорезей для рук, ни капюшона – он представлял собой цельный кусок полотна, закреплявшийся застежкой, или фибулой. Его длина, вероятно, зависела от уровня благосостояния и общественного положения владельца. В одном из древнеирландских текстов есть упоминание о королевских плащах с пятью фибулами, в другом описывается мифологическая героиня: она стоит в колеснице, а ее плащ стелется по земле.

Во-первых, неизвестно, какое слово ирландцы использовали (и использовали ли вообще) для обозначения штанов до того, как стараниями тевтонов на острове вошло в обиход название *bros*; во-вторых, этот предмет в письменных памятниках упоминается лишь при описании одежды слуг, включая, впрочем, и возниц. Все это позволяет предположить, что штаны никогда не были частью экипировки кельтских воинов, мигрировавших на острова с запада, либо что

мигранты переняли стиль одежды у местных жителей.

Ирландские рубахи и плащи находят аналоги и в одежде континентальных кельтов, описанной античными историками. О легких плащах упоминает Полибий, один из них носил воин, изображенный в скульптурной группе «Ludovisi». Диодор повествует о людях в разноцветных плащах, закрепленных фибулами, и в рубахах с вышивками и красочными орнаментами, перетянутых поясами с золотыми и серебряными украшениями. Страбон к этому добавляет, что рубахи (*tunicae*) были с разрезами по бокам и имели рукава. Поздние ирландские сочинения содержат чрезмерно подробные витиеватые описания одежды, в ранних текстах фигурируют цветные плащи – в основном пурпурные, малиновые и зеленые. Сохранились также упоминания о пятнистых и полосатых плащах; декоративные элементы, по-видимому, изготавливались отдельно и затем пришивались к полотну. Живописность и пестрота кельтских нарядов была отмечена Диодором, Плинием и другими авторами. Что касается обуви, в Ирландии носили кожаные башмаки и сандалии. Похоже, в головных уборах кельты не испытывали большой необходимости – это и понятно, если вспомнить их специфические прически.

Остается добавить последний штрих к портрету кельтов и уделить внимание украшениям, к которым они, очевидно, питали особое пристрастие.

Украшения. Самым характерным кельтским украшением была шейная гривна из золота или бронзы, реже – из серебра (фото 29, 30, 42, 43). Ее принято называть «торк», от латинского *torquis*^[1] – это слово использовали при описании древнеримские авторы, хотя образцы, сделанные из перекрученных металлических прутьев или пластин, встречаются крайне редко. Тем не менее термин сохранился – в силу своего античного происхождения и краткости. Торки вошли у кельтов в моду с бурным развитием латенского художественного стиля в середине V века до н. э. Этот период ознаменовался расширением контактов – главным образом за счет торговли и разбойных набегов – между кельтами, которые находились тогда на пике политического и военного могущества, и их соседями на юге и востоке. Идея создания торков была заимствована у восточных народов, и некоторые кельтские образцы напоминают работы персидских мастеров (фото 35, 36).

Обычные кельтские шейные гривны представляли собой согнутые дугой металлические прутья или полые трубки, концы которых соприкасались либо между ними оставался небольшой зазор. Металл, вероятно, был довольно гибким – обруч раскрывался, и концы расходились на достаточное расстояние, чтобы его можно было надеть на шею. У некоторых торков подвижная часть была устроена таким образом, что его концы смыкались и со стороны украшение казалось цельным, охватывающим шею кольцом. Наиболее характерные торки имеют разнообразные декоративные навершия – их носили люди, увековеченные греческими и римскими скульпторами и кельтскими мастерами.

Самые изумительные золотые торки и браслеты относят к ранней латенской культуре и датируют примерно серединой V – концом IV века до н. э. Любопытно, что большинство таких изделий исходит из женских захоронений и лишь некоторые из них обнаружены в могилах воинов, чьи останки покоятся на погребальных колесницах. Возможно, в те времена торки служили женщинам вовсе не шейным украшением, допустимо предположить, что их носили на голове – по аналогии с найденными в женских погребениях гальштатского периода бронзовыми обручами или с золотой диадемой «княгини» из Викса, чья могила открыта возле Шатийон-сюр-Сен. Очевидно, что среди живых торки чаще носили мужчины, не только простые смертные, но и божеества, а женщинам это украшение предназначалось для появления в Ином мире.

Даже в самых богатых женских погребениях последующих периодов латенской культуры не найдено ни одного торка – источниками этих изделий стали другие объекты раскопок.

Поскольку на изображениях культового характера многие персонажи носят торки (фото 67, 68), представляется вероятным, что эти украшения имели социально-религиозное значение и на них имели право все свободные люди, обладавшие особым обрядовым и социальным статусом. В таком случае мужские шейные гривны могли переходить по наследству как основной символ главы рода или племени. Это лишь одно из возможных объяснений тому, что в мужских погребениях крайне редко встречаются золотые торки; в его пользу говорит и тот факт, что золотые украшения всегда были привилегией правящих слоев. При этом бронзовые шейные гривны находят в более скромных захоронениях воинов, которые, без сомнения, были рядовыми членами племени и имели статус свободных людей.

Золотые браслеты и кольца тоже носили в период ранней гальштатской культуры (фото 29), но с появлением менее богатых захоронений в поздние времена трудно определить степень распространения этих украшений в обществе.

С точки зрения археологии чрезвычайно важны бронзовые фибулы, или броши, с безопасными застежками. Впервые в трансальпийской Европе они появились в эпоху погребальных урн и по сути своей сохранили популярность до наших дней. Разнообразие форм и декора, отражающее изменения в моде, внешние влияния, региональные предпочтения, придает им особую ценность, поскольку именно с их помощью удастся датировать многие погребения, а иногда и поселения. Часто находят парные броши, лежащие на груди покоящихся в кельтских захоронениях людей, – свидетельство того, что подобные украшения использовались в основном для закрепления плащей, но в целом их число варьируется, иногда в могиле присутствует лишь одна брошь. Наиболее примечательны фибулы, которые кельты носили в период ранней латенской культуры, – они представляют собой стилизованные человеческие и птичьи маски на бронзовом дугообразном щитке с застежкой. Некоторые фибулы украшали кусочками коралла, что указывает на налаженные в те времена торговые связи с обитателями южных побережий. Позднее место коралла заняла эмаль – изготовление инкрустированных эмалью украшений стало одним из важнейших народных художественных промыслов кельтов.

Кельтский темперамент. Идеал красоты, пристрастие к украшениям и предпочтения в одежде, принятые у кельтов, подводят нас к вопросу об их характере, и, по счастью, античные авторы снова могут прийти на помощь и пролить свет на этот вопрос.

«Народ сей [...] одержим войной, горяч и ловок в битве, при том же простодушен и неотесан». Несколько слов Страбона очень точно выражают то впечатление о кельтах, которое создается после прочтения любых письменных свидетельств о них, не противоречит мнению историка и образу кельтов в ирландской литературной традиции. Страбон дает понять, что его описание относится к кельтам периода независимости, до римского завоевания, и нельзя забывать, что он, так же как Диодор Сицилийский и другие авторы, использовал более ранние свидетельства, принадлежавшие людям, которые, вероятно, были не понаслышке знакомы с кельтами и их образом жизни. Храбростью, доходившей до безрассудства на поле брани, радушием и безупречной учтивостью по отношению к гостям в доме кельты могут сравниться, а то и превзойти многих своих европейских преемников, чье существование оставило более заметный след в истории. Что касается общего впечатления насчет их горячности, не сказать – повышенной возбудимости, и неспособности к согласованным действиям, ему можно противопоставить свидетельства о существовании у них индивидуальной ответственности и обязательств в жестких рамках определенной социальной системы. Любовь к ярким цветам и украшениям, похвальбе и увеселениям, пирам и дракам – европейцам и поныне присущи все эти слабости, и нет ничего более естественного для сельских жителей умеренной климатической зоны Европы.

О кельтских женщинах (фото 6) известно немного. В заключение данного параграфа

можно привести краткое, но весьма ценное замечание Диодора Сицилийского о том, что подруги галлов не только не уступали своим мужчинам ростом и мощным телосложением, но могли сравниться с ними и отвагой.

Общественный уклад. Изучение социальной структуры кельтского мира чрезвычайно важно, поскольку она представляет собой зеркало, где отражаются и жизнь всей дороманской трансальпийской Европы, и силовые линии, связывающие кельтов с богатейшим социальным и лингвистическим наследием, которое в различных формах сохранили основные индоевропейские народы. Археологический фон был очерчен в первой главе, теперь же, опираясь на сравнительную филологию и правоведение, можно сказать, что язык и социальная система вводят кельтов в рамки огромной индоевропейской семьи: наследие ариев, дожившее до нынешних времен в богатейшей устной традиции, демонстрирует прямое родство, параллели можно найти в жизни общества гомеровской Греции, а обитатели Италии, говорившие на италийских языках, имели, возможно, самые тесные связи с кельтами до вторжения этрусков и насаждения общественных институтов урбанистической Римской империи. Кельтская и арийская традиции сохранились почти в незамутненном виде во многом потому, что их воспреемникам на окраинах Древнего мира посчастливилось избежать последовавшего после распада Римской империи периода смуты и переселений, который пришлось пережить обитателям центра.

В связи с вышеизложенным представляется сомнительным, что древнейшие положения ирландского обычного права так уж сильно расходились с теми, что были приняты у континентальных кельтов, от которых островитяне и переняли общественный уклад, чему есть подтверждения в античных источниках.

Общественный уклад в Ирландии. Обитатели Ирландии объединялись в tuath – это слово изначально имело смысл «народ, люди», но затем приобрело значение территориальной единицы. По заселенности и протяженности tuath были достаточно малы и обычно соответствовали ареалам с естественными топографическими границами. Социальное устройство внутри tuath было трехуровневым: король, знать и свободные люди. Короля выбирали из членов семьи его предшественника – не обязательно из сыновей. Королевский род принадлежал к аристократическому сословию воинов, но в языческие времена высшим социальным статусом обладали чародеи-мудрецы, друиды, провидцы и прочие кудесники, хотя они не создавали наследственных каст. Свободные люди занимались в основном земледелием, но к этому классу принадлежали и некоторые категории ремесленников. Нужно подчеркнуть, что в языческие времена ритуальная функция короля была не менее важна в жизни общества, чем руководящая – на совете или на поле брани, – а трехуровневый уклад создавал некое социальное и ритуальное единство, все элементы которого имели свободный статус (saor) и сакральное, или ритуальное, свойство (nemed). Было в tuath и несвободное население, не имевшее ни определенного статуса, ни прав на его получение и состоявшее из жителей покоренных королевств, рабов и деградировавших семей.

Социальной единицей в границах tuath формально был род (fine), но в вопросах наследования и выполнения семейных обязательств учитывалось только очень близкое кровное родство потомков общего пращура по мужской линии. В этом смысле родственные связи, создававшие мелкие социальные объединения (derbfine), простирались до троюродных братьев по мужской линии. Семья в такой системе родственных отношений состояла из мужа, жены (или жен) и детей, включая взрослых сыновей с их супругами и отпрысками. Браки, по всей видимости, заключались за пределами рода, а знатные женихи и невесты находили себе пару за пределами tuath.

Земля в Ирландии не могла принадлежать отдельному человеку – даже главе семейства. Она

находилась во владении рода и не подлежала отчуждению. Нет никаких указаний на то, что кельтские короли вольны были распоряжаться землей, жалую ее своим подданным за воинскую службу; с другой стороны, не похоже, что существовали общинные земли или участки, принадлежавшие отдельным деревням. Ни одна из этих форм собственности не могла зародиться в условиях доисторической Европы, хотя часто звучат утверждения, что они обе были известны древним индоевропейцам. Утверждения эти основываются на письменных микенских и хеттских источниках, но ведь микенские и хеттские завоеватели сами адаптировались к чужому образу жизни, воспринимая уклад урбанистической цивилизации и образ правления, отличные от хозяйственного и общественного уклада их предков, который, однако, сохранился у других индоевропейских народов – кельтов и ариев.

Маленькие королевства, состоявшие из одного-единственного tuath, ни в коем случае нельзя считать государствами – там не было централизованной административной власти и диктата закона, любые споры решались на совете рода. Каждый род сам защищал права своих представителей и поддерживал порядок в своем поселении.

Все свободные обитатели tuath, независимо от сословия, имели определенную «цену чести» (log n-enech), отражавшую их общественное положение и напрямую связанную с их благосостоянием. Таким образом, разбогатев, человек мог значительно повысить свой социальный ранг, а поскольку «цена чести» колебалась в зависимости от размера его состояния, он сильно рисковал, пускаясь в авантюры. Помимо родственных связей и обязанностей, в tuath существовал другой вид социальной зависимости – celsine, – близкий, по сути, к клиентеле и подразумевавший оказание военной помощи и других услуг жителем королевства (cele) своему покровителю (flaith). Взамен cele мог рассчитывать на защиту и материальную поддержку, не теряя при этом статуса свободного человека, права держать скот и обрабатывать землю. Со временем celsine приняла более сложные формы, но никогда не имела ничего общего с феодальной зависимостью.

Еще одним способом индивидуального участия в общественной жизни было поручительство, которое принимало самые разные формы. В общих чертах поручитель отвечал за успех затеи своего соплеменника – уступал ему ради дела часть своего имущества, осуществлял за ним надзор или же гарантом служило его доброе имя. В первом случае поручитель рисковал «ценой чести», ведь он мог разориться. По крайней мере одна из форм поручительства выросла, вероятно, из практики внесения залогов, нашедшей отражение в ирландском судопроизводстве и связанной прежде всего с поручительством перед королем.

Своими правами человек мог пользоваться только в границах tuath – за его пределами он лишался социального статуса, и ему оставалось полагаться на волю судьбы. Впрочем, таковым было положение вещей во всех уголках Древнего мира.

Очевидно, что в деле поддержания порядка центральная власть играла не такую уж важную роль – закон, освященный веками и обладавший ритуальной силой, почитался людьми, а залогом его соблюдения был страх перед карой, которая заключалась в понижении социального статуса или полном его лишении.

Вероятно, на первых порах закон не отличали от магического или религиозного знания. Он передавался изустно и сохранялся в памяти «специалистов» до тех пор, пока не был записан в VIII, возможно в VII, веке н. э. Бритема (brithem) – правоведа – нельзя назвать судьей в современном понимании. Как носитель и толкователь закона, он помогал королю в отправлении правосудия и выступал в роли третейского судьи в спорах между отдельными родами или даже королевствами. Готовили правоведа в особых школах, где слушатели прилежно заучивали наизусть огромные массивы информации (об этом способе передачи знаний будет подробнее сказано в следующей главе).

Подходы к обучению в школах правоведов, находившихся в разных землях, могли незначительно отличаться друг от друга, но бритемы, как и их собратья, принадлежавшие к тому же социально-религиозному классу, пользовались свободой странствий, что обуславливало обмен профессиональными знаниями и, помимо этого, повсеместное сохранение древнего языка, на котором произносились положения закона. Приспособление обычного права к постоянно менявшимся условиям жизни было, по-видимому, заслугой бритемов, толковавших его по своему разумению, но некоторые изменения могли вносить и короли на собраниях (oepach) всего tuath. Собрания устраивались по праздникам, а в случае необходимости и в обычные дни. Помимо выполнения законодательных функций, они были призваны решать вопросы, связанные с хозяйственными и религиозными нуждами, и проводились в резиденции короля либо на священной земле, которая часто соотносилась с местом погребения его предков.

На таких собраниях король пользовался правом распоряжаться о проведении различных публичных акций, в том числе мог собирать войско для похода на врага или заключать мирный договор с соседним tuath. Установление дружеских связей между одним tuath и другим могло происходить на равных условиях, но чаще в дело вступали вассальные отношения. В таких случаях какой-нибудь могущественный король становился покровителем остальных, послабее, а их отношения строились по принципу обычной личной зависимости celsine: король покорившегося tuath давал торжественную клятву, подкрепленную залогами и дарами, служить верой и правдой в обмен на военную поддержку и защиту от внешних врагов.

Далее можно было бы проследить, как на место мелких политических союзов в Ирландии пришли крупные региональные объединения, на основе которых создавались королевства, однако этот феномен не менее убедительно представлен и в Галлии, так что настало время обратиться к ситуации на континенте.

Общественный уклад в Галлии. Единственное существенное отличие ирландской социальной системы от той, что, по словам античных авторов, существовала у континентальных кельтов, заключается в отношении к королевской власти. Известно, что во времена Цезаря некоторыми крупными галльскими племенами управляли аристократы во главе с одним или несколькими верховными магистратами, или вергобретами (vergobret). Причиной такого небрежения к королевской власти Цезарь считал разрастание системы личной зависимости celsine и злоупотребление ею, приведшее к тому, что местная знать, обретая непомерное могущество, смогла забыть о собственном верноподданническом долге перед королем.

Интересно, что все эти племена, похоже, обитали только в Кельтике – огромной части Галлии, описанной Цезарем. Кроме того, стоит принять во внимание, что самые многочисленные из них – арверны, эдуи и гельветы – занимали территории, открытые влиянию Нарбонской провинции (Provincia Narbonensis), находившейся под властью римлян с конца II века до н. э. Тому, что эти племена предпочли вергобретов королям, можно назвать две причины: во-первых, влияние римских обычаев, а во-вторых, внутренний разлад, обусловленный наступлением римлян с юга и набегами варваров с севера. В двух других частях Галлии – в Аквитании, чьи обитатели были родственны иберам, и в Белгике, заселенной племенами, имевшими зарейнское происхождение, – королевская власть была сильна. Даже в Кельтике она не исчезла полностью: известно, например, что король Каварин правил сенонами. Правда, это племя обитало на границе с Белгикой, вдали от римской провинции.

В целом свидетельства античных авторов и этимология многих кельтских имен собственных доказывают, что институт королевской власти издревле существовал у континентальных кельтов.

С конца II века до н. э. в общественной жизни Галлии прослеживается новая действующая сила, которая чуть ранее могла значительно повлиять на картину кельтских социальных

институтов в Северной Италии. Речь идет о росте оборонительных поселений; их еще нельзя назвать городами, но они знаменуют собой начало отхода от земледельческого уклада архаического кельтского общества, для которого характерно было рассеяние жителей на огромных территориях. В Италии для кельтов примером служили этрусские города, а в Трансальпинской Галлии, где долгое время существовали маленькие племенные крепости, лишь в конце II века до н. э. появились крупные поселения, или городища, объединившие сотни людей, постоянно живших бок о бок. Связано это было отчасти с набегами кимвров и тевтонов, от которых приходилось защищаться, но главную роль сыграло бурное развитие городов на Средиземноморском побережье, и в первую очередь в римских провинциях, в том числе в Нарбонской Галлии. Такие изменения не могли не отразиться на жизни племен, и прежде всего на ослаблении ритуальной значимости королевской власти древних земледельческих общин.

По сравнению с ирландскими *tuath* племенные ареалы в Галлии и, ранее, в Северной Италии, по всей видимости, были очень велики. В случае с галльскими племенами, чьи границы обитания соответствовали римским административным единицам, а позднее – диоцезам средневековой Франции, ясно, что их общие названия говорят о существовании политических объединений, где многочисленные мелкие группы населения подчинялись одной, правящей.

Слова Страбона о том, что на посвященном цезарю Августу алтаре в Лугдуне (современный Лион) были начертаны названия шестидесяти племен, а сам город служил им центром, можно истолковать следующим образом: все эти племена жили не далее чем в паре дней езды от Лугдуна, поскольку общий центр политического союза должен был находиться в удобном и доступном месте, даже под властью римлян. С другой стороны, политические союзы континентальных кельтов должны были занимать значительно большие территории, чем в Ирландии и Британии, где жесткие условия среды – ограниченная протяженность и разнообразие ландшафтов природных регионов, окруженность океаном – «привязывали» людей к определенным местам обитания, у жителей континента же до начала роста городов такой проблемы не возникало. Кроме того, представляется вероятным, что появление мелких и крупных племенных образований могло быть связано и с другими обстоятельствами. Многочисленные земледельческие общины позднего бронзового века, появившиеся во времена экспансии культуры полей погребальных урн, очевидно, вели замкнутый образ жизни и были самодостаточными. То же самое можно сказать о поселившихся в Британии носителях культуры железного века А. В отличие от них мобильные и воинственные династии эпохи Гальштата и Ла-Тена были способны создать обширные доминионы, но после первых завоеваний их владения распались на части, вероятно в результате раздела наследства. Серьезную перегруппировку и возникновение более крупных социальных образований можно допустить в период кризиса и миграций, как это было в Италии и на Балканах. В таких условиях разнородные группы населения покорялись верховным вождям других племен и принимали их родовое имя, но из этого не следует, что целые племена полностью исчезали с лица земли. В подтверждение тому можно вспомнить бойев, основавших поселения в Северной Италии, – при этом часть из них все же остались в Богемии, а позднее, во времена Цезаря, нашли убежище в Галлии. Соседями бойев по Средней Европе были вольки, и можно с уверенностью назвать вольков-тектосагов из Южной Галлии и Малой Азии их сородичами. В других случаях география древней Европы не может помочь в установлении первоначальных ареалов расселения тех или иных племен, известны лишь их боковые ветви, перебравшиеся в другие земли. Пример тому – сеноны из Северной Италии и Северной и Центральной Галлии, суэссионы, оставившие след в Центральной Испании и белгской Галлии, откуда, по свидетельству Цезаря, переправились в Британию, а также битуринги, чье название упоминается в двух разных контекстах. Во времена Цезаря это племя обитало в низовьях Луары и на небольшой территории на западном берегу

Жиронды. В легенде, пересказанной Ливием, говорится о могущественном короле битуригов Амбигате, чьи племянники повели воинства в Италию, на земли Верхнего Дуная и Рейна. Возможно, эта история содержит в себе отголоски миграций V века до н. э. с севера Центральных Альп. Место обитания одной из ветвей этого племени примерно в I веке до н. э. свидетельствует о том, что битуриги мигрировали к западу, возможно, вслед за белгскими переселенцами из Шампани, важного центра ранней латенской культуры. О катувеллаунах, белгских поселенцах в Британии, осевших на острове примерно в первой четверти I века до н. э., историкам известно больше. Племя, от которого отделились катувеллауны, вверило себя покровительству ремов во времена завоевания римлянами белгских земель, а сами кату-веллауны не упоминались под этим названием до Аммиана Марцеллина (IV век н. э.).

Возвращаясь к вопросу о политическом и социальном укладе континентальных кельтов, можно привести пример существования социальной зависимости одного племени от другого и выполнения ими своих обязательств покровителя и вассала. Для этого нужно обратиться к череде событий, произошедших во времена столкновений римлян с могущественным племенем арвернов и предшествовавших присоединению Трансальпинской Галлии к Римской империи.

В 124 году до н. э. римская армия нанесла поражение салиям – племени по крайней мере отчасти кельтскому, выступившему войной на Массалию. Тридцатью годами раньше этот греческий город уже получал военную помощь от Рима в схватках с лигурийскими племенами, чинившими препятствия массалиотской торговле. Когда салии были разбиты, римляне выстроили военное укрепление в Аквах Секстиевых (современный Экс-ан-Прованс), но ни одно варварское племя не решилось покуситься на эту твердыню. Затем римляне потребовали выдачи салийских беглецов, нашедших убежище у аллоброгов, однако последние им в этом отказали. Тогда аллоброги были в свою очередь атакованы и разбиты. Тут уж вмешались арверны, горевшие жаждой мести. Принимая во внимание продолжительные успехи римской армии, они должны были руководствоваться мотивом более серьезным, нежели надеждой упредить нападение на них самих, – в дело вступили обязательства племени-покровителя защищать своих верноподданных, и от добросовестности исполнения этого долга зависели дальнейшие отношения арвернов со всеми остальными племенами, над которыми простиралась их опека. Картина межплеменных политических связей, нарисованная Цезарем в «Галльской войне», демонстрирует сложные переплетения отношений между зависимыми и господствующими племенами, а также свидетельствует о том, что подкрепление обязательств залогами было основополагающим условием клиентелы на уровне племени.

О личной зависимости в рамках племенного союза у континентальных кельтов впервые упоминает Полибий, описавший, сколь выгодным было положение галльских вельмож, окруженных многочисленными вассалами. Цезарь также отмечает разнообразные преимущества, которые клиентела давала покровителю и его приспешникам. Очевидно, что эта система социальных отношений вполне соответствует той, что существовала в Ирландии и была описана выше. То же самое можно сказать о трехуровневом социальном устройстве, известном со слов Цезаря, разделившего галльское общество на *druides*, *equites* и *plebs*^[2]. Пренебрежительное отношение Цезаря к классу свободных членов варварского общества можно объяснить тем, что галльские «плебеи», разумеется, не допускались до участия в делах на высшем уровне, и римлянин об их положении просто не знал. Впрочем, в результате событий, происходивших в Галлии со II века до н. э. и приведших к отмиранию земледельческого уклада, статус свободных галлов мог существенно понизиться, но это всего лишь гипотеза.

Еще одну занятную параллель с ирландскими обычаями можно найти в словах Цезаря о том, что галлы, не подчинившиеся решению судей, подвергались отлучению от жертвоприношений, лишались доброго имени и теряли право жить в нормальном обществе. Здесь будет уместно

вспомнить уже упоминавшиеся ирландские понятия «nemed» и «saor». Цезарь также сообщает, что в Галлии сыновья не могли появляться на публике в обществе своих отцов до достижения возраста, в котором дозволялось носить оружие, из чего можно сделать вывод о существовании у галлов, так же как и у обитателей Ирландии, обычая отдавать детей на воспитание в другие семьи. В Ирландии мальчиков в раннем возрасте препоручали заботам наставников из семей высшего ранга, которые возвращали их в отчий дом по достижении семнадцати лет – возраста мужской зрелости. Девочки, которых тоже отдавали на воспитание приемным родителям, возвращались в семью четырнадцатилетними – в «возрасте выбора», когда приходило время подыскивать жениха. Приемные родители отвечали за их обучение ремеслам и искусствам, которыми приличествовало владеть представительницам семей определенного социального ранга. Как и в случае с мальчиками, наставники получали плату за опеку и обучение.

Точность сведений Цезаря о приданом и, в частности, о разделе имущества после смерти одного из супругов вызывает сомнение. Ирландская традиция свидетельствует о том, что за невест издревле платили выкуп, при этом развивалась особая система приданого, согласно которой невеста должна была принести в семейный бюджет определенную долю от состояния жениха. В Ирландии, как и в Галлии, мужчина мог иметь нескольких жен, но, по ирландским обычаям, в семье была только одна старшая жена (*setmuintir*), для остальных существовала строгая иерархия.

Что касается абсолютной власти главы семьи над своими женами и детьми, здесь ирландский и галльский обычай всецело совпадают и служат иллюстрацией основополагающего индоевропейского принципа патриархата. Далее необходимо сказать несколько слов о статусе кельтских женщин. Общепринятая точка зрения состоит в том, что право женщин владеть собственностью, как и право дочерей наследовать отцовское имущество, – продукт позднейшего развития общества, нашедший отражение в различных индоевропейских законодательных системах. С другой точки зрения, более либеральной, эти права существовали в самые разные эпохи у ариев, римлян и кельтов. Стоит вспомнить роскошные «княжеские» погребения, например в Виксе и Рейнхейме, – в них среди пышного убранства, украшений и богатого погребального инвентаря в одиночестве покоятся кельтские женщины. В этих случаях можно говорить и о высоком положении, и о праве владеть собственностью, в целом же факты свидетельствуют о том, что полное бесправие слабого пола было следствием господства законов первобытного общества во времена миграций и тяжелых испытаний, хотя законодательная система была все же достаточно гибкой для того, чтобы в периоды спокойствия и процветания предоставить женщинам большую свободу в семейной и общественной сферах.

Сельское хозяйство. Теперь, после обзора обширных территорий, занимаемых кельтами, должен последовать вывод о том, что сельское хозяйство, которое было для них основным источником пропитания, имело свои региональные особенности. Ремесленное производство, торговля и, конечно, грабежи приносили определенный доход, но средние кельтские *tíath* или племена жили все же главным образом за счет земледелия, скотоводства или смешанного натурального хозяйства. И в этом состоит одно из отличий кельтов от современных им варварских народов на востоке, таких, как скифы и фракийцы, чьи бескрайние владения – пастбищные земли – диктовали большую степень единообразия занятий.

Материалы археологических раскопок свидетельствуют о том, что, помимо выращивания сельскохозяйственных культур, кельты занимались разведением крупного рогатого скота, свиней и овец. Источником этих сведений являются найденные фрагменты хозяйственных построек, в том числе для высушивания и хранения зерна, а также кости домашних животных, которые в больших количествах обнаруживают в мусорных ямах древних поселений. В настоящее время трудно воссоздать кельтскую земледельческую практику. На землях, где раньше жили кельты,

селились новые обитатели, так происходило в течение многих веков, и следы древних полевых систем в большинстве своем утрачены. Сохранились они – вместе с пограничными рвами, пастбищами, загонами для скота и жилыми постройками, относящимися к позднему бронзовому и железному векам, – лишь в Южной Англии, высоко на склонах меловых холмов, и только благодаря тому, что в свое время жители покинули эти земли в поисках равнинных, более плодородных почв. Похожие полевые системы были открыты археологами в Западной Дании, которая не вполне относится к кельтской зоне; что касается древней кельтской прародины, на ее территории о земледельческой практике можно судить лишь по остаткам жилых домов и хозяйственных построек – свидетельств о способах обработки земли и полевых системах не осталось.

Поселения: региональные контрасты. Напомним, что в период зарождения кельтского мира носители культуры полей погребальных урн Верхнедунайского региона занимались преимущественно равнинным земледелием, а более древней формой ведения хозяйства было экстенсивное скотоводство на склонах холмов и нагорий. Несмотря на безусловное смешение культур и народов в последующие века, можно проследить сохранение и параллельное сосуществование этих двух разных практик в сельском хозяйстве, что, впрочем, может быть обусловлено не столько приверженностью старому хозяйственному укладу, сколько вынужденным приспособлением к природным условиям. Рассмотрим два типа поселений – разные по сути, они оба имеют важное значение. На первом месте стоят кельтские поселения в Лангедоке – именно там греческие торговцы с Западного Средиземноморья могли впервые услышать о кельтах, – и на втором месте – Ирландия, чья народная литературная традиция берет начало в доисторическом прошлом.

Лангедок. В первой главе говорилось о том, как племена из североальпийской зоны расселились в Южной Франции и вблизи Пиренеев. Сосредоточив внимание на Лангедоке, можно сказать, что оседлые общины иммигрантов, занимавшихся земледелием на прибрежных равнинах, соседствовали там с поселениями на вершинах холмов. Позднее эти поселения были укреплены и превратились в оппидумы, отражавшие натиск римских завоевателей. Несмотря на контакты с местным населением и огромное влияние греческих торговцев, материальная культура обитателей оппидумов выдает их североальпийское происхождение и трудно не увидеть в них народ преимущественно кельтский.

Археологические сведения указывают на существование в ту же эпоху общин скотоводов, имевших, возможно, более древнее происхождение и обитавших на известняковых garrigues^[3], которые формируют южную оконечность Севенн и переходят в прибрежную равнину. Подобные им пастушеские племена бродили по предгорьям Пиренеев; в обычаях и тех и других было возводить небольшие курганы над кремационными погребениями, в которых находят глиняные и металлические изделия, схожие с теми, что оставили после себя обитатели равнин, и также несущие печать североальпийского и гальштатского культурного влияния.

Таким образом, скотоводы на этих землях тоже были чужаками. Их принято считать кельтами, но на современном этапе развития науки было бы опрометчиво заявлять, будто образ жизни этих племен обусловлен древним среднеевропейским скотоводческим наследием, а не естественными обстоятельствами миграций. Нельзя с уверенностью сказать, что они были кочевниками; хотя археологи не обнаружили следов их поселений, можно предположить, что небольшие крепости из камня строили именно скотоводы. Единственное указание на приверженность этих людей кочевому скотоводческому укладу – возведение погребальных курганных насыпей, служивших вечными памятниками и надежными ориентирами, тогда как в зонах оседлости совершенно плоские поля погребальных урн имели чисто номинальные межевые вехи – деревянные столбики или ограды, как это было принято у обитателей равнин.

Британия. Появление таких «общежитий», как лангедокские оппидумы, подразумевает определенную плотность населения и, как следствие, налаженное земледельческое хозяйство, а также наличие экономических и социальных предпосылок, обуславливающих способность людей сообща создавать надежные и функциональные крепости. Носители культуры полей погребальных урн в североальпийской зоне были на это способны, о чем свидетельствуют возведенные ими укрепления. В Южной Британии городища – укрепленные поселения (фото 45, 46, 77) – обнаружены главным образом в зоне оседлости носителей культуры железного века А, которые занимались земледелием и вели смешанное хозяйство. Для них крепости, по всей видимости, не были местом постоянного обитания – прежде всего они служили убежищем и общественным центром, а кельты, принадлежавшие к классу свободных людей, жили в собственных домах, окруженных хозяйственными постройками.

На территориях, где было мало поселенцев – носителей культуры железного века А и где землей владели в основном иммигранты железного века Б, например в Линкольншире и Йоркшире, городища встречаются редко и едва ли являются делом рук новых переселенцев. Похоже, этим людям, имевшим рейнские или марнские корни и принадлежавшим к латенской культуре, не нужны были большие крепости, что и неудивительно, ведь на древней кельтской родине шел процесс миграций, вызванный ухудшением субатлантического климата, – приспособление к изменившимся природным условиям требовало от человека большей мобильности и экономической свободы действий, а это означало отказ от земледелия и обращение к скотоводству. О том, что это было лишь временной мерой, необходимой для выживания, свидетельствует самоотдача, с которой поселенцы в Цизальпинской Галлии бросались обрабатывать землю, о чем с удивлением писали некоторые античные авторы. В Британии, на территориях, занятых смешанным населением железных веков А и Б, земледельческая традиция тоже продолжала существовать и была конечно же значительно сильнее благодаря появлению там белгских поселенцев непосредственно перед эпохой римских завоеваний. Сами белги принадлежали к той же смешанной культуре полей погребальных урн и Гальштата, что и народ железного века А, но их приемы ведения сельского хозяйства и строительства укреплений между тем достигли значительного развития (фото 56, 57).

Ирландия. В железном веке население Восточной и Северо-Восточной Британии занималось преимущественно скотоводством; то же самое можно сказать и об обитателях Ирландии. На этом острове крупные доисторические укрепления встречаются редко, а некоторые поселения, которые можно было бы назвать городищами или оппидумами, так и не были достроены до конца. Вероятно, их возводили общины беженцев, которые не имеют отношения к появлению в Ирландии латенских металлических изделий, колесниц и других атрибутов героического общества, фигурирующих в ранней ирландской эпической литературе. Все эти атрибуты сопутствовали обществу воинов, чье благосостояние оценивалось поголовьем крупного рогатого скота и чьи героические устремления были направлены на похищение чужого стада, что считалось настоящим подвигом. Как мы увидим в дальнейшем, даже языческие праздники в Ирландии были частью скорее скотоводческого, нежели земледельческого цикла.

Все эти факторы вкупе с влажным ирландским климатом обусловили дальнейшее процветание на острове скотоводства, которое служило основным источником пропитания для значительной части кельтской правящей верхушки. Все это объясняет и рассеяние населения на больших территориях, и появление мелких круговых земляных укреплений (rath, lios и др.), защищавших хозяйский дом, вокруг которого пасся скот. Все вышесказанное касается в основном северных и западных земель Ирландии, где сохранились археологические свидетельства, позволяющие проследить культурную преемственность островных поселенцев через культуру железного века Б Восточной Британии до континентальных латенских истоков, а героический

дух, пронизывающий легенды о похищении скота, вполне может быть отголоском обычаев среднерейнских или шампанских воинов, которые прославились своими боевыми колесницами в более ранние века. Если ирландские кельты отдавали предпочтение скотоводству и не уделяли особого внимания земледелию, значит, должна была существовать определенная часть населения, поставлявшая необходимые продукты, и здесь в первую очередь на ум приходят жители кранногов, но с археологической точки зрения этот вопрос изучен недостаточно. Литературная традиция, прежде всего некоторые мифы и сказания о королях (правда, география их распространения в Ирландии немного отличается от географии распространения сказаний о похищении скота), свидетельствует о важной роли зерновых культур. Ирландские законы содержали множество пунктов, касавшихся пахоты и пахотных земель, хотя это может быть связано с бурным развитием сельского хозяйства, начавшимся с появлением там в V и VI веках н. э. монастырей. С этого периода и на всем протяжении Средневековья выращивание зерновых стало основным занятием ирландских земледельцев, но картина поселений осталась прежней: отдельные фермерские хозяйства, обнесенные валом или окруженные рвом.

Поля и плуги. Площадь доисторических «кельтских», или «квадратных», полей, сохранившихся, например, в Южной Англии, редко превышает 120 на 78 метров, а зачастую они и того меньше. Вопреки закрепившемуся названию, такие поля обычно имеют прямоугольную, а не правильную квадратную форму, и их ширина намного превышает длину, что, очевидно, подразумевало распашку как вдоль, так и поперек. В условиях сухого климата только такой прием обработки земли позволял с большой тщательностью разрыхлить почву, чтобы сохранить влагу. С установлением в Северо-Западной Европе устойчивого влажного климата распространилась пахотная техника в одну борозду – плуг пересекал поле снизу вверх и сверху вниз, – с этим связаны появление длинных, распаханых на ровные борозды полей и изобретение тяжелого плуга, способного взрезать и переворачивать пласты плотной, напитанной влагой земли. Похоже, что первыми эти новшества использовали кельтские или смешанные кельто-тевтонские племена, жившие на северо-западе Германии. Белги принесли эту практику с собой в Юго-Восточную Англию, а расцвета она достигла в эпоху последнего завоевания Британии в железном веке, когда, после римлян, там поселились англо-саксонские племена.

Древний тип полей, приспособленный для перекрестной распашки, обрабатывали легким плугом, не имевшим ни резака, ни отвала и представлявшим собой обычный лемех из дерева или камня, а впоследствии из железа, который мог разве что слегка поцарапать поверхность почвы. Эта архаическая техника обработки земли сохранилась не только в самых сухих и бедных уголках Европы, прежде всего на Средиземноморье, но и продолжила свое существование, несмотря на влажный климат, также на западе и севере Британии и в Ирландии.

Дома. Изучение жилищ в совокупности с полевыми системами, загонами для скота и пограничными рвами находится пока на начальной стадии, но, основываясь на анализе археологического материала, касающегося Британии и Ирландии, можно сказать, что общая схема отдельных хозяйств соответствовала кельтской социальной структуре, очерченной выше: патриархальные семьи, владевшие различными по размеру наделами земли, жили в собственных домах, окруженных хозяйственными постройками, или в укрепленных пунктах, вместе со своими слугами и невольниками, вступая при этом в различные социальные отношения зависимости и покровительства в соответствии со своим рангом.

При таком общественном укладе различия в местах поселений и формах домов, обнаруженные археологами, неудивительны. Что касается формы домов, на землях, принадлежавших носителям смешанной культуры полей погребальных урн и Гальштата, а также латенской культуры, на континенте преобладают прямоугольные постройки, при этом в городищах Испании и Португалии (фото 53, 54) встречаются и круглые конструкции, а для

обитателей Ирландии и Британии последняя форма была наиболее привычной. Делать какие-либо выводы на основе анализа формы домов без долгих рассуждений и споров было бы неблагоразумно; скажем лишь, что прямоугольная форма домов в Средней Европе имеет очень древнее происхождение, тогда как круглые постройки на Атлантическом побережье восходят к эпохам неолита и раннего бронзового века. К сожалению, греческие и латинские авторы уделили этому вопросу недостаточно внимания, лишь Страбон упоминает о галльских куполообразных жилищах, которые, без сомнений, можно причислить к круглому типу. Можно предположить также, что племена, которые вели смешанное скотоводческо-земледельческое хозяйство, переняли формы домов у своих предшественников-скотоводов, чьи жилища представляли собой легкие круглые постройки из дерева, затянутые сверху шкурами, заменявшими крышу. Такие конструкции были незаменимы во времена миграций, а описанные Страбоном свевы и родственные им народы, скитавшиеся по земле с груженными скарбом повозками, вероятно, мало отличались в этом от кельтских и тевтонских племен в Средней Европе.

В настоящее время круглые деревянные постройки, служившие людям постоянным жилищем, открыты археологами лишь в Британии. В Литл-Вуд-бери (Уилтшир) найден большой дом, обнесенный частоколом, а в Уэст-Харлинге (Норфолк) – два круглых дома и прямоугольное строение, все вместе относящиеся к одному крестьянскому хозяйству. Обе находки принадлежат к культуре железного века А. В Ирландии все обнаруженные до сих пор древние жилища относятся к раннехристианской эпохе и свидетельствуют о сосуществовании круглых и прямоугольных построек, современных друг другу и находившихся в одной местности. Число известных науке поселений слишком мало и слишком рассредоточено в пространстве, это позволяет надеяться, что в будущем археологические раскопки еще дополнят общую картину.

Укрепленные поселения и «города». По размеру домов в тех поселениях, где сосредоточено большое количество построек, указывающее на существование там в прошлом крупного социального и экономического союза либо подворья вождя, можно сделать выводы о статусе их древних обитателей. Так, особое месторасположение и внушительный масштаб одного или нескольких соседствующих строений свидетельствуют об их принадлежности правителю. Например, в сохранившемся со времен полей погребальных урн поселении под Альтиохом на Кохель-Зее в Баварии просторный прямоугольный дом стоит во внутреннем круге укреплений, ниже располагаются дома поменьше и хозяйственные постройки. В гальштатском городище близ Гольдберга, в Вюртемберге, прямоугольный дом и еще одно большое строение, обнесенные бревенчатым частоколом, окружены двумя дюжинами построек самых разных видов, а все вместе они находятся внутри внешнего круга укреплений.

Обитатели упомянутых поселений занимались сельским хозяйством, но с появлением таких крупных постоянных «общезитий», как лангедокские оппидумы, обычный хозяйственный уклад и социальный строй кельтов, видимо, претерпели некоторые изменения, и уж конечно, они не могли сохраниться в изначальном виде в больших «городах» Центральной Галлии, таких, как Герговия, Бибракта и Аварик, сыгравших важную роль во времена Галльской кампании Цезаря.

Зернохранилища. Примечательной особенностью, о которой нельзя не сказать несколько слов, в кельтском сельском хозяйстве было использование глубоких ям (silos), предназначенных, по-видимому, преимущественно для хранения зерна. В Британии их выкладывали изнутри плетенными из соломы циновками и использовали в течение всего лишь нескольких сезонов, поскольку зернохранилища быстро приходили в негодность из-за большой влажности. Тогда их заполняли мусором и землей и вырывали новые. Такие ямы представляют собой важный источник археологического материала; к сожалению, те, что обнаружены в Британии, относятся исключительно к культуре железного века А. В известных археологам лангедокских оппидумах

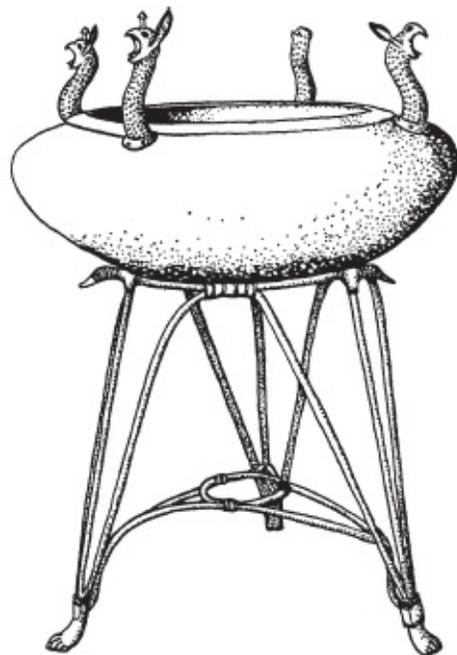
Кайла-де-Май-як и Ансерюна найдены очень глубокие ямы, вырытые в известняковых пластах и тоже забитые мусором, как и их уменьшенные копии в Британии. Позднее в Лангедоке отказались от использования ям для хранения зерна – волна греческого культурного влияния принесла им на смену большие глиняные бочки (*dolia*).

Вопрос распространения на территории доисторической Европы практики использования силосных ям еще недостаточно разработан, но такой способ хранения зерна имеет, по-видимому, очень древние корни, уходящие в прошлое Восточного Средиземноморья; применялся он и во времена среднего бронзового века обитателями некоторых деревень в Венгрии. Появление зернохранилищ, свидетельствующих о значительном увеличении урожаев вследствие совершенствования приемов обработки земли, стало результатом заимствования с востока, которое постепенно укоренилось в культуре полей погребальных урн североальпийской зоны.

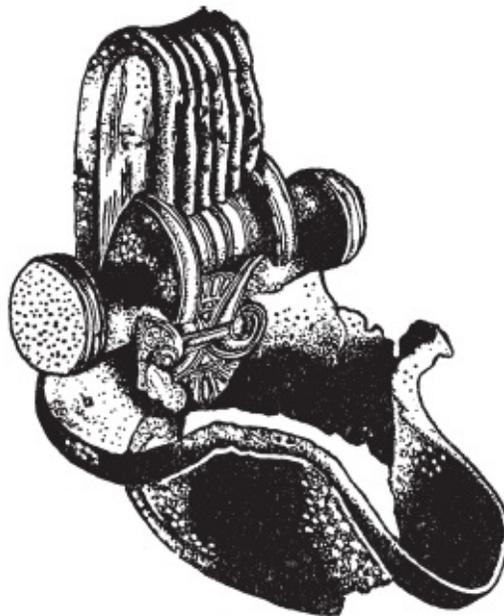
Ремесла и торговля. Достижения кельтов в искусствах и ремеслах, не имеющие аналогов в культуре других древних обитателей трансальпийской Европы, – не подивились бы таланту мастеров разве что их евразийские соседи скифы, – обусловлены разнообразием среды обитания и природных ресурсов, веселым нравом, которым отличался этот народ, и гибкостью социальной структуры внутри свободных классов. В одной книге невозможно описать и проанализировать огромное количество творений из камня, золота, серебра, бронзы, железа и глины, сохранившиеся фрагменты деревянных поделок и образцы тканей, свидетельствующие об удивительном мастерстве и художественном вкусе кельтов. Это должно стать предметом отдельного археологического исследования, и потому нам придется ограничиться лишь некоторыми общими соображениями, которые необходимо принять в расчет.

Главной чертой хозяйства кельтских общин была их относительная самодостаточность – они сами добывали пропитание, сами изготавливали одежду, но при этом часть плодов их труда уходила на покупку оружия, инструментов и других необходимых предметов, которые можно было получить лишь наладив связи с ремесленниками и торговцами. Следовательно, повсюду, за исключением общин, занимавших невыгодно расположенные территории, появлялись люди, специализировавшиеся на каком-нибудь ремесле, что позволяло любому социальному объединению – от семьи до племени – повысить благосостояние за счет продажи своих изделий. Основным товаром были шкуры, шерсть и тому подобное; с открытием железорудных залежей на всей территории кельтских владений главным предметом торговли стало легкое в обработке железо, пользовавшееся большим спросом, чем бронза – сплав, чьи компоненты довольно редки в природе.

Богатство многих кельтских общин, о котором можно судить по найденному археологами погребальному инвентарю, объясняется доступом к металлургическим ресурсам, в первую очередь это относится к тем территориям, где крупномасштабное производство поставляло железо ненасытным рынкам урбанистического мира по ту сторону Альп; сначала кельтами была налажена торговля с греками и этрусками, позднее – с римлянами. При раскопках гальштатских погребений в местечке Зальцкаммергут найдены указания на торговые связи местных солеваров с обитателями далекой Северо-Восточной Италии. Погребальный инвентарь из могил вождей позднего гальштатского периода в Бургундии, содержащий, помимо прочего, изделия этрусских и греческих мастеров (рис. 8), свидетельствует о развитой местной металлургии железа и его экспорте водным путем, которым служила Рона. Торговлю оловом на землях от Корнуолла и Бретани до прибрежных районов Южной Галлии, чему осталось не так много материальных доказательств, можно считать важным культурным и экономическим фактором в жизни кельтов Атлантического побережья Европы.

Рис. 8. Этрусский бронзовый котелок с грифонами на железном треножнике. Сент-Коломб-сюр-Сен, Кот-д'Ор. Высота треножника 55 см

Рис. 9. Верхний фрагмент родосской бронзовой бутылки. Вильсинген, Вюртемберг

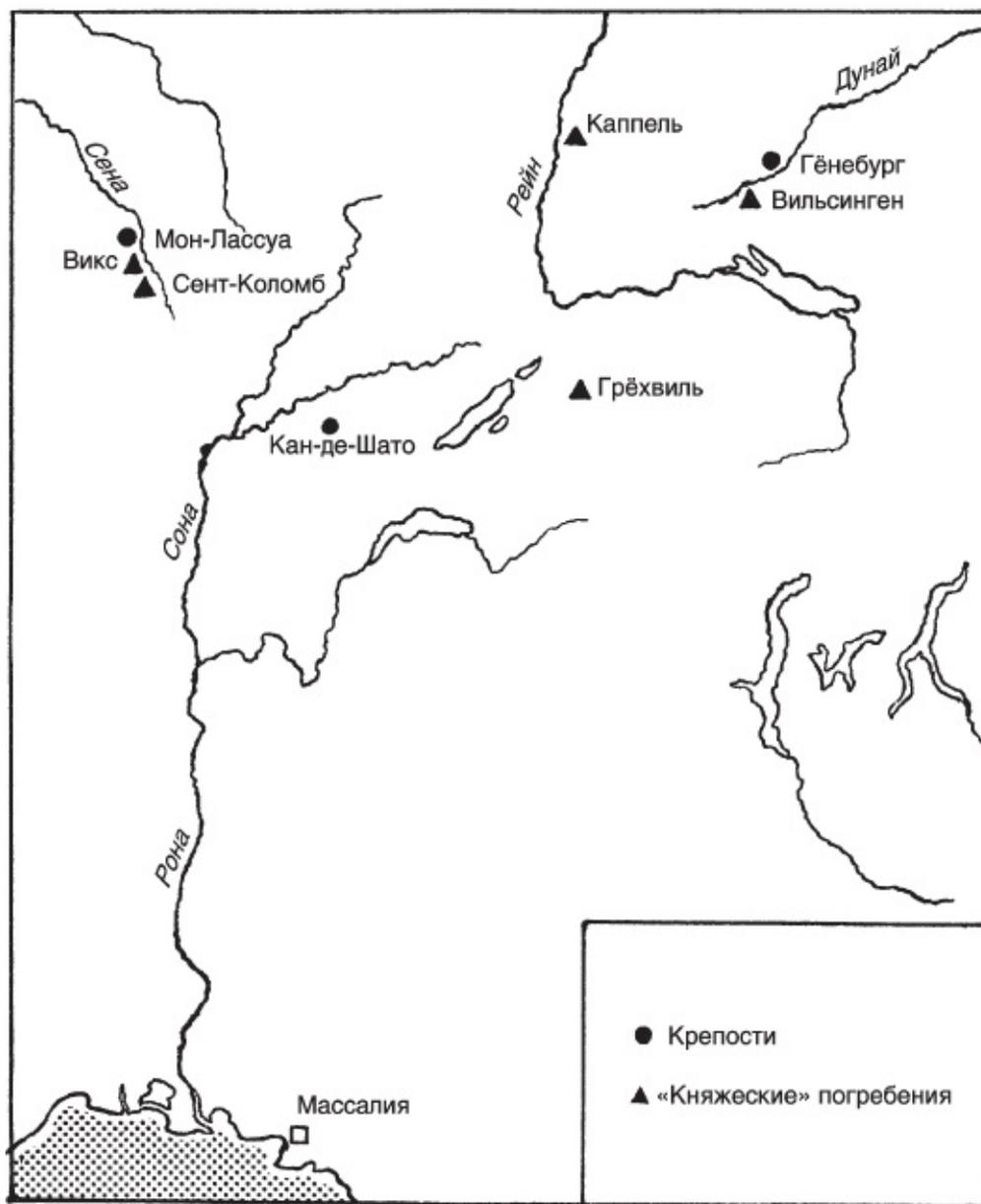
Культурное значение торговли вином. В установлении международных торговых связей значительных успехов достигли уже упоминавшиеся бургундские кельты, племена Среднего Рейна и Верхнего Дуная. Похоже, что для кельтов главной целью коммерции было вино, взамен они поставляли на рынок золото, рабов и железо. Первостепенное значение такого товарообмена связано не столько с развитием экономики, сколько с расцветом латенского искусства, зародившегося именно в зоне виноторговли с центром на Среднем Рейне, где вместе с вином стали появляться роскошные, диковинных форм сосуды для питья с растительными орнаментами, оказавшие основополагающее влияние на умы кельтских ремесленников и вкусы их покровителей (фото 16, 17).

Как уже говорилось, подкрепленная археологическими доказательствами история Европы началась в середине VI века до н. э. Именно к этому периоду относятся найденные в позднегалльштатских «княжеских» захоронениях, содержащих погребальные повозки, в Каппель-

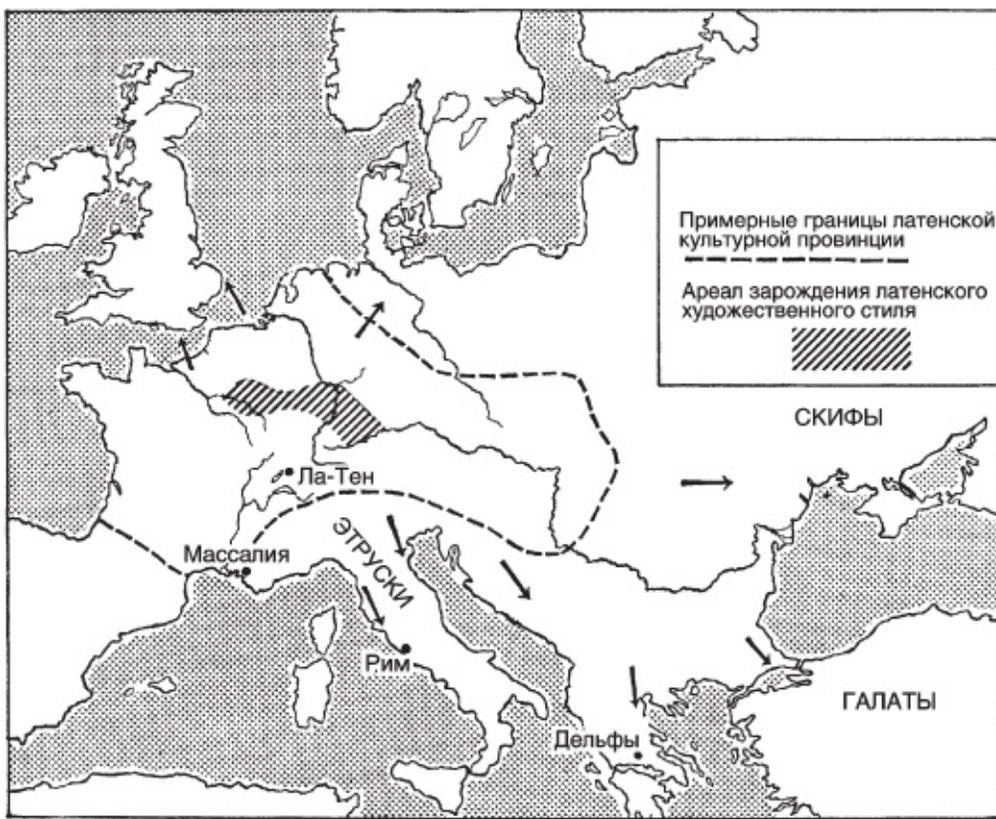
ам-Рейне (Баден) и Вильсингене (Вюртемберг), родосские бронзовые бутылки для вина (рис. 9). Возможно, эти сосуды предшествовали налаживанию поставок греческих чернофигурных кубков, присутствие которых в кельтских поселениях служит хронологической вехой для датирования таких важных с исторической точки зрения крепостей, как гёнебургская (фото 9) возле Райдлингена, что возвышается над Дунаем, несущим свои воды по Вюртембергу, укрепленное поселение в Кан-де-Шато во французском департаменте Юра и крупный oppidum на вершине Мон-Лассуа около Шатийон-сюр-Сен на Кот-д'Ор (карта 5). Условия для зарождения латенского художественного стиля создавались именно в таких укрепленных пунктах – центрах политической власти и международных торговых связей. Есть основания полагать, что туда не только стекались товары из дальних уголков, но и приходили ремесленники-южане; эти люди могли приспособить греческие художественные стили в создании оружия и декоративных форм к местным требованиям, а также внедрить новые способы строительства – например, возведение бастионов и стен из сырцового кирпича, обнаруженных недавно в процессе археологических раскопок в Гёнебурге (фото 8).

Очередная волна этрусского влияния, принесшая с собой металлическую посуду тонкой работы и усовершенствованную модель легкой двухколесной боевой колесницы, вдохновила кельтов на создание собственных произведений ремесленного искусства. Первый всплеск латенского творчества знаменуют собой предметы, найденные в захоронениях с погребальными колесницами на Среднем Рейне (карта 6) и являющиеся частью аристократической культуры, распространившейся из этого источника. Экономическая и политическая подоплека этого события в культурной жизни неизвестна, но очевидно, что у истоков латенской культуры стояли не все кельты, а лишь господствующие племена центральной группы. Любопытно, что лангедокские кельты, чьи земли были открыты греческому и этрусскому влиянию, не участвовали в создании нового художественного стиля – объяснением может служить тот факт, что их обошла стороной традиция восхваления героической доблести вождей на поле брани и в пиршественном зале, существовавшая у «княжеских» династий, чьи представители отправились в Иной мир на погребальных колесницах и повозках, также увековеченная в древнеирландской литературе.

Каким бы основополагающим ни было южное влияние на вкусы и технические навыки кельтских ремесленников и их покровителей, именно кельтские мастера способствовали развитию и распространению нового искусства и новых стилей в создании оружия, фибул, керамики. Здесь уместно вспомнить об особом статусе, которым обладали люди искусства (*aes dana*) в древней Ирландии. В социальной градации они составляли особую прослойку между воинами и свободными фермерами, но все же были ближе к воинскому сословию – и по природе своих привилегий, и благодаря обоюдной заинтересованности в услугах.

Карта 5. Кельтская территория, охваченная греческими виноторговцами. В отмеченных на карте крепостях и «княжеских» погребениях «бургундского» региона, относящихся к поздней гальштатской культуре, найдены греческие изделия тонкой работы из металла и глины (ок. 550–470 до н. э.)

Карта 6. Экспансия кельтов в конце V – середине III века до н. э.

Латенское искусство. Отразить все многообразие проявлений кельтского (латенского) искусства подробно и адекватно в настоящем исследовании не представляется возможным. В некоторой степени этот пробел могут восполнить пояснения к иллюстрациям на вклейке, где даются развернутые характеристики образцов на фотографиях. Тем не менее в данном параграфе нельзя не упомянуть о других источниках, помимо греческого и этрусского, из которых кельты черпали вдохновение. Во-первых, свою роль сыграла древняя исконная традиция трансальпийской Европы – абстрактные геометрические орнаменты, дополненные в периоды полей погребальных урн и Гальштата восточно-средиземноморскими мотивами, например меандром, солнечными символами и стилизованными птицами, в основном водяными (рис. 10).

Во-вторых, нельзя не учитывать влияние скифов и других восточных народов, у которых кельты заимствовали технику изображения животных, – примером послужили стилизованные скифские звери и более натуралистичные творения далеких иранцев. Из этого последнего источника исходит и идея создания шейных гривен, а также парных симметричных наверший в виде человеческих или звериных голов – таких, как на примечательном серебряном торке из Трихтингена в Вюртемберге (фото 35, 36). При этом кельты не копировали в точности ни греко-этрусские, ни восточные образцы – они лишь заимствовали основную идею, и иногда сложно определить прототип того или иного их произведения – ведь и этрусское искусство переняло восточную традицию изображения сверхъестественных существ, смутно напоминающих людей и животных.

Рис. 10. Блюдо с меандровым орнаментом (глина, графит). Эшенфельден, Бавария. Диаметр примерно 43 см

Искусство кельтских ремесленников, оставивших после себя множество изделий из глины и, без сомнения, имевших дело с другими материалами, проявилось также в обработке металлов: золота, бронзы, реже – серебра. Для металлических изделий кельтов характерны покрывающие всю поверхность орнаменты, представляющие собой бесконечное множество сочетаний сравнительно небольшого числа основных криволинейных элементов декора. Все эти работы сделаны с большим мастерством и вкусом, в них присутствуют асимметрия, аллюзии на натуралистические формы, гармоничное сочетание преимущественно геометрических и абстрактных вариантов композиции.

Кельтские монеты. Своеобычие кельтов в последние два века независимости проявилось и в еще одной сфере – чеканке монет. Было это в те времена, когда слава латенского искусства шла на убыль повсюду, кроме Британии, и племена, не сыгравшие особой роли в развитии этого художественного стиля, приняли участие в создании нового вида творчества (фото 5, 47), который распространился с конца III века до н. э. и исчез с лица земли в Галлии с приходом легионеров Юлия Цезаря, в Британии – под владычеством Клавдия. Кельтских золоточеканщиков вдохновили статеры Александра III Македонского или, с меньшей вероятностью, Филиппа II; золотые монеты разошлись от Дуная к западу, до Центральной Галлии, а белги завезли их в Юго-Восточную Британию. Серебряных дел мастерам служили образцом известные в Южной Галлии удивительные монеты из западных греческих колоний и из самой Массалии. Для кельтского национального искусства чеканки характерна предельная стилизация человеческих голов, животных и колесниц, образы проникнуты мифологическим символизмом. Стилизация приводила к выделению отдельных деталей (например, волос в портретах людей, при этом лица изображались схематично) и разделению изображений на составные части – так, ноги лошадей рисовали отдельно от туловища. Легенды на монетах появились позже и представляли собой сокращенные написания известных кельтских имен собственных и перечисление титулов. Изучение территорий распространения монет определенных типов позволяет в большинстве случаев связать их с отдельными племенами, а достоинство монет отражает существовавшие тогда политические условия и различные изменения в социальной жизни.

Мерило ценности и меновая торговля. Развитие монетного дела подводит нас к вопросу о существовании у кельтов всеобщего денежного эквивалента. Свидетельство Цезаря о том, что в

Британии наряду с золотыми и бронзовыми монетами были в ходу железные бруски определенного веса, использовавшиеся в качестве денег, подтверждено археологией. Эти бруски с загнутыми на одном конце краями напоминали необработанные клинки мечей (рис. 11) и имели хождение на некоторых землях Британии. Очевидно, что за пределами таких территорий и ареалов распространения монет, а также повсюду в более ранние времена (самые древние из найденных монет и железных брусков датируют I веком до н. э.) была принята другая единица стоимости. Здесь на помощь приходят филология и ирландская литературная традиция. Известно, что у индоевропейцев повсеместно мерилom ценности служил скот. В Ирландии счет шел, например, на телят или молочных коров; со временем как приблизительный эквивалент стали рассматриваться и невольницы (cunial). Слово «cunial» широко вошло в обиход для оценки стоимости колесниц или земельных угодий – это доказывает, что и сами невольницы стали популярным объектом торговли, а в роли «поставщика» вполне мог выступать римский рынок рабов.

В Ирландии, так же как в Шотландии и некоторых других уголках Британии, монеты не чеканили, но даже там, где они имели хождение – на континенте и в той же Британии, – параллельно существовали более древние формы оценки стоимости и процветал натуральный обмен. Монеты были необходимы прежде всего для сделок с иноземными купцами, которые часто не соглашались на меновую торговлю.

Искусство войны. Заключительные параграфы этой главы будут посвящены кельтским воинам. Их внешность и поведение произвели глубочайшее впечатление на римлян и греков – об этом свидетельствуют многочисленные описания и аллюзии в античной литературе, пергамское скульптурное наследие и прикладное искусство Италии. Можно с уверенностью предположить, что в устном эпосе кельтов главное место занимали подвиги на поле брани, точно так же как в ирландской литературной традиции, которая сохранила легенды о быте и нравах героического общества, мало чем отличающихся, за исключением позиции во времени, от жизненного уклада древних обитателей континента.

Рис. 11. Железный брусок – единица стоимости. Лин-Керриг-Бах, Англси. Длина 49 см

Воинское снаряжение. Главным источником информации о снаряжении кельтских воинов доисторических веков, в течение которых продолжалось формирование этого народа, выступает погребальный инвентарь. В период позднего бронзового века основным видом оружия служил колюще-рубящий меч, в ходу были копья и дротики, есть доказательства использования кельтами круглых деревянных щитов с бронзовыми набивками и щитов, обтянутых кожей. Известны также бронзовые наконечники для стрел, в основном из Верхнедунайского региона, но лук, похоже, довольно быстро вышел из моды. Археологи находят шлемы, щиты и даже панцири из листовой бронзы, однако в ту эпоху такие детали снаряжения, по-видимому, были большой редкостью.

Начало обработки железа североальпийскими племенами в VII веке до н. э. или чуть ранее сказалось не только на боевых качествах оружия, но и на его количестве. В захоронениях, содержащих погребальные повозки и относящихся к первой фазе гальштатской культуры, часто встречаются длинные колюще-рубящие железные мечи необычных пропорций (фото 7) и конская упряжь (рис. 5, 6), это дает основание некоторым исследователям говорить о появлении в те времена кавалерии и о том, что длинные мечи служили непременной частью экипировки всадников. Такой вывод представляется ошибочным, поскольку склонность к верховой езде еще не означает использование лошадей в военных целях, к тому же орудовать длинным мечом сидя

в седле, особенно при отсутствии стремян, тогда еще не изобретенных, довольно затруднительно. Меченосцы, в отличие от лучников, издревле приезжали на битву и удалялись с поля брани верхом, бой же вели пешими – он начинался с демонстрации личной доблести самыми могучими воинами, стоявшими на передовой. Об этом свидетельствует вся история войн Европы, о том же поведал и Гомер.

В захоронениях гальштатских вождей обнаруживают главным образом четырехколесные повозки, предназначенные для бытовых или ритуальных нужд, но есть указания и на то, что в трансальпийской Европе в те времена использовались повозки на двух колесах. В этом контексте важное значение имеет изображение колесницы на каменной стене погребальной камеры в Кивике (Швеция), датированное примерно X веком до н. э. (рис. 12), кроме того, некоторые захоронения гальштатской эпохи содержат по паре колес, что, впрочем, не исключает возможности того, что изначально повозки были все же четырехколесными. Дополнением к колюще-рубящим длинным мечам из железа или бронзы служили копья разной длины, использовавшиеся в основном для метания. Это было в период первой фазы гальштатской культуры, ознаменовавшийся, как уже говорилось выше, объединением кельтов под началом воинственных «княжеских» династий. В VI и начале V века до н. э., когда греческие и этрусские купцы стали появляться в землях Верхнего Дуная и верхнего течения Сены, что свидетельствует о периоде сравнительно мирной жизни и о централизованном установлении порядка в кельтских владениях, длинный меч уступает место кинжалу с широким лезвием, который в сочетании с парой метательных копий, или дротиков, становится обычным воинским снаряжением. Это второе доказательство изменения политической ситуации, по крайней мере в центральных кельтских землях.

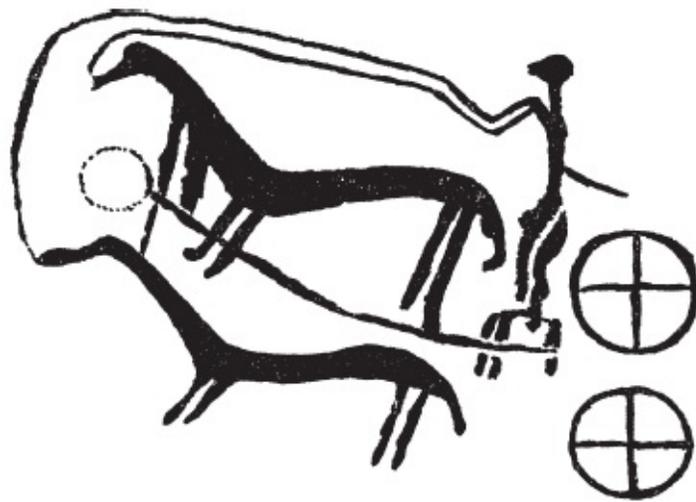

Рис. 12. Колесница. Кивик, Швеция

Археологический материал, относящийся к эпохе великой кельтской экспансии, которая началась на исходе V века до н. э., дает возможность более подробно воссоздать кельтское воинское снаряжение, столь живо обрисованное в античной и национальной литературе в последующие столетия. Незадолго до начала экспансии состоялся переход от гальштатской культуры к латенской. Теперь предводители кельтского войска, вооруженные легким колющим железным мечом, кинжалом для ближнего боя и дротиками (фото 21, 22), перед битвой поднимались вслед за своими возничими на быстрые двухколесные боевые колесницы, запряженные парой низкорослых лошадей. Оружие раннелатенского периода представляет собой плод смешения гальштатских и устаревших греческих технологий, а кельтские мастера, создававшие боевые колесницы, находились под сильным влиянием этрусков. На основе анализа

погребального инвентаря из могил конца V–IV веков до н. э. на Среднем Рейне и в Шампани можно восстановить щегольской облик великих кельтских воителей. Железные мечи они носили в бронзовых ножнах с украшенными оковками и латенским орнаментом по всей поверхности. Для кинжалов тоже предусматривались ножны, так же как и колчаны – для дротиков. Некоторые состоятельные вожди были обладателями полукруглых или конических шлемов, выкованных из бронзы, иногда с орнаментами в латенском стиле, инкрустированными кораллом и золотом (фото 20, 23). Для лошадей изготавливали сбрую с отдельными частями из бронзы, для колесниц – железные ободы и другие металлические детали. В доисторической Европе всадники обычно использовали трензели из двух звеньев, но на территории Шампани, а позднее в Британии и Ирландии вошли в обиход трензели из трех звеньев, причинявшие животным меньше страданий, что свидетельствует о развитии искусства верховой езды и выведении породы лошадей, хорошо поддающихся дрессировке (фото 37).

Приемы ведения боя. Благодаря Полибию и пришедшим ему на смену историкам мы можем составить некоторое представление о поведении кельтов на поле брани. Перед началом битвы воины на колесницах проносились туда и обратно перед рядами противника – с оглушительным грохотом, под свист и вой рожков, барабана мечами по бортам колесниц, осыпая вражеский авангард градом дротиков и других метательных орудий, наводя ужас своим грозным обликом и неистовством. Затем воины прыгивали на землю и, оставив возниц в полной боевой готовности на случай вынужденного бегства, выстраивались в стороне, в то время как один из них, с обнаженным мечом или копьем в руке, выступал вперед, бросая вызов достойному сопернику из стана врага. Предложение помериться силой, очевидно, облекалось в общепринятую форму воинской песни, превозносившей удачу, ратную доблесть и великих предков бросавшего вызов. По-видимому, в межплеменных сражениях войска вступали в бой только после поединка избранных богатырей и, возможно, только в том случае, если одна из сторон была твердо уверена, что победит во всеобщей потасовке. С началом римского завоевания кельты, вынужденные защищать свои земли, стали чаще принимать участие в многолюдных побоищах, что, вероятно, привело к изменению батальных правил.

Архаический обычай бросать вызов и драться один на один вызывает в памяти сцены из «Илиады» – кельты стали восприимчивыми традиции, которая вышла к тому времени из моды у обитателей земель, лежащих к югу от Балкан и Альпийских гор.

Самое древнее из доподлинно описанных в античной литературе сражений с участием кельтов состоялось в 225 году до н. э. при Теламоне. Тогда одержавшие победу римляне остановили волну галльской экспансии в Италию. Красочный рассказ Полибия об этом сражении, основанный на свидетельствах очевидцев, безусловно, заслуживает внимания. Помимо прочего, Полибий упоминает о том, что галлы носили рубящие, а не колющие мечи. Это подтверждают и археологические данные: кельтские мечи в те времена стали тяжелее, клинки – шире; короткие кинжалы тоже были в ходу, но не все кельты были вооружены и тем и другим. Погребальный инвентарь из большинства датированных III и II веками до н. э. могил простых пеших воинов, преимущественно свободного сословия, свидетельствует о том, что типичной экипировкой был тяжелый меч в сочетании с одним или двумя дротиками. Примерно в то же время, с середины III века до н. э., появляются удлиненные кельтские щиты. Самые ранние их изображения находят на греческих монетах, увековечены они и пергамскими скульпторами, присутствуют на римских изваяниях в Галлии (фото 3, 47, 48, 50, 51). Типичные кельтские щиты – плоские, овальные или прямоугольные с закругленными углами. Изготавливали их из дерева, иногда из переплетенных прутьев; деревянные щиты снабжали железным умбоном, реже – ободом или оковками. Такие щиты кельтского типа, представлявшие собой, вероятно, votive дары, обнаружены близ крупного торфяника Хьортспринг в Дании. Единственный экземпляр

сохранился в песках египетского Фаюма – этот меч, по всей видимости, принадлежал одному из кельтских наемников, которые, как свидетельствует история, служили в Египте с 274 года до н. э.

Обнаженные гезаты. Чрезвычайно интересен рассказ Полибия о воинах, составлявших часть галльского войска в битве при Теламоне. Он называет их гезатами и считает, что слово означает «наемники», но на самом деле *gaesatae* – это латинский вариант кельтского термина «копьеносцы»^[4]. Гезаты пришли из североальпийских районов на помощь племенам, поселившимся в Северной Италии. Любопытно, что в те времена могли существовать крупные содружества мужчин, лишенных обязательств перед собственными общинами; по своей сути гезаты напоминают появившиеся позднее в Ирландии отряды воинов, известные под названием «фиана» (*fiana*), которые странствовали по земле и жили в отрыве от общества. Второй занятной особенностью гезатов был обычай бросаться в битву обнаженными, только с оружием в руках. Эта древняя кельтская традиция канула в небытие с приходом новых поколений, подверженных влиянию более развитых культур, но свидетельства о ней сохранились – в пергамской скульптуре, на римских и кельтских монетах, в древнеирландских текстах. Этот обычай, вопреки мнению римлян, не был пустой бравадой – таким образом гезаты призывали на помощь высшие силы, доверяясь магической защите. В более ранние времена подобная практика была широко распространена в Греции и Италии.

Обезглавливание. Ужасающий обычай кельтов отрезать врагам головы и привязывать их к конским поводьям, чтобы после возвращения с поля битвы выставить в домах или святилищах, таких, как в Рокепертузе, ошибочно связывают с желанием собрать коллекцию трофеев и тем самым повысить престиж, подчеркнув воинскую доблесть. Скорее всего, он имеет отношение к культовым практикам, имевшим своей целью принести в дом богатство и изобилие, а также залучить духов на службу хозяину.

Всадники. Вопрос существования у кельтов кавалерии в том виде, в котором она присутствовала в войсках ассирийцев и римлян, уже обсуждался выше. Со временем в битвах с римлянами стало участвовать все большее число кельтских конных воинов. В Галлии *equites*^[5], упомянутые Цезарем, пришли на смену бойцам, сражавшимся на колесницах, но все они принадлежали к высокому социальному рангу, пользовались независимостью и собирались вместе лишь для немедленных действий перед лицом врага. Любопытный термин, заимствованный у более древних греческих авторов и восходящий ко временам поражения кельтов в Греции в III веке до н. э., употребляет в своей работе Павсаний. Он рассказывает о *trimarcisia* – трех всадниках, в числе которых был один вельможа и двое спутников, готовых прийти ему на выручку в бою или уступить свежую лошадь. Нет никаких указаний на то, что эти тройцы составляли особые воинские расчеты для атаки на врага. По-видимому, *trimarcisia* – продукт распространенной у кельтов социальной зависимости, но кем были спутники знатного воина – членами рода, вассалами или слугами, – сказать сложно, а о том, что общего имеют *trimarcisia* с «тремя всадниками», появляющимися в некоторых древнеирландских легендах, можно лишь гадать.

Островное воинское искусство. В истории войн островных кельтов есть два занятных момента. Во-первых, археология развитой культуры британского железного века Б свидетельствует, сколь велико было во II и I столетиях до н. э. мастерство кельтских ремесленников, изготавливавших воинское снаряжение, конскую сбрую и боевые колесницы (фото 37–41). Примечательны гравированные ножны для мечей, щиты из бронзы, предметы сбруи, украшенные эмалью, бронзовые детали колесниц. Большая часть археологического материала представляет собой случайные находки, сохранившиеся гораздо хуже, чем погребальный инвентарь, и, тем не менее, даже немногие уцелевшие фрагменты колесниц говорят о высоком уровне развития кузнечного и колесного дела на островах.

До сих пор нет никаких археологических доказательств того, что кельтские воины прикрепляли к осям колесниц или к хомутам косы, не упоминают об этом даже самые авторитетные античные авторы. Есть, правда, намеки в древнеирландской литературе, и можно сделать вывод, что кельты возили косы с собой в колесницах до тех пор, пока не возникала необходимость их закрепить. Использование кос предполагает, что воин на колеснице врзается в самую гущу вражеского войска, у кельтов же такого обычая не было. Цезарь, описывая воинов Британии, говорит, что они умели бегать по дышлу взад и вперед, впрочем, возможно, это было не более чем демонстрацией ловкости.

Второй любопытной особенностью истории кельтских островных войн является тесная связь между археологическим материалом и древнеирландской литературной традицией, а также очевидные параллели, прослеживающиеся в древнеирландских текстах и трудах античных авторов. Например, в циклах сказаний, посвященных Кухулину и противостоянию Ульстера и Коннахта, фигурируют описания выездов на колесницах, поединков избранных могучих воинов, пеших боев на мечах, длинных, богато украшенных щитов, ритуала обезглавливания поверженных врагов и страшного шума, который обычно производило кельтское воинство. Все это – составляющие самой зрелищной и аристократической воинской традиции в Ирландии, но существовали и другие сообщества кельтов, чьи войны тоже отмечены в сказаниях. У них на вооружении были пращи и колющие копья, а сами воины переселились на острова, по всей вероятности, из Западной Галлии.

Использование пращи впервые отмечено археологами в Бретани и Юго-Западной Англии и датировано I веком до н. э. Это оружие нехарактерно для кельтов центральных территорий и попало в Бретань, вероятно, из Западного Средиземноморья тем же торговым путем, которым переправлялось олово. Копье, о котором идет речь (*laigen*), по всей видимости, отличалось от обычного колющего оружия – тяжелого *gae* или легкого *sleg*. Известно, что у него было широкое лезвие и что его принесли с собой некие новые переселенцы. Исключительное мастерство воинов, вооруженных такими копьями, и тот факт, что об этом сочли необходимым упомянуть некоторые античные авторы, свидетельствуют, что копья были легкими и использовались в ближнем бою, возможно, по аналогии с *lanciae*, упомянутыми, но не вполне ясно описанными Диодором.

Кельтский пир. Возвращение воинов с поля брани в любом героическом обществе было торжественным событием – король щедро одаривал победителей, в их честь устраивали пиры. И кельтов этот обычай не обошел стороной. Здесь ирландские и античные источники снова вторят друг другу. Полибий отмечает беспримерное пристрастие кельтских воинов к возлияниям и обжорству. Подтверждение тому – бурное развитие виноторговли, начавшееся в VI веке до н. э., а в последний период кельтской независимости белгские «князья» Британии обычно отправлялись в Иной мир, прихватив с собой несколько римских амфор с этим напитком. В кельтских домах варили пиво, излюбленным кушаньем была свинина – жареная или варенная в огромных котлах. В Ирландии порцией, достойной победителя, считалась зажаренная целиком свинья; в Шампани, в захоронении, содержащем погребальную повозку, найден скелет кабана. Среди воинов часто разгорались драки – каждый оспаривал право другого на порцию победителя. Об этом сообщают Диодор и Атеней, прекрасной иллюстрацией служат ирландские сказания «Пир Брикриу» (*Fled Bricrend*) и «Похищение свиньи Мак Дато» (*Scela Musce Meic Dathó*). Повсеместно соблюдались иерархия и кодекс поведения по отношению к гостям: за пиршественным столом приглашенные рассаживались в соответствии с социальным рангом, чужестранных купцов и послов угощали прежде, чем перейти к делам, и каждый получал приличествующий ему ломоть мяса. Так, в Ирландии королю полагалась свиная нога, королеве – бедрышко, а кабанья голова – вознице. Кости животных, найденные среди погребального

инвентаря в могилах континентальных кельтов, свидетельствуют о схожей организации пиров, а Атеней, цитирующий Посидония, говорит о том, что свиной окорок на торжествах получал самый достойный из присутствовавших.

Пируя под открытым небом, континентальные кельты рассаживались на шкурах или соломенных подстилках, в домах устраивались прямо на полу, в кружок перед низкими столами; в дополнение к мясу и напиткам подавался хлеб.

Рис. 13. Железный котелок и подвеска из Ла-Тена, Швейцария. Длина подвески примерно 150 см

Среди других кушаний, известных кельтам, были говядина и баранина, соленая свинина и копченая рыба. Атеней с одобрением и удивлением отмечает их чистоплотность, которая, как известно, редко сопутствует обжорству. Но главным украшением пиров были барды, декламировавшие под музыку. Они могли высмеивать властителей или произносить хвалебные речи – от этого зависела репутация «князей». То же самое происходило и в Ирландии, где традиция куртуазных панегириков существовала на протяжении многих веков – до тех пор, пока живы были властители острова, принимавшие восхваления и щедро одаривавшие за них поэтов.

Глава 3

Отношение кельтов к сверхъестественному

Кельтская первобытная религия. Кельты были одержимы магией и привержены ритуалам не в меньшей, но и не в большей степени, чем остальные обитатели Древнего мира. Необходимо подчеркнуть слово «магия», поскольку религии как таковой они не знали, хотя в соответствии с современной антропологической концепцией их верования и можно назвать первобытной религией.

Подобно многим простым деревенским жителям последующих эпох, кельты верили, что магические силы пронизывают окружающий мир, влияют на все аспекты человеческой жизни и, таким образом, их можно использовать в своих интересах с помощью ритуалов, жертвоприношений и чтения вслух мифов – священных сказаний, которые служат божествам напоминанием, услаждают слух и побуждают снизойти до нужд простых смертных. Любые попытки выстроить верования кельтов по схеме великих мировых религий, сопоставить различные мифы о жизни после смерти, отношениях человека со сверхъестественным, с богами и сущностями, не поддающимися четкому определению, отыскать в них логику и иерархию, бесполезны и свидетельствуют о неверном понимании сути всей трансальпийской варварской цивилизации дороманской эпохи. Развитого, организованного, общепринятого пантеона, такого, как у греков и римлян, в кельтском мире не существовало, но во многих кельтских сказаниях, культах и сакральной терминологии просматриваются ростки индоевропейской традиции, к которой кельты принадлежали наравне с арийскими предками индусов и италийскими предшественниками римлян.

Источники сведений о религии кельтов достаточно разнообразны, хотя до недавних пор большая часть фактического материала интерпретировалась неверно. На первом месте находятся богатейшие пласты древнеирландской литературы, которые пощадила церковная цензура. Они содержат множество мифологических трактатов, сохраненных под видом легендарных историй, имена многочисленных божеств, названия главных языческих праздников, сведения о деятельности друидов и прочее. Нельзя забывать и о несущих отпечаток языческих верований фрагментах в литературе Уэльса, а также о валлийских и ирландских свидетельствах, имеющих множество аналогов в континентальных источниках.

Основной массив данных о религии континентальных кельтов связан с надписями на исторических памятниках, созданных под владичеством и при поощрении римлян на кельтских землях, входивших в состав Римской империи. Надписи на латинском, реже на греческом языках обычно посвящались широкоизвестным и почитаемым римским богам, соотносившимся с местными богами или выступавшим в паре с кельтскими богинями. Изваяния и памятники, в основном в типично римском стиле, могут помочь в восстановлении иконографии более ранних веков, не оставивших материальных свидетельств. Некоторые пробелы восполняют замечания античных авторов, самые подробные и ценные суждения принадлежат Цезарю, однако эти источники содержат больше информации о друидах и разнообразных доктринах кельтов, нежели собственно о божествах. Определенные выводы можно сделать на основе сравнительного филологического анализа имен кельтских божеств и слов, связанных с культом; существует также касающийся протоистории археологический материал, источником которого служат погребения, вотивные клады и, в значительно меньшем объеме, места поклонения и храмы. Наряду с этим можно упомянуть изображения на галльских и бриттских монетах последнего периода независимости кельтов (фото 5, 47, 75).

Приблизиться к миру сверхъестественного можно прежде всего изучив обыденную жизнь тех, кому он представлялся вполне реальным, и в случае с кельтами наиболее подробные сведения об этом содержат ирландские источники. Для начала обратимся к языческим праздникам, которые знаменовали собой начало и конец сельскохозяйственных работ.

Ритуальный год. У кельтов, по крайней мере в Ирландии и Галлии (фото 76), год делился на два сезона – теплый и холодный. В Ирландии каждая половина года, в свою очередь, была отмечена временными вехами – всего там справляли четыре основных праздника, главный из которых известен под названием Самайн (Samain). В переводе на современный календарь он устраивался 1 ноября, но главные торжества приходились на канун этого дня. Самайн символизировал конец одного года и начало следующего, занимая пограничное положение между ними, а его позиция во времени по отношению к природным сезонам свидетельствует о том, что он знаменовал собой поворотный момент скорее скотоводческого, нежели земледельческого цикла. Самайн соответствует окончанию пастбищного сезона в условиях примитивного сельского хозяйства; в это время овец и рогатый скот собирали в одно стадо и вели на убой, в живых оставляли лишь часть животных – для размножения. Эта древняя скотоводческая практика в умеренной климатической зоне Европы была известна еще в эпоху неолита и как нельзя более подходила кельтам – любителям нескончаемых пиров. Слово «samain», скорее всего, означает «всеобщий сход», или «собрание», и, вероятно, именно в этот период в Ирландии устраивались oenach обитателей tuath. Значение, которое придавалось Самайну, огромно – об этом свидетельствует древнеирландская литература. Почти все описанные в ней важные события, относящиеся к дохристианскому периоду, происходили в течение этого праздника, но его истинный ритуальный смысл состоял в обретении гарантии, что природа возродится, земля вновь начнет плодоносить, а людям будет сопутствовать удача. В пору Самайна, таким образом, засеивались семена благоденствия, которые должны были дать всходы грядущими весной и летом.

Жертвоприношения на этом празднике наверняка имели место, хотя никаких записей или материальных свидетельств о них не сохранилось. Специфика кельтских жертвоприношений будет освещена ниже, в данный же момент для нас больший интерес представляют мифы, связанные с Самайном. Они посвящены возрождению плодородия земли и ее обитателей, залогом которого служит союз бога – покровителя племени и богини природы, питавшей все живое на территории tuath и часто выступавшей персонификацией реки или другого элемента природного ландшафта. Этот мифологический аспект иллюстрируют сказания о союзе бога Дагды с богиней Морриган или, по другим источникам, с Боанн – божеством реки Бойны. По крупным сведениям из разных источников можно попытаться понять, как представляли себе кельты этих божеств.

Имя Дагда означает «Хороший Бог», но «хороший» не в этическом смысле – здесь имеется в виду, что он «хорош во всем», то есть всемогущ и всеведущ. Дагда – отец племени, его покровитель и благодетель. Можно сразу сказать, что это типичный, основополагающий образ всех кельтских мужских божеств в Ирландии и за ее пределами. У кельтов не было «специализированных» богов войны, мудрости или солнца, что указывает на всеобъемлющие полномочия их племенных покровителей. Это умозаключение помогает понять, почему на протяжении всей кельтской зоны оседлости почиталось огромное количество богов, а, за редкими исключениями, территории, на которых поклонялись каждому из них, ограничены. Кроме того, на этом основании можно сделать вывод, что для кельта имели значение лишь местные божества, равно мужские и женские, покровительствовавшие его племени, а мир сверхъестественного, существовавший бок о бок с миром реальным, был открыт для простого смертного лишь в те дни, когда совершались магические обряды, с целью привлечь внимание к

нуждам всего племени.

Как уже говорилось, супругой Дагды на время Самайна становилась богиня природы. Под именем Морриган, Королева Призраков, она часто упоминается в ирландских сказаниях; соотносимы с ней и такие наводящие ужас имена, как Немайн (Паника) и Бадб Катха (Ворон Битвы); в других контекстах присутствуют имена, к примеру Маха, Медб или Мэва, несущие символику, связанную с лошадью, вернее, с кобылой. Кельтские богини схожи по функциям с богами, но имеют не просто племенное или общесоциальное значение. Они олицетворяют собой природу и покровительствуют определенным территориям независимо от того, кому эти территории принадлежат – кельтским племенам или захватчикам, – и несут в себе одновременно созидательное, соотносящееся с изобилием и плодородием, и разрушительное начало; с ними связана солнечная, лунная, зооморфная или топографическая символика.

Таковы главные действующие лица Самайна, которым возносились почести. В ночь накануне праздника, единственный раз в году, земной мир становился ареной действия магических сил. Волшебные существа выходили из пещер и холмов, простые смертные могли получать приглашение погостить в Ином мире, а чудовища злоумышляли против королей, и даже крепостные стены не служили преградой яду и огню.

Бельтайн (Beltine), или Сетсамайн (Cetshamain), второй значительный праздник в Ирландии, тоже по преимуществу скотоводческий, отмечался по современному календарю 1 мая и предвещал начало теплого времени года, когда домашний скот переводили на подножный корм, выпуская на открытые пастбища. Одним из главных атрибутов этого праздника были огромные костры – подобное увеселение сохранилось и в христианские времена, а традиция проводить животных между двумя кострами, чтобы защитить их от болезней, зафиксирована в письменных источниках как языческий обряд, совершавшийся под присмотром друидов. Название «Beltine», включающее в себя кельтское слово, которое означает «огонь», возможно, связано с именем бога Белена (Belenus), широко почитавшегося в Северной Италии, Юго-Восточной Галлии и Норике (карта 8). Белен, по-видимому, – один из древнейших среди известных кельтских богов, и его культ связан прежде всего со скотоводческим укладом.

Два других ирландских сезонных праздника, Имболк (Imbolc) и Лугназад (Lughnasad), отмечались, соответственно, 1 февраля и 1 августа. Меньше всего известно о Имболке: во-первых, с давних времен считается, что он знаменовал собой начало дойки овец, а во-вторых, с наступлением христианской эры он совпал с праздником святой Бригиты в христианском календаре. Языческой предшественницей этой святой была ведунья Бригита – дочь Дагды, богиня плодородия, покровительница учености и врачевания. Следы увековеченного надписями и названиями местностей культа Бригиты, чье имя созвучно с санскритским *Vṛhatī* (Благородная, Возвышенная), можно проследить и на континенте. Предположение, что Имболк мог быть связан с овцеводством, представляется разумным, поскольку, хоть эти животные и не обладали особым обрядовым статусом, в отличие от быков, кабанов и собак, названия которых входили как элементы в имена божеств и простых смертных, обработка овечьей шерсти была важной составляющей домашнего хозяйства кельтов.

Нельзя исключать возможность того, что изначально Имболк был общинным торжеством какой-то одной культурной или профессиональной группы населения. Сказания о боге Луге (Lug), ясно указывают на то, что если не сам праздник, то по крайней мере его название было принесено в Ирландию извне поздними переселенцами. По своей сути Имболк больше, чем все остальные известные ирландские праздники, соответствовал аграрному циклу. Он отмечался 1 августа – в разгар летнего перегона овец на пастбища – и, таким образом, плохо соотносился с циклом скотоводческим. Скорее он был предвестником созревания зерна, и в этом опять можно усмотреть специфику отношений кельтов с миром сверхъестественного: устраивавшиеся

торжества служили гарантией того, что осенью будет собран обильный урожай, и вовсе не являлись проявлением благодарности за дары природы. Понятие благодарности не укладывалось в схему магического культа – общество заранее совершало ритуал, который, при соблюдении всех правил, должен был непременно привести к желаемому результату.

Образ Луга в мифах свидетельствует о том, что этот бог – «новичок» среди ирландских божеств. Он тоже племенной бог, но имеет менее архаичский характер, по сравнению со всеми остальными, владеет разнообразным оружием, а его эпитет Самилданах (Samildanach) означает «искусный во многих ремеслах» и указывает скорее на специализацию, чем на покровительство знаниям и творчеству вообще. Имя Луга входило в состав названий многих континентальных городов, в том числе Лугдуна (Lugdunum; современный Лион). В Ирландии центральной фигурой поклонения во время Лугназада был, очевидно, не сам бог, а богиня природы, например Таильтиу, в честь которой он, по одной из версий, и учредил этот праздник, или Маха, почитавшаяся в те времена в Ульстере. Предположение о том, что культ Луга в Ирландию принесли с собой галльские переселенцы примерно в I веке до н. э., пока что ждет исчерпывающих археологических доказательств.

У ирландского августовского праздника было и другое название – Брон Трограйн (Bron Trograin – «Неистовство Трограйна»). Этому божеству, не упоминающемуся в другом контексте, приносились жертвы ради изобилия и плодородия; в нем также можно усмотреть смутный образ племенного бога, которого затмил своим появлением Луг.

Из античных и ирландских источников известно, что календарь, по которому отмечались все праздники, был основан на наблюдениях за луной и исчислял не дни, а ночи. Можно предположить, что выбор даты торжеств был привилегией друидов, решавших, благоприятно ли время для праздника, или исходивших из каких-либо других соображений.

Итак, ритуальная сторона кельтского года, временными вехами которого служили праздники, была подчинена насущным бытовым нуждам, но считалось, что благополучие *tuath* или племени зависит еще и от способности короля или вождя выполнять возложенные на него обрядовые функции. Этот вопрос подробно освещен в древнеирландских текстах, и можно заключить, что неурожай хлеба, болезни скота и прочие беды обычно объясняли несостоятельностью короля в качестве посредника между сверхъестественным и земным мирами, а причиной этой несостоятельности мог стать физический или сакральный недостаток – ведь каждое действие властителя было публичным и сопровождалось многочисленными обрядами.

Тема ритуального значения королевской власти достаточно разработана в научной литературе и не требует подробного обсуждения в данном исследовании, но об основных аспектах упомянуть все же необходимо. Прежде всего, в Ирландии король выступал смертным супругом местной богини природы. В Таре королей брали в мужья Этайн или Медб. Богиня преподносила своему избраннику кубок, что символизировало в кельтском обществе заключение брачного союза; в некоторых мифах молодой король встречает богиню возле колодца или родника, где она поджидает его в облике прекрасной девы. Второй спутницей короля становилась смертная женщина, но ее обрядовые функции не вполне ясны, в отличие от ритуального статуса цариц арийской Индии. Мифы о Таре посвящены в основном восхвалению «совершенного правления», рассказам о королях, под властью которых земля дарила обильные урожаи и весь миропорядок был устроен идеально. Но короли старели, и появлялись опасения, что их немощь станет причиной повсеместного упадка, земля истощится, людям перестанет сопутствовать удача. Божественная супруга дряхлеющего короля превращалась в гнусную ведьму, теряла свой благотворный дар по мере того, как силы покидали ее смертного мужа, и, наконец, возникала необходимость подыскивать нового спутника – залог дальнейшего процветания

королевства. Без сомнения, кельтские вожди, по крайней мере в расцвет языческой эпохи, зачастую принимали лютую, но полную сакрального смысла смерть: в мифах присутствуют многочисленные иносказательные пассажи о том, как они погибали от ран, в воде и в огне, среди верховных чародеев, в присутствии ведьмы и бога – покровителя племени.

Племенные и природные божества. Возможно, более подробный разговор об уже упоминавшихся кельтских божествах следует начать с описания их поведения и внешности такими, какими они предстают в ирландской мифологии, а не с абстрактной классификации на основе других источников, например изящной иконографии, представленной римскими скульпторами, – так будет честнее по отношению к древним кельтам.

В сказаниях, связанных с Самайном, Дагда – гротесковая фигура. Он наделен великой силой и неумеренным аппетитом, носит куцую одежку слуги, его оружие – огромная палица, которую приходится возить на телеге, а принадлежащий ему волшебный неисчерпаемый котел изобилия обладает свойством дарить вечную молодость и вдохновение. Вероятно, известняковая скульптура, портрет обнаженного мужчины с палицей (Керн-Аббас, Дорсет), посвящена богу со схожими полномочиями, а в Галлии подобный архетип, хоть и в более цивилизованном варианте, воплощает в себе Суцелл (Sucellos – «хорошо ударяющий»), владеющий молотом и чашей или блюдом, которые в данном случае выступают аналогом котла.

В древней Ирландии котел считался символом изобилия, и о котле Дагды сказано, что «никто не ушел от него голодным». Этим предметом утвари пользовались и другие ирландские боги, например мунстерский Курои и Гоибниу, варивший в нем пиво бессмертия. Котлы племенных богов тоже имели сакральное значение – некоторые короли находили в них свою смерть. Гротесковые мужские образы фигурируют во многих ирландских мифологических сказаниях и в валлийской литературе, например в мабиноги о Бранвен, дочери Ллира, великан с котлом на спине появился из озера, следом за ним шла женщина. Впрочем, эта история принадлежит к культурной традиции ирландских язычников, основавших поселения в Западном Уэльсе в позднеримские времена.

Образ Луга создан в рамках менее примитивной концепции. Его изображали молодым мужчиной, лишенным грубых черт, которыми наделен Дагда. И хотя не существует таких детальных и ярких портретов Луга, каких удостоился Дагда, можно вспомнить один из его эпитетов – Ламфада (Lamfhada), то есть Длинная Рука; под стать владельцу было и оружие – длинное копье и праща, ставшие впечатляющим нововведением в арсенале ирландских воинов.

О превращениях богини природы из прекрасной девы в омерзительную ведьму уже говорилось. Но были у нее и другие ипостаси, заслуживающие внимания. Таков образ разрушительницы, предсказывающей грядущее бедствие или проносящейся по полю брани. Знаменитому ульстерскому герою Кухулину явилась облаченная в красный плащ рыжебровая Бадб на колеснице, запряженной гротесковой лошадью, а сопровождала богиню уродливая мужская фигура верхом на корове. Вся сцена проникнута символизмом, но главная цель причудливой пары состояла в том, чтобы внушать ужас. Затем Бадб приняла свою птичью ипостась – облик ворона или вороны – и со злорадным наслаждением взирала на кровопролитие, сея панику среди сражавшихся воинов и лишая их сил.

Бадб Катха, Ворон Битвы, – пример зооморфизма, характерный для многих кельтских божеств обоих полов. Посвященные им мифы были не столько проявлением архаического мышления, способного угадывать сверхъестественное в образе животных, сколько данью всемогуществу божеств, владевших искусством изменять обличье. Сравнительное исследование показало, что индоевропейские народы с давних времен поклонялись антропоморфным богам, и потому зооморфная концепция в чистом виде сохраниться не могла. Однако этимологически имя Lug может означать «рысь», в Галлии были известны имена Cernunnos («рогатый»), Tarvos

Trigaranos («трехрогий бык»), а галаты принесли с собой в Малую Азию имя Deiotaros («божественный бык»), обладатели которого, как свидетельствуют письменные источники, жили в I веке до н. э.

«Лошадиный» элемент в создании имен мужских божеств заметной роли не играл, только в ирландской мифологии встречаются такие имена, как Ro-Ech, что означает «большой конь», и Eochaid (от ech – «лошадь»). Символизм, связанный с лошадиной тематикой, в большей степени присущ богиням; одним из самых распространенных имен было имя Эпона (Еропа) – так звали богиню-кобылицу, изображенную на многих галло-римских алтарях. Она выступает двойником Этайн Эхрайде (Etain Echraide), Медб из Тары, Махи из Ульстера, а также Рианнон, Великой Королевы, известной по маби-ноги о Пуйлле, владыке Диведа. Лошадиная ипостась, типичная для кельтских богинь, имеет важное значение в общей культурной традиции кельтов – народа, использовавшего в хозяйстве лошадей, – и указывает на их ранние евроазиатские культурные связи. (Фото 70, 73; карта 8.)

Триады. Еще одна особенность кельтских женских и мужских божеств – тройственность. Она не связана ни с религиозной концепцией триединства, ни с союзом трех разных сверхъестественных существ. По сути, тройственность – это свидетельство всемогущества божества, указывающее на его «тройную силу». Само число «три» было благим, священным и почиталось далеко за пределами кельтского мира, в том числе в Индии.

Триады женских и мужских божеств имеют свои характерные черты. Так, богинь обычно наделяли тремя разными именами: Морриган, Бадб и Немайн все вместе эквивалентны Морригне. Существовало три Бригиты и три Махи. Триада Эйре – Банба– Фодла по сравнению с остальными родилась довольно поздно, хотя все три имени в отдельности появились в глубокой древности. Среди других примеров – Кармен и Тлахтга, подарившие жизнь каждая троим сыновьям-близнецам.

Триады ирландских богинь перекликаются с галло-римскими богинями-Матерями, которым посвящены многочисленные памятники и надписи. Матери (Matres, Matronae) обычно изображались в образе трех женских фигур, несущих символы плодородия. Среди прочих эпитетов они, как правило, имели местные имена, что свидетельствует об их отождествлении с богиней природы, покровительствовавшей данному краю.

Триады мужских божеств принимали разные обличья. Основные персонажи пантеона – Дагда и Луг – не вполне тройственны, хотя первый приписывал себе еще два имени, а у второго было два брата, и в Тару он явился с двумя спутниками. Посвящения богу по имени Lugoves, найденные в Швейцарии и Испании, указывают на одну из трех ипостасей Луга, чье имя в единственном числе, как известно, увековечено названием города Лугдуна. В римской Галлии мастера создавали скульптуры местных божеств с тремя головами или тремя лицами, в Ирландии также найдена каменная голова трехликого бога (рис. 14). Прямое указание на существование в мифологии кельтов подобных устрашающих существ из мира сверхъестественного – Эллен Трехенд, появившийся из пещер Круахана и опустошивший Ирландию. Впрочем, тройственный архетип можно усмотреть в любом кельтском боге. В галльской иконографии некоторые детали изображений божеств – общие для всех, но при этом в ней просматриваются региональные или племенные особенности.

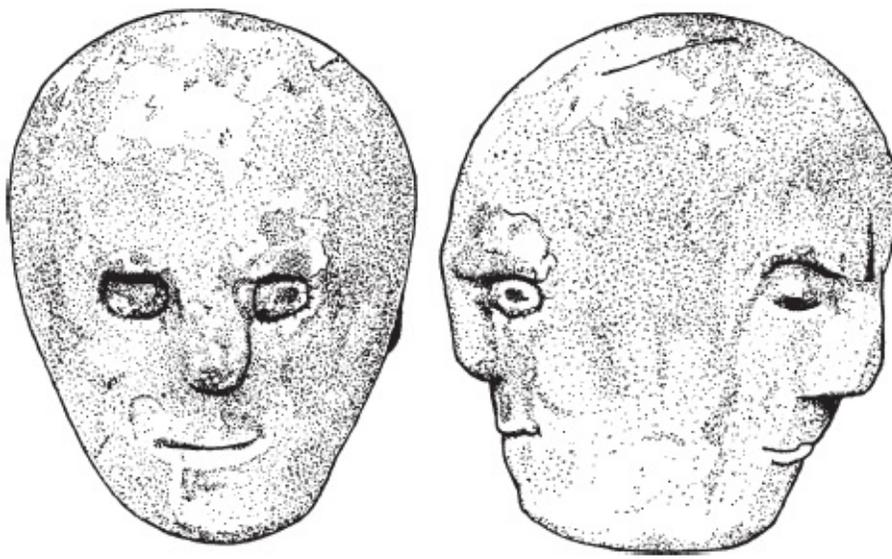

Рис. 14. Каменная голова с тремя лицами. Корлек, Каван, Ирландия. Высота 31,5 см

Нельзя забывать о том, что информация о кельтских божествах собрана из разных источников и касается культурных традиций и особенностей различных веков, архаических и более «молодых» популяционных групп, поэтому попытки обобщить фактический материал и выстроить его по определенной схеме, как если бы он исходил из одного общего центра или временного периода, бессмысленны. И в связи с этим нельзя не упомянуть о некоторых других ирландских божественных триадах. Так называемые «три бога ремесел» (Na tri dee dana), чьей персонификацией обычно выступают Гоибниу,

Кредне и Лухта, похоже, не имеют никакого отношения к миру простых смертных – в мифологических сказаниях они действуют исключительно в мире сверхъестественного, среди других божеств. Еще одна триада, куда входят Мак Куйлл (Mac Cuill – «сын орешника» или «одноглазый?»), Мак Кехт (Mac Cecht – «сын плуга?») и Мак Грене (Mac Grene – «сын солнца»), вероятно, являются персонификацией племенных богов, вступающих в общение со смертными. Где-то между этими двумя архетипами можно поместить «трех королевских сыновей Ируата», чьи имена в мифах связаны не с обычным племенным сообществом, а с фианой – особой, присутствовавшей в большинстве ирландских племен группой людей определенного возраста, чьим занятием были охота и война. В случае с фианой связь между триадой и смертными была, по всей видимости, не так уж прочна, а магические услуги, которые получали члены военного братства, оплачивались не восхвалениями и дарами, а сохранением нейтралитета – невмешательством в дела богов. Это наводит на мысль об особом ритуальном статусе фианы, отрезанной, по крайней мере временно, от остального общества и жившей по своим законам.

Мифологические сообщества. Факт упоминания в ирландских сказаниях «трех богов ремесел» подводит нас к сложному вопросу: существовал ли у кельтов особый пантеон в противовес всемогущим и всеведущим племенным и природным божествам. В Ирландии ответ на него нужно искать прежде всего в мифах, связанных с Tuatha De Danann – Племенами богини Дану. В это божественное сообщество, чьим верховным королем был Нуаду Аргатлам (Argatlam – «серебряная рука»), входили многие из уже упоминавшихся богов, в том числе Дагда, Луг и Гоибниу. Нуаду, владевший мечом и лишившийся в бою одной руки, был вынужден уступить трон Лугу из-за своего физического недостатка. Важнейшим свидетельством наличия в кельтской мифологии «специализированного» пантеона служит сказание «Пир Гоибниу» (Fled Gobniu). На этом пиру варился волшебный напиток, придававший богам силы в битве против злокозненных фоморов (fomoire). По всей вероятности, это очень древний миф, не получивший развития в

племенном культе и сохраненный особым сословием ученых мужей и чародеев, которые были носителями более старой мифологической традиции, в отличие от остальных членов разрозненного кельтского общества, поклонявшихся племенным богам.

Вопрос о том, действительно ли существовал изначальный общеиндоевропейский пантеон богов, характеризовавшийся иерархией функций и полномочий его представителей, остается за рамками данного исследования, но необходимо сказать, что «специализация» богов, различия в полномочиях и символике, как, например, в случае с Марсом и Меркурием, – продукт средиземноморского урбанистического сознания, о котором кельты не имели представления до начала военных походов римлян и вне сферы влияния завоевателей. Это утверждение, однако, не отменяет тот факт, что кельтский мир сверхъестественного в определенной мере отражал порядок, действовавший в мире смертных, – боги и богини, по представлениям кельтов, были обременены семьями, окружены свитой и, являясь, по сути, не столько богами в религиозном смысле, сколько всемогущими волшебниками, зачастую прибегали к магии для сохранения высокого положения в собственном мире.

Еще одним, более сложным, фактором в мифологической эволюции Tuatha De Danann было создание крупного союза народов или появление главенствующего племени, чей бог-покровитель подчинил себе богов племен, попавших в социальную зависимость. Отголоски этого события прослеживаются в иконографии на некоторых галльских памятниках, а вывод о том, что основными действующими лицами в ней выступают представители Tuatha De Danann, можно сделать на том основании, что среди изображений есть не только племенные боги, но и сверхъестественные существа из Иного мира.

Галло-римские памятники. Настало время обратить внимание на памятники римской Галлии и рейнских земель, иконография которых сохранила образы местных божеств, часто выступающих в паре с римскими богами и несущих отпечаток *interpretatio romana*^[6].

Цезарь, не утруждавший себя увековечиванием подлинной истории галльских культов, мимоходом замечает, что кельты считали величайшим из богов Меркурия, а Аполлон, Марс, Юпитер и Минерва тоже были у них в чести. Латинские надписи на поздних галло-римских памятниках свидетельствуют, что принимать на веру это утверждение не стоит. В ассоциативном ряду, который вызывали у кельтов многочисленные имена местных божеств, высеченные на алтарях, первое место занимает Марс, за ним следуют Меркурий, Аполлон, Юпитер и другие. Но подобное на первый взгляд уподобление кельтских богов римским, по сути, – не более чем указание на сходство между каким-либо римским богом и одной из ипостасей любого кельтского племенного божества. Иногда кельтское имя связано одновременно с именами Марса и Меркурия – и даже в таких случаях природа кельтского божества не раскрывается полностью.

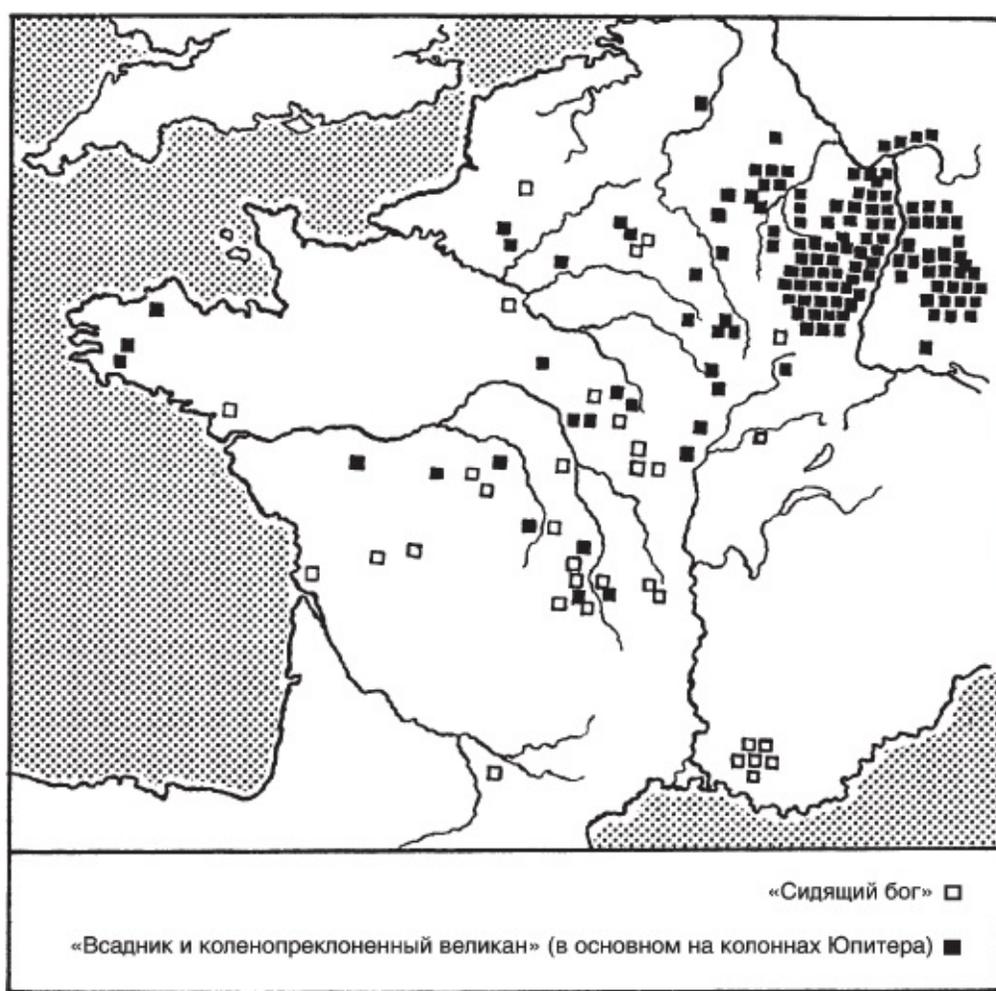
Неосведомленностью или же равнодушием к кельтским культам объясняется и неточность, допущенная в I веке н. э. Луканом, наделившим необыкновенно высоким статусом трех известных ему кельтских богов – Тараниса (Taranis), Тевтата (Teutates) и Езуса (Esus) (фото 74). Массив галло-римских надписей не дает ясного представления о божествах, которым принадлежат эти имена, однако в них можно усмотреть эпитеты, подходящие любому кельтскому племенному богу. Комментаторы поэмы Лукана «Фарсалия» обычно сравнивают Тараниса с Диспатером и Юпитером, а Тевтата и Езуса – с Меркурием и Марсом. Этимология кельтских имен очевидна: Taranis соотносится со словом, означающим «гром», Teutates содержит корень слова «народ, люди», а Esus, возможно, означает «хозяин».

Не все посвящения, содержащие имена кельтских божеств и обнаруженные на алтарях или вотивных пластинах, сопровождаются иконографией, но иногда с их помощью можно идентифицировать неподписанные изображения – к примеру, памятники рогатому богу Цернунну, великой королеве и богине-лошади Эпоне, Суцеллу и Нантосвельте. Но это не

означает, что по характерным атрибутам изображения всегда удастся угадать, какому богу оно посвящено; практически невозможно это сделать в тех случаях, когда речь идет об изваяниях, найденных за пределами территорий, где сохранились письменные свидетельства. Существует также значительное число изображений и символов, местные древние названия которых восстановить нельзя.

Прежде всего это фигуры трехголового или трехликого бога и сидящего божества, изображавшегося со змеей, с колесом или на лошади, попирающей коленопреклоненного великана. Карта территориального распространения подобных памятников демонстрирует как предельную концентрацию культов, так и их рассеяние на обширных землях (карта 7). Трехголовому богу поклонялись в белгских владениях между Уазой, Марной и Мозелем, но его изваяния находят также в Бургундии и в более южных районах. Изображения бога с колесом обнаружены в Центральном массиве и долине Нижней Роны, изредка они встречаются и на территориях к северо-востоку от этих земель, до Шампани и Рейна. Культ всадника и коленопреклоненного великана был сосредоточен на большом пространстве по обе стороны Среднего Рейна, отдельные его следы присутствуют также в Восточной и Центральной Галлии. Можно привести и другие примеры, но тенденция ясна и без того: региональные предпочтения в рамках общей для всех иконографии.

Широта географического распространения вышеуказанных памятников свидетельствует о том, что в процесс было вовлечено большое количество племен, и можно заподозрить существование в ту эпоху особой группы людей, чьим долгом была романизация местных культов и отбор изображений, при этом любое из них могло быть не местным, а заимствованным кельтами из других культур. Однако нет никаких сомнений, что времена, когда создавались такие памятники, отмечены великим смещением имен кельтских божеств. В более ранние периоды это проявлялось не так отчетливо, но, к примеру, на землях треверов поклонялись богиням, которых называли Матроны, или богини-Матери, Эпона, Сирона и Росмерта; этот список можно дополнить и другими именами.

Карта 7. Географическое распределение двух основных иконографических типов галльских божеств

Римская Британия. В римской Британии вырисовывается схожая ситуация, и эпиграфика служит важным, но не самым значимым источником имен островных божеств. Британский иконографический материал не так богат и разнообразен, как галльский, а votive надписи территориально сосредоточены в тех местах, которые служили военными и торговыми центрами.

К сожалению, подавляющее большинство имен мифологических персонажей валлийского «Маби-ногиона», в том числе Манавиддана сына Ллира, Гофанниона и Ллеу Ллау Гиффеса, в эпиграфике не встречаются. Исключение составляет Мабон, часто отождествляемый с Мапонусом, чье имя известно по надписям и географическим названиям на землях, лежащих к северу и югу от западного конца вала Адриана. Обнаруженные в Лидни (Глочестершир) посвящения Ноденсу, которого можно соотнести с ирландским Нуаду и валлийским Нуддом, в настоящее время связывают с появлением там в IV веке н. э. ирландских поселений. Возможно, существенная часть мифов «Мабиногиона» принадлежит именно к этому периоду ирландской экспансии, объектом которой стал и Уэльс.

Нельзя забывать о том, что выводы на основе надписей и памятников периода римского владычества в Галлии и Британии нужно делать с оглядкой: чем позднее они созданы, тем менее правдоподобные сведения поставляют для изучения местных культов. Через Ла-Манш в обоих направлениях перемещались воинства, семьи беженцев и отдельные личности, поэтому отличить местных божеств от тех, кому поклонялись чужеземцы, довольно сложно.

Кельтская иконография. Хотя выше говорилось о том, что при латинизации местных

культов мог проводиться отбор изображений, независимо от того, к какой культуре принадлежали их прототипы, это не отрицает того факта, что основные символы – рогатые или сидящие божества, лошади, колеса и прочее – были известны кельтам и во времена независимости. Подобные символы нельзя рассматривать как заимствования из средиземноморской иконографии, даже при всей значимости культурного влияния на кельтов со стороны обитателей этого региона. Подавляющее большинство памятников дороманской эпохи создавались из дерева и потому не дожили до наших дней, но о том, что на многих из них были запечатлены антропоморфные божества, можно сделать вывод на основании свидетельства Цезаря, сообщившего, что *plurima simulacra*^[7] галлы посвящали Меркурию.

В торфяниках Северной Европы, Британии и Ирландии сохранились деревянные скульптуры, среди которых присутствуют грубо вытесанные человеческие фигуры, самые древние из них относятся к позднему бронзовому веку. Этот факт и существование небольшого количества исконно кельтских каменных изваяний, о которых будет подробнее сказано ниже, опровергают общепринятое мнение о том, что изображения людей нехарактерны для трансальпийских варварских культов. В этом контексте можно также вспомнить огромное число масок и изображений голов, выполненных в латенском стиле, а также человеческие силуэты на кельтских монетах. В ту эпоху создание изваяний из камня и бронзы было процессом трудоемким, требующим большого мастерства, потому чаще всего использовались другие материалы, а разрушительная сила времени лишила нас возможности оценить истинное число и значение подобных произведений искусства.

Историю одного из самых распространенных в кельтской скульптуре образов – сидящая мужская фигура – можно ретроспективно проследить по крайней мере до II века до н. э. Сидящие мужчины увековечены в монументальной скульптуре крупных святилищ в Антремоне и Рокепертюзе возле Экс-ан-Прованса (Антремон, святилище салиев, был разрушен римлянами в 124 году до н. э.). Эти исторические памятники нельзя рассматривать как типично кельтские: они были сооружены на землях, открытых влиянию средиземноморской цивилизации – колониальной Греции и Массалии или греко-этрусской Северной Италии, – а кельтское население в бассейне Нижней Роны представляли воинственные племена завоевателей, чья материальная культура была заимствована у покоренных лигуров и более цивилизованных соседей. Тем не менее в Антремоне, Рокепертюзе и других святилищах этого региона можно отыскать типично кельтские элементы в культовой символике и обрядах. Характерный неровный контур в изображениях лошадей, высеченные из камня птицы, а также ниши, в которых выставлялись человеческие головы, вполне соответствуют культовой символике, прослеживающейся и в регионах с менее развитой культурой.

Увековеченные в больших каменных статуях Рокепертюза антропоморфные персонажи сидят скрестив ноги, икры плотно прижаты к бедрам, ступни вывернуты подошвами вверх (рис. 15). Многие исследователи усматривают в подобных изваяниях нечто восточное, однако, по всей вероятности, для кельтов сидеть скрестив ноги было обычным делом, как и для многих современных азиатских народов, – такая поза вполне комфортна для тех, кто приучен к ней с детства. Возможно, это один из элементов общего евроазиатского образа жизни, забытый на западе после введения в обиход стульев и кресел. Скорее всего, поза со скрещенными ногами была обрядовой для богов и посвященных – сидя так, они приносили или принимали дары, произносили священные тексты, но кто именно и за каким занятием запечатлен скульпторами Рокепертюза, не вполне ясно. Одежда каменных фигур, помимо церемониальной квадратной накидки, состоит из короткой туники, перехваченной на талии поясом, – обычный кельтский наряд, бывший в ходу более чем за сто лет до Диодора Сицилийского.

Рис. 15. Каменная статуя из Рокепертюза, департамент Буш-дю-Рон, Франция. Приблизительная высота 1 м 50 см

Из-за отсутствия в галльском культовом искусстве промежуточного звена между скульптурами из Рокепертюза и галло-римскими образцами (фото 67, 68) невозможно определить, в чем именно проявилось культурное влияние южных земель на северные, и проявилось ли вообще. Однако не похоже, что первыми создателями статуй со скрещенными ногами были средиземноморцы.

Более раннее и, возможно, более мощное влияние на кельтское культовое искусство оказали этруски. Оно отчетливо просматривается в нескольких сохранившихся статуях, главным образом из среднерейнской зоны. В этих изваяниях, типично кельтских по общей композиции, присутствуют лишь отдельные этрусские мотивы, но сам факт их присутствия может многое сказать о концепции создания сакральных памятников в те времена, когда кельты были наиболее восприимчивы к чужим художественным образам.

Покрытая рельефом четырехгранная колонна из Пфальцфельда в Гуншрюке – самый примечательный из сохранившихся памятников (фото 60; рис. 16). Она представляет собой конусообразный монолит, со всех сторон украшенный растительным орнаментом в раннелатенском стиле, а с каждой из четырех плоскостей смотрит рельефное человеческое лицо, увенчанное так называемой «коронай из листьев», которая в те времена, вероятно, считалась атрибутом божества. Изначально на вершине памятника служила такая же высеченная из камня голова в короне, но она не сохранилась. К сожалению, другие колонны подобного типа тоже не дошли до наших дней, но каменная голова, найденная в Гейдельберге, вполне могла увенчивать одну из них (рис. 17). Учитывая стилистические особенности монумента и хронологические вехи интенсивного влияния этрусской культуры на обитателей североальпийской зоны, пфальцфельдскую колонну можно датировать IV веком до н. э. или чуть более ранним периодом. Колонна стояла на макушке могильного холма, ее культовое значение не вполне ясно, но, по всей видимости, она воплощала в себе образ священного дерева, прибежища племенного божества.

Рис. 16. Реконструкция пфальцфельдской колонны

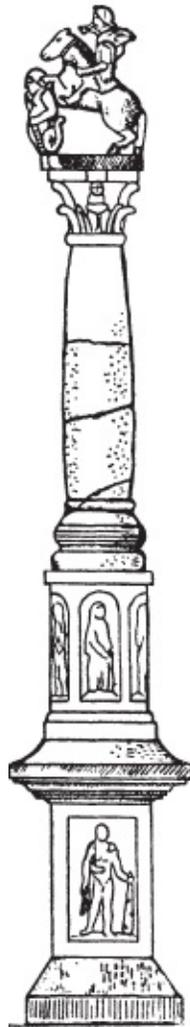

Рис. 17. Фрагмент каменной головы из Гейдельберга. Высота 29,5 см

Священные колонны и деревья. К более позднему периоду принадлежат галло-римские памятники, чье ритуальное значение, по-видимому, близко значению пфальцфельдского монумента. Это так называемые «колонны Юпитера» – эпитафия свидетельствует, что они

посвящались римскому богу (карта 7; рис. 18). Чаще всего они встречаются в районе Среднего Рейна, к востоку и западу от реки до Вогезов, а также в Северо-Восточной и Центральной Галлии. Колонны Юпитера напоминают римские монументы и состоят из квадратного основания, на которое водружен ствол, сужающийся кверху и имеющий криволинейные очертания (энтазис); капитель несет скульптурную группу. Основание и сама колонна часто украшались фигурами римских богов, но скульптурная группа наверху создавалась в соответствии с традициями местных культов. Обычно композицию составляют всадник и поверженный великан, на плечах которого покоятся передние ноги лошади. Бородатый всадник облачен в римские воинские доспехи, но иногда вместо оружия держит в руках колесо. На некоторых колоннах место конной группы занимает статуя сидящего мужчины или пары – мужчины и женщины, и все персонажи, присутствующие в композициях, соответствуют уже упоминавшейся кельтской концепции универсального всемогущего божества.

Однако главный объект интереса представляет собой не столько поставленная колоннами Юпитера иконография, сколько сами колонны. Их необычная форма, несущая печать *interpretatio romana*, а также географическое сосредоточение в среднерейнской зоне наводят на мысль, что у этих памятников были и местные предшественники – из дерева, а прообразом и тех и других послужили священные деревья.

Рис. 18. Реконструкция колонны Юпитера из Бад-Каннштада, Штутгарт. Приблизительная высота 4 м 50 см

На вопрос о том, какое значение придавали кельты священным деревьям, проливают свет и галло-римская эпиграфика и древнеирландская литература. В эпиграфике упоминаются

божества дубов и буков; родовое имя Ebugones включает в себя слово, означающее «тис»; в числе галльских собственных имен присутствуют Guidgen («сын леса») и Guerngen («сын ольхи»). В ирландских текстах и топонимах угадывается множество аллюзий на священные деревья – bile, а само это слово соотносится с французским названием Billom (Бийом), изначально галльский Biliomagus (Билиомаг) – «равнина или участок леса, где растет священное дерево». Кроме того, можно вспомнить ирландские мифологические имена Мак Куилинн (Mac Cuilinn – «сын падуба») и Мак Ибар (Mac Ibar – «сын тиса»).

Возможно, обычай возведения каменных памятников, украшенных скульптурами, среднерейнские кельты заимствовали у этрусков и приспособили для собственных целей. Очень вероятно также, что идея создания изваяний с двумя головами или двумя лицами, напоминающих Януса, пришла из тех же краев. Один из самых примечательных образцов, сохранных историей, – высокая каменная статуя из Хольцгерлингена в Вюртемберге (фото 63). Два идентичных, грубо вытесанных лица смотрят в противоположные стороны, правое предплечье прижато к туловищу горизонтально, словно обхватывает его. По всей вероятности, голову статуи венчала «корона из листьев», помещенная между двумя лицами (рис. 19). Хольцгерлингенская статуя лишена орнамента, и потому все внимание притягивают к себе лица – суровые и непроницаемые. По всей видимости, это и схожие с ним изваяния устанавливали в особых святилищах и гробницах, о которых будет сказано ниже. В Рокепертюзе также обнаружена янусоподобная скульптура с двумя головами, и это наводит на мысль, что Рона служила той самой дорогой, по которой новые веяния в культовом искусстве попадали в центральные кельтские земли.

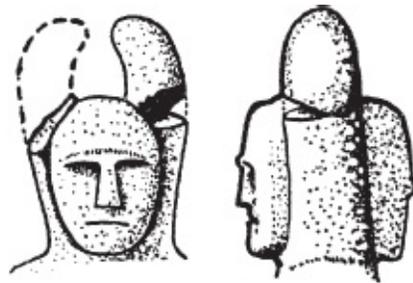
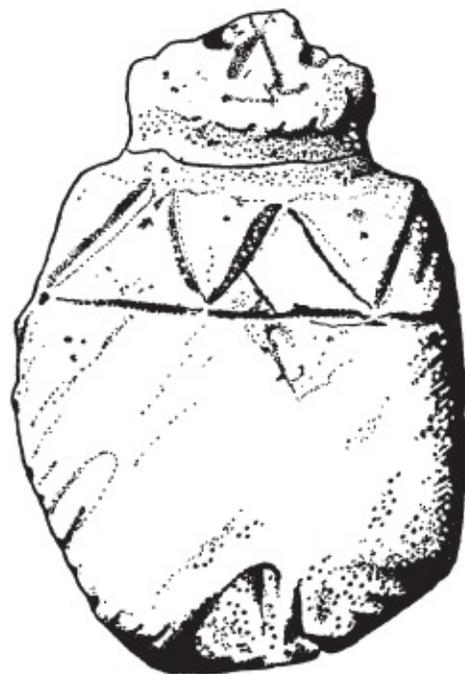

Рис. 19. Реконструкция «рогов» или «короны из листьев» каменной статуи из Хольцгерлингена

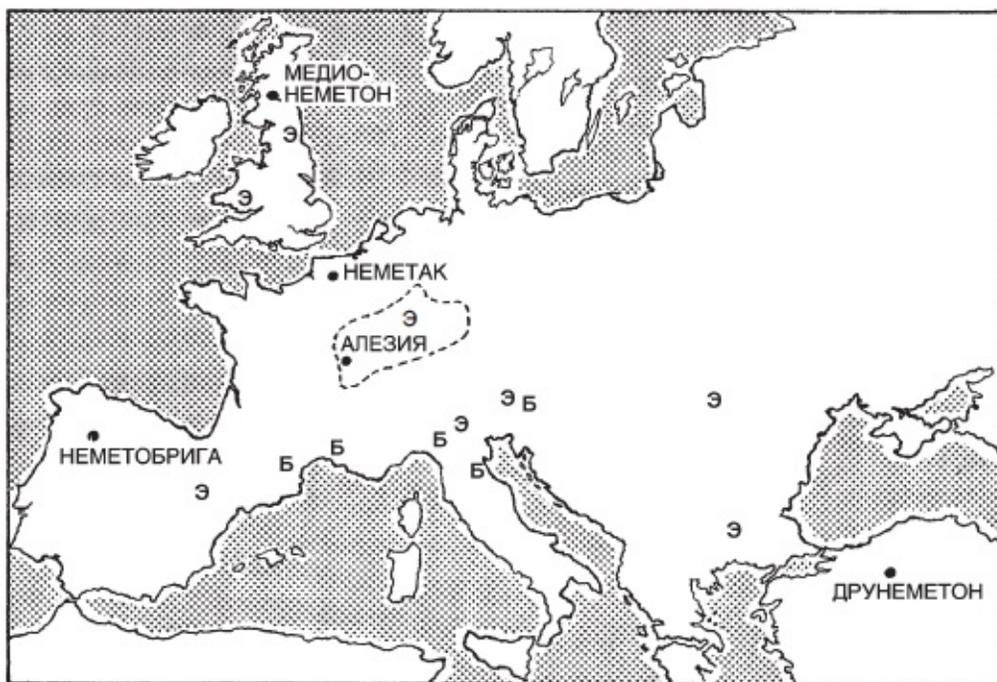

Сакральный смысл подобных двуликих статуй, а также лиц на пфальцфельдской колонне, обращенных ко всем четырем сторонам света, заключается в воплощении идеи сверхъестественных возможностей божества, а типично кельтский вариант воплощения этой идеи, связанный со священным числом «три», появился в процессе дальнейшего развития искусства скульптуры (рис. 14).

И наконец, стоит упомянуть еще одно занятное каменное изваяние, более древнее, чем упомянутые образцы. Оно обнаружено в Штокахе, возле Тюбингена, при раскопках кремационного захоронения под курганной насыпью (рис. 20). Погребальный инвентарь относится к первой фазе гальштатской культуры. Каменная статуя, о которой идет речь, расколота, сохранились лишь туловище и нижняя часть головы с единственным лицом и грубо высеченными чертами. Линия плеч едва намечена, шея отсутствует, единственное украшение – зигзагообразная линия, бегущая вокруг туловища ниже плеч. Представляется излишним искать источник вдохновения создателя этой статуи в южных краях, но необходимо сказать о том, что она, безусловно, свидетельствует о широком распространении подобной погребальной практики в те времена.

Священные земли. За исключением крупных святилищ Рокепертюза и Антремона, созданных обитателями земель, которые были открыты влиянию более цивилизованных культур, места поклонения кельтов обустраивались довольно просто.

Самым привычным для них местом поклонения был священный лес или полоса земли, где росла роща священных деревьев. Именно таково, по всей видимости, значение слова «nemeton», которое часто входит составным элементом в названия, встречающиеся на всем протяжении кельтских владений (карта 8). В качестве примеров можно привести Друнеметон (Drunemeton), святилище и место схода галатов в Малой Азии, Неметобригу (Nemetobriga) в испанской Галиции, Неметак (Nemetacum) на территории атребатов в Северо-Восточной Галлии и Неметодур (Nemetodurum), от которого произошло современное название Нантер. В Британии было поселение под названием Вернеметон (Vernemeton) в Ноттингемшире, а в Южной Шотландии – Медионеметон (Medionemeton). В Ирландии слово «fidnemed» означало «священный лес», в одном латинском глоссарии nemed толкуется как sacellum – «небольшое святилище». В словаре VIII века приводится слово «nimidas» во множественном числе, очевидно образованное от nemeton, и объясняется как «святые места в лесах», а в картулярии XI века аббатства Кемперле фигурирует священный лес под названием Nemet – свидетельство того, что кельтская традиция была жива в Бретани в те времена. В трудах античных авторов присутствуют описания священных лесов, где друиды совершали обряды и жертвоприношения, но кельтское слово «nemeton» в этом контексте не упоминается.

Карта 8. Географическое распределение посвящений Белену (Б) и Эпоне (Э). Пунктирной линией обозначена территория, где культ, с главным центром в Алезии, был особенно силен. За пределами пунктирной линии отмечены места, где также обнаружены посвящения этим божествам. Авторами посвящений были кельты, служившие наемниками в римских войсках. Четыре названия, содержащие кельтское слово «nemeton», указывают на священные леса или другие места поклонения

Археология не способна передать священный дух или священный ужас, царившие когда-то в кельтских природных лесах, а из древних авторов лишь Лукан оставил для нас рассказ о заповедной роще, вырубленной под корень в окрестностях Массалии по приказу Цезаря, которому нужны были бревна для осадных орудий. Нарисованная Луканом словесная картина – источенные червями деревянные идолы, обугренные человеческой кровью ветви – достаточно живописна, но правдива ли она, подсказана воображением или услышана из чужих уст, имеет ли отношение к истинному кельтскому культу, можно только гадать.

Не исключено, что слово «nemeton» имело широкий круг значений, и, помимо священных лесов, так называли и другие места, наполненные для кельтов сакральным смыслом. Во-первых, место собраний tuath, или племени. Галаты устраивали общий сход в Друнеметоне, ирландцам для этой цели служили королевские резиденции Эмайн Маха, Тара, Круахан и другие (фото 71, 78). Лес был не слишком удобной сценой для проведения всенародных мероприятий, ведь состязания в беге, скачки, игры и разного рода публичные акции служили непременно атрибутами празднеств. В Ирландии главная достопримечательность древних священных земель – скорее погребальные памятники, нежели следы поселений или оборонительных сооружений, а в мифологических сказаниях упоминаются могильные холмы, так что место для проведения торжеств кельты, по всей видимости, выбирали именно по этому признаку – рядом с мощами предков.

Во-вторых, если вспомнить латинское соответствие термина «nemeton» – «sacellum», – он мог употребляться применительно к небольшим, местного значения, храмовым святилищам. Об этом свидетельствует и надпись времен римского владычества в Галлии, обнаруженная в Везоне (департамент Воклюз), в которой сообщается о возведении nemeton в честь Белесамы, то есть имеется в виду постройка некоего сооружения.

Прежде чем приступить к обсуждению археологического материала, который может до некоторой степени прояснить культовое значение упомянутых выше двух типов священных мест, необходимо сказать, что мы не вполне поддерживаем высказанное некоторыми учеными мнение о том, что все кельтские священные земли были одновременно местами погребения. Следы захоронений не обнаружены ни в священных лесах, о которых доподлинно известно, что они служили местом совершения ритуалов, ни в небольшом храмовом святилище железного века во Фрилфорде (Беркшир), ни в круглом деревянном строении, по всей вероятности тоже служившем святилищем, в Санкт-Маргаретен-ам-Зильберберге в Австрии. Уместно также вспомнить о кельтских храмах, воздвигнутых под владычеством римлян, – некоторые из них действительно могли быть заложены на могилах предков, другие же не имеют никакого отношения к погребениям.

Кельтские святилища. Все, что осталось от святилища во Фрилфорде, – шесть больших ям, в которые когда-то были врыты столбы. Ямы расположены в два ряда, по три в каждом, близко друг к другу. Первоначальная форма святилища неизвестна, поскольку позднее в этом месте вырыли неровный, в форме лошадиной подковы, ров, между разомкнутых концов которого был вход, как раз напротив двух рядов столбов. Вряд ли они служили опорами для крыши – скорее всего, сами по себе были объектом поклонения. Это предположение подтверждается археологической находкой: в переднем ряду ям обнаружен железный лемех, вероятно в свое время оставленный у основания столба (или статуи) в качестве дара божеству. Святилище было разграблено и разрушено римлянами, а на его месте возведено новое сооружение. Сохранилась лишь каменная стена строения, круглого в основании. Неизвестно, какую конструкцию она на себе несла, но следы пожара, случившегося в поздний период римского владычества, свидетельствуют, что, по крайней мере на тот момент, постройка имела деревянные детали, по всей видимости крышу. Очевидно, святилище железного века долгое время оставалось местом поклонения, а римская «ротонда» на его месте была сооружена в то время, когда центр культа переместился в новый, романо-бриттский храм простой квадратной конструкции, построенный неподалеку.

Святилище в Санкт-Маргаретен-ам-Зильберберге датируется примерно началом I века до н. э. и представляет собой круглую, сооруженную из врытых в землю столбов хижину 6 метров в диаметре, возможно имевшую когда-то коническую соломенную крышу. Не возьмемся утверждать, что эта постройка относится к более архаическому типу по сравнению с прямоугольным домом, находящимся по соседству и современным ей. Однако именно эта круглая конструкция выступает предшественницей всех круглых и многоугольных народных храмов на кельтских землях в составе Римской империи. Возможно, она также имеет определенное отношение к мифологическим пиршественным залам (*bruidne*), играющим важную роль в некоторых ирландских сказаниях о королях. *Bruidne* также строились из дерева и, вероятно, но не наверняка, были круглыми в основании.

Большой интерес представляют собой земляные укрепления, известные под названием Голоринг и открытые в процессе раскопок в Кобенер-Вальде между Кобленцем и Майеном. Это круглая площадка, примерно 190 метров в диаметре, обнесенная валом, вдоль которого идет внутренний ров. Посередине площадки – насыпь, примерно 90 метров в диаметре, а в центре ее обнаружена яма, служившая некогда вместилищем для основания деревянного столба внушительных размеров, возможно, около 12 метров высотой. С одной стороны в яме обнаружен глубокий желоб – в него закладывалось основание столба, затем с помощью рычага его поднимали и устанавливали вертикально. Это обычный для обитателей древней Европы способ возведения каменных или деревянных опор, и техника была широкоизвестна, к примеру, в неолитической Британии.

В Голоринге не обнаружено следов погребений или поселений, но черепки, найденные на центральной площадке, и осадочный слой во рву позволяют датировать святилище позднегалльштатским периодом, то есть примерно VI веком до н. э. Сейчас Голоринг порос лесом, но когда-то он, вероятно, стоял на открытом пространстве у южного подножия низкого горного хребта, а столб, наверное, был замечен с достаточного расстояния и служил ориентиром, так что есть основания назвать обнесенную валом площадку местом общего схода племени. Здесь хватало места для проведения торжеств, игрищ и обрядов, судилищ, споров и торжищ. Недалеко от площадки найдены два курганных кладбища. Захоронения датируются начиная с эпохи полей погребальных урн и заканчивая галльштатскими временами.

Других идентичных Голорингу мест на континенте не обнаружено, однако есть святилища иных типов, по внешним признакам имевшие схожее назначение. По сути, Голоринг можно сравнить с земляными укреплениями на королевских местах собраний в Ирландии – к примеру, в Таре, Эмайн Махе (современный Наван-Форт, графство Арма) и Кнокаулине в графстве Килдэр (фото 71, 78). Все они окружены рвом и валом. Считается, что валу придавалось обрядовое значение, но поскольку такие площадки обычно имеют покатую или многоуровневую поверхность, он мог выполнять и защитную функцию. То же самое касается земляных валов в Голоринге и на похожих площадках в Ирландии. Ирландские аналоги голорингского столба пока неизвестны, хотя каменные колонны в качестве надгробных памятников сооружались и там.

В первой главе говорилось о том, что кельтские социальные институты могли пересадить на ирландскую почву переселенцы, принадлежавшие к рейнской культурной традиции, и если это предположение будет подкреплено вескими доказательствами, связь между Голорингом и ирландскими местами собраний станет более очевидной.

Судя по тому, что в Ирландии места собраний обычно располагаются рядом с разного рода святилищами и могильными холмами, соседство с погребениями предков считалось благоприятным. Намек на это содержится и в большом правовом своде «Senchas Mair» («Великая старина»), первый список которого датируется VIII веком н. э. До сих пор при раскопках в Ирландии не обнаружено могил основателей поселений или ближайших предков ирландских кельтов, это пока еще вопрос дальнейших изысканий. В Таре традиционным кельтским культом стало поклонение уже существующим святыням – вершины холмов там на протяжении веков были освящены присутствием мегалитических погребений раннего бронзового века и более поздних захоронений. Возможно, это связано с концепцией победы над древней сверхъестественной силой, воплощавшейся главным образом в местной богине природы. В Таре у Медб или Этайн вполне могла быть прародительница, почившая в гробнице раннего бронзового века и имевшая средиземноморское, а не индоевропейское происхождение.

Делать какие-либо обобщения по поводу кельтских священных мест сложно, но существовали святилища, включавшие в себя и храм и кладбище. Они были обнаружены в процессе археологических раскопок в Северо-Восточной Франции, в департаменте Марна. Квадратные, разделенные рвами участки земли составляют погребальное поле, на каждом участке хоронили, предположительно, членов одного рода на протяжении нескольких веков. В Экюри-ле-Репо стороны квадрата составляют примерно 10 метров, а в центре огороженного пространства найдены четыре ямы, вырытые для столбов и располагающиеся по углам неровного квадрата, посередине – еще одна яма, овальной формы. Можно сделать вывод, что на этом месте существовало святилище, столбы несли на себе крышу, а в центре стояло изваяние или плита с высеченным на ней изображением.

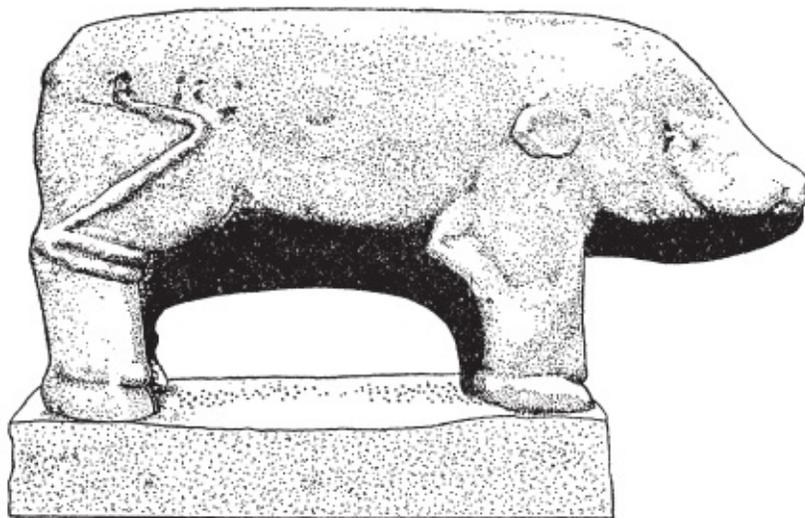
Древнейшие захоронения на этом месте содержат труположения и находятся в непосредственной близости к святилищу, к западу от него. В погребальном инвентаре этих и других могил, также содержащих человеческие останки, но занимающих менее

привилегированное положение, присутствуют фибулы в среднелатенском стиле; более поздние захоронения несут в себе остатки кремаций, а найденная в них глиняная утварь свидетельствует о том, что на этой священной земле продолжали совершаться погребальные обряды и под римским владычеством. Если бы уже упоминавшаяся статуя из Хольцгерлингена не стояла на вершине могильного кургана вождя, ее легко можно было бы представить себе в таком святилище, как в Экюри-ле-Репо.

Римско-кельтские храмы. Вышеописанное примитивное сооружение можно рассматривать как прообраз наиболее распространенного типа традиционных кельтских храмов, который под владычеством римлян и при их поощрении приобрел более прочные и долговечные формы. Основная из них – небольшое, обычно обнесенное галереей или верандой квадратное строение – собственно святилище, или *cella*, – в которое ведет единственная дверь. Располагалось оно, как правило, на квадратном расчищенном участке земли. Очевидно, приверженцы культа оставались во время совершения обрядов за пределами храма, а на галерее выставлялись предметы поклонения – священные изображения или символы. Поскольку галерея охватывает храм со всех четырех сторон, можно предположить, что она служила еще и для торжественных шествий, которые, без сомнения, проходили по часовой стрелке, то есть с запада на восток, вокруг храма, а под крышей галереи сидел служитель культа, обладавший сакральным знанием, и произносил обрядовые заклинания, соответствовавшие определенным праздникам. Археологии известно лишь одно святилище железного века периода кельтской независимости, выступающее, как и то, что находится в Экюри-ле-Репо, прототипом подобных квадратных храмов, но при этом не являющееся местом погребения. Оно обнаружено в Британии, в Хитроу (Мидлсекс), и пока еще ждет детального изучения.

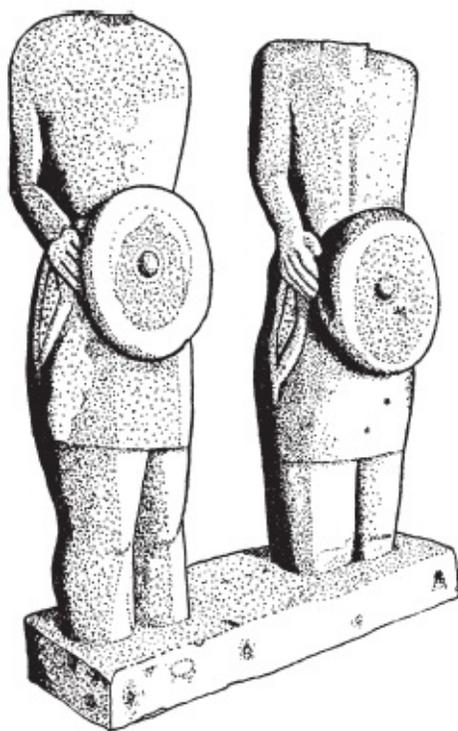
Больше всего римско-кельтских храмов – квадратных, многоугольных и круглых – сохранилось на территории Галлии. Их возводили в городах, при термальных источниках, на вершинах холмов. Есть указания на то, что в некоторых местах поклонения гробницы и святилища эпохи кельтской независимости оставались в почете и при римлянах, отсюда можно сделать вывод, что особый сакральный смысл этим землям, с точки зрения кельтов, придавало присутствие бога или героя, который считался праотцом местного населения и был объектом поклонения. Ирландская литературная традиция также свидетельствует о том, что племенные боги занимали почетное место у корней генеалогических древ, а гробницы богов и смертных героев увековечены топографией.

Скульптурные изображения быков и кабанов. Заслуживает упоминания еще один вид памятников, связанных с культом. В Центральной Испании и Северной Португалии, прежде всего на территориях оппидумов, построенных в свое время кельтскими или частично кельтскими племенами, находят большие, вытесанные из камня скульптурные изображения быков и кабанов (рис. 21). Образцы, вдохновившие кельтских мастеров на создание этих произведений, имеют, по-видимому, средиземноморское происхождение, но кельты придавали им свой сакральный смысл – изваяния быков и кабанов служили символом изобилия и плодovitости стад, их устанавливали напротив загонов для скота под стенами крепостей.

Рис. 21. Каменная скульптура кабана. Центральная Испания. Примерно 12х8 см

В Северной Португалии обнаружены и статуи вооруженных воинов, которые, вероятно, тоже выполняли роль оберегов (рис. 22).

Рис. 22. Изваяния воинов с круглыми щитами. Северная Португалия. Высота 1 м 70 см

Вотивные клады. Удивительное зрелище, возможно самое захватывающее, для современного человека представляют собой кельтские места поклонения, где сохранились собрания жертвенных даров. Цезарь упоминает виденные на полях межплеменных сражений груды оружия и трофеев, оставленных победителями, чтобы умиловить божество поверженных врагов. Страбон цитирует рассказ путешествовавшего по Галлии в I веке до н. э. Посидония о несметных жертвенных сокровищах вольков-тектосагов, хранящихся на священных землях и в заводях в окрестностях Толосы (современная Тулуза). Эти сокровищницы были разорены римлянами в 106 году до н. э.; сохранились письменные сведения о том, что в них содержались изделия из необработанного золота и серебра, которые потом, вероятно, были переплавлены в слитки.

Упоминание Посидония о священных заводах, под которыми равно могли подразумеваться болота и топи, весьма примечательно, поскольку позволяет идентифицировать многие найденные археологами собрания предметов как вотивные клады. Из относящихся к кельтскому железному веку можно вспомнить находки непосредственно в Ла-Тене, в другом швейцарском местечке – Поре, а также в Ллин-Керриг-Бах на острове Англси и на землях Шотландии. Помимо этого, известны отдельные клады, обнаруженные в торфяных болотах и в реках, – собранные в них предметы могли быть дарами сверхъестественному существу. А в окрестностях кельтских поселений Северной Европы открыты чрезвычайно любопытные вотивные клады, содержащие вещи работы кельтских мастеров и проливающие свет на существо вопроса.

В Ла-Тене большое число предметов – в основном оружие и воинское снаряжение, а также изделия из дерева и колесо – найдено в торфянике, недалеко от берега, в небольшой бухте у восточной оконечности озера Невшатель (фото 34; рис. 13). Там же обнаружены человеческие кости и опоры, поддерживавшие, вероятно, платформу, с которой совершались подношения. Археологический материал в Поре на канале Нидо-Бюрен у северо-восточной оконечности озера Биль исходит из геологического пласта, некогда бывшего дном реки. Здесь так же, как и в латенской бухте, найдены остатки деревянной конструкции и много оружия, в том числе наконечники для копий и мечи. На некоторых мечах высокого качества стоят клейма кузнецов (рис. 23).

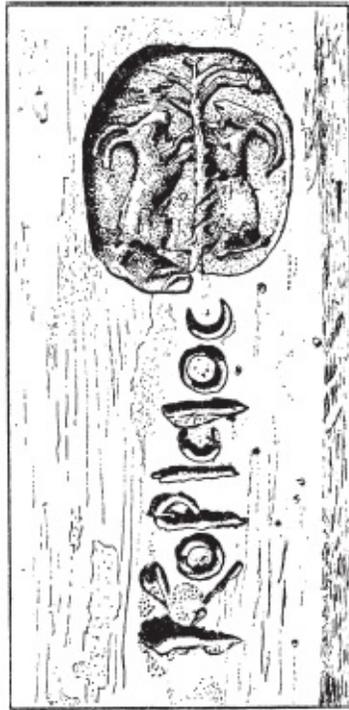

Рис. 23. Греческая надпись («Корисиос») и кузнечное клеймо на лезвии меча из Пора (Бьенн, Швейцария)

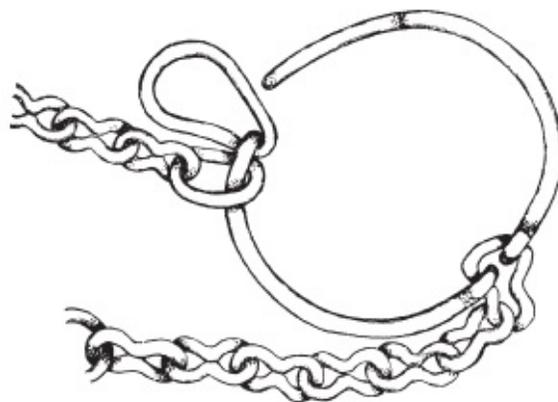

Рис. 24. Фрагмент цепи раба Ллин-Керриг-Бах, Англси. Ширина кольца 17,5 см

Раскопки в Ллин-Керриг-Бах на острове Англси, проводившиеся в 1943 году, во многом прояснили специфику и состав крупных вотивных кладов. В стоячей воде озера около прибрежной скалы обнаружено большое количество оружия, детали колесниц, оковы рабов (рис. 24), орудия труда, фрагменты котелков, охотничьи и воинские трубы, обломки украшений из бронзы, декорированных в островном латенском стиле, а также множество костей быков, лошадей, овец, свиней и собак – разумеется, останки жертвенных животных, а не выброшенные объедки.

Металлические предметы из Ллин-Керриг-Бах датируются временным отрезком между серединой II века до н. э. и примерно серединой I века н. э.

Хотя условия и среда, в которых хранились все эти вещи, не позволяют сделать каких-либо обоснованных выводов, кажется вероятным, что они представляют собой не одно, а несколько подношений божеству, сделанных в течение определенного периода. Прекращение пожертвований, видимо, связано с взятием Моны римским войском в 61 году до н. э. Присутствие в кладе изящных изделий более поздней датировки, привезенных на остров Англси из богатых областей на юго-востоке Британии, указывает на появление в этих краях беженцев высокого социального ранга – именно они совершали последние приношения даров, стремясь заручиться поддержкой божества в борьбе против нашествия римских легионов.

Еще три вотивных клада, содержащие меньшее число предметов, открыты в Южной Шотландии – в Карлингворке, Блэкберн-Милле и Экфорде. В первых двух случаях дары были уложены в котлы, о ритуальном значении которых нет нужды еще раз упоминать. Во всех трех хранилищах присутствуют в основном орудия труда и воинское снаряжение работы местных и римских мастеров. Многие предметы сломаны, другие, перед тем как попасть в число жертвенных даров, долгое время находились в пользовании – похоже, что поднесение божествам поврежденных или пришедших в негодность предметов было у кельтов в обычае, поскольку обрядовое значение имела не форма, а содержание, «сущность» каждой вещи. Все три шотландских вотивных клада, хранившихся в воде, представляют собой важный объект для дальнейших исследований – прежде всего, потому, что это разовые пожертвования, совершенные в таких местах, которые обычно не считались священными или пригодными для проведения подобных ритуалов.

В числе единичных находок, внушающих мысль о том, что это вотивные дары, а не случайно упавшие за борт вещи, можно упомянуть бронзовый щит, украшенный в позднелатенском островном стиле и обнаруженный на дне Темзы в Баттерси, а также относящиеся к более раннему периоду щит и меч из Линкольншир-Уитема.

Успех в поиске вотивных кладов, хранящихся в водоемах, во многом зависит от географических факторов, изменений уровня воды и промышленных разработок на торфяниках. Практика создания подводных тайников в озерах, реках или болотах восходит к раннему неолиту в Дании, где природные условия были для этого наиболее благоприятными. В языческие времена такой практики продолжали придерживаться племена тевтонского севера, но вполне вероятно, что вотивные клады были известны повсюду в трансальпийской Европе с древнейших времен.

Жертвоприношения. Нить повествования о священных землях и вотивных кладах подводит нас к вопросу о жертвоприношениях и о тех, кто отвечал за их обрядовую сторону в кельтских сообществах.

К сожалению, невозможно в деталях восстановить порядок проведения таких церемоний,

характерный для определенных праздников или для особых случаев – годин испытаний, войн, голода, эпидемий. Античные авторы изъясняются на эту тему кратко и туманно, ирландские источники ограничиваются намеками, что неудивительно: для первых жертвоприношения были обычаем слишком примитивным, для вторых – слишком жестоким и языческим, чтобы увековечить его в скрижалях истории. Известно, что в Ирландии животных приносили в жертву во время Брон Трограйна. Есть и косвенные доказательства ритуального убийства людей на праздновании Самайна: в одном сказании говорится, что в эту пору к деве из Бри Эле сватались мужчины Ирландии, и за каждого, кто добивался ее любви, погибал один из членов его рода – никто не знал, от чьей руки. Бри Эле было вторым названием Круахана, королевской резиденции Коннахта, и вполне возможно, что мужчин приносили в жертву богине природы, чтобы обеспечить ее благосклонность, – сакральный смысл этого действия связан с представлениями о короле как о смертном супруге богини. Тайное умерщвление жертв совершали хранители культа, по-видимому, с помощью оружия, что напоминает о гибели некоторых королей от ран. В древних манускриптах присутствуют и более смутные и фантастические намеки – на совершавшиеся в пору Самайна жертвоприношения детей и скота. В этом, несомненно, есть доля правды, но никаких разъяснений из текста почерпнуть нельзя.

Одно из самых важных среди сохранившихся сказаний – повествование о жертвоприношении, призванном отвести беды, которые грозили подданным короля, соблазненного блудницей. Друиды, посоветовавшись, решили, что в жертву должно принести сына добродетельной четы. Подходящего кандидата долго искали, поиски сопровождались сказочными обстоятельствами, наконец, юношу доставили в Тару, и тут, перед самой церемонией, взору участников предстала женщина из Иного мира. Она вела за собой корову, которую предложила умертвить в обмен на жизнь юноши. Это сказание имеет примечательную параллель в арийской традиции Индии, что указывает на общие культурные корни, а для изучения древних обрядов важно указание на существование общеиндоевропейского мифа, свидетельствующего о практике заклания животного вместо человека.

Та же тенденция прослеживается в сказании о битве, которая произошла в дохристианские времена. Народ, именовавшийся десии, одержал победу над обитателями королевства Оссори благодаря тому, что один из друидов добровольно позволил принести себя в жертву в облике коровы. Столь необычное жертвоприношение человека, обладавшего священным статусом в кельтском обществе, гарантировало десиям успешный исход сражения, а трагический эффект ритуала – с точки зрения современного человека – смягчен находчивостью чародея, принявшего обличье животного.

Делать вывод о том, что ирландские кельты повсеместно отказывались от человеческих жертвоприношений, было бы неверно. Возможно, заменять людей животными было принято в особых обрядовых ситуациях или у отдельных племен – ведь в некоторых сказаниях содержатся намеки на ритуальную гибель королей, и об этом забывать нельзя. В античной же литературе есть много свидетельств о человеческих жертвоприношениях в Галлии и Британии, и именно к этому вопросу настало время перейти.

Цезарь прекрасно понимал цель устраивавшихся галлами жертвоприношений – умиловить богов, – и не видел в этом ничего удивительного, поскольку не только в Галлии, но и на всем протяжении кельтских владений продолжала существовать архаическая традиция, хорошо знакомая древним обитателям Италии и Греции, но во времена Цезаря уже вышедшая из моды на его родине. Похоже, самым распространенным способом проведения обряда было умерщвление жертвы с помощью оружия и окропление кровью ритуальных предметов, алтарей и деревьев – такой вывод можно сделать на основе свидетельств Тацита и Лукана. Практиковалось также гадание на человеческих внутренностях, но гораздо больший интерес представляют

письменные сообщения о ритуальной смерти в огне, в воде и в петле.

Цезарь говорит о том, что некоторые галльские племена сооружали огромные клетки из веток, загоняли туда людей и поджигали. Жертвы были в основном преступниками, и можно заключить, что независимо от тяжести вины все они совершили нечто такое, что позволило лишить их социального и обрядового статуса. Нет никаких указаний на то, что в жертву подобным образом приносили пленников, захваченных на поле боя. Такие жертвоприношения, вероятно, служили залогом процветания и благополучия племени, и по значимости их можно сравнить с ирландскими сезонными праздниками, на которых также совершались кровавые обряды. Плетеные клетки, которые, согласно некоторым источникам, напоминали по форме человеческие фигуры, вызывают ассоциативную связь со многими ирландскими сказаниями, в основном мифологическими, в которых говорится о гибели людей, иногда королей, в пламени, охватывающем дома и дворцы.

Знаменитое высказывание Лукана о трех кельтских богах – Тевтате, Таранисе и Езусе – дополняют ранние комментарии к поэме «Фарсалия». В них утверждается, что жертв, посвященных Таранису, сжигали, Тевтата могла умиловить смерть человека в воде, а Езуса – повешение. Нужно помнить о том, что все эти три имени могли быть общепринятыми эпитетами многих кельтских племенных богов, следовательно, различные способы жертвоприношений были характерны для определенных обрядовых случаев, а не для отдельных племен. Возможно также, что Езус, Тевтат и Таранис символизировали собой три первоэлемента: землю и, соответственно, растительную жизнь (Езус – повешение), огонь (Таранис – сожжение) и воду (Тевтат – утопление). Жертвенная смерть в воде изображена на одной из пластин большой серебряной чаши работы кельтских мастеров примерно I века до н. э., найденной в торфянике близ Гундеструпа (Дания) и представлявшей собой вотивный дар. В эти края она попала вместе с кельтскими переселенцами, которые пришли скорее со Среднего Дуная, нежели из Галлии. Сведения о ритуальном повешении во славу Езуса вызывают особый интерес, поскольку, во-первых, здесь просматривается связь со священным деревом, а во-вторых, подобные жертвоприношения устраивались и в честь Отина, великого бога-чародея тевтонской воинской аристократии, чей культ процветал на территории современной Швеции и мог иметь кельтское происхождение.

Чародеи и мудрецы. Главными вершителями магических и ритуальных действий у кельтов были друиды. Нет нужды говорить о том, что романтизированный образ друидов в литературе нового времени и псевдодруидические организации, которые периодически заявляют о себе в разных странах, не имеют ничего общего с друидами древности. Пелена мистики и тайны, скрывавшая от нас деятельность истинных друидов, развеяна современной наукой – сравнительные исследования в области религии показали, что в четкой социально-религиозной структуре общества они занимали естественную нишу, существовавшую у многих, если не у всех, народов, говоривших на индоевропейских языках и имевших индоевропейские социальные институты. Самые известные собратья друидов – брамины, занявшие свое место в индийском обществе после нашествия ариев в Северную Индию в середине или в конце 2-го тысячелетия до н. э., долгое время составляли наследственную касту, тогда как друиды придерживались более архаической организации и представляли собой особое сословие, формировавшееся из детей воинской аристократии. Есть указания на существование схожей категории людей, обладавших сакральным статусом, и у италийских племен, но бурное развитие Рима под влиянием средиземноморской цивилизации трансформировало примитивные социальные институты, и на место первобытных жрецов пришли латинские фламины и понтифики.

Слово «друид» в том виде, в котором оно существует в современных европейских языках^[8], заимствовано из произведений греческих и латинских авторов, которые в свою очередь переняли

его у континентальных кельтов. Цезарь писал о «druides», Цицерон о «druidae» – это латинизированные варианты во множественном числе. В живых островных кельтских языках drui (единственное число) и druid (множественное число) представляют собой формы того же слова из древнеирландских текстов. Валлийский эквивалент в единственном числе – dryw. Само слово «druid» произошло от корня, означающего «знание о дубе» или, возможно, «великие, глубочайшие познания». Плиний сравнивал его с греческим названием дуба, намекая на то, что такая связь не случайна, – ему был знаком кельтский обряд срезания растущей на дубах омелы, сопровождавшийся жертвоприношением быков. К сожалению, неизвестно, имел ли этот обряд отношение к общеплеменным праздникам и с какой целью он совершался. Размышляя о друидах, Плиний, возможно, вспоминал и о растущем на Олимпе священном дубе, образ которого в греческом культе представляет собой общий индоевропейский элемент и сравним с кельтскими священными лесами, в частности со священной дубовой рощей галатов Друнеметон. Если дуб (наряду с некоторыми другими деревьями) выступал символом божества, то «знание о дубе» было необходимо тем, кто служил посредником между миром простых смертных и миром сверхъестественного.

Прояснению сущности этого знания о мире сверхъестественного способствует изучение иерархии посредников, куда входили несколько рангов ученых чародеев, хотя четко определить различие между их функциями невозможно. Наряду с друидами и бардами Страбон упоминает ватов – vates, и это слово созвучно с ирландским fathí (в единственном числе – faith). Оно происходит от корня, означающего «вдохновенный» или «экстатический»; ватами называли поэтов и прорицателей. Другой ирландский термин, «филид» (fili; во множественном числе – filid) получил широкое распространение в раннехристианские времена. Изначально он имел смысл «провидец», но со временем так стали называть придворных поэтов и историков. Могущество чародеев определялось способностью видеть незримое (этимология древнеирландских слов, связанных с культом, свидетельствует, что «знание» воспринималось особым «зрением»), постигать сакральное знание через общение с миром сверхъестественного, а осуществлялось это общение с помощью вхождения в транс.

Один из самых любопытных примеров прорицания в состоянии транса можно найти в древнеирландской саге об избрании нового короля Тары: друид, вкусивший окровавленную плоть зарезанного быка, впал в транс под чтение заклинаний, а когда пришел в себя, в подробностях предсказал обстоятельства появления в городе того, кто должен взойти на престол. Этот обряд был известен под названием «tarbfeis» – «сон быка». Неистовство, транс и перевоплощения, служившие основой многих ритуалов, роднят кельтских чародеев с шаманами евразийского Севера. Вполне возможно также, что эти элементы культового действия указывают на очень древние контакты кельтов с обитателями понтийских степей.

Хотя некоторые античные авторы именуют друидов философами, не похоже, что они, как социальная организация, участвовали в создании каких-либо умозрительных концепций или этических принципов, лежащих за пределами культовой практики и порядка проведения обрядов. Друид Дивитиак, друг Цезаря и Цицерона, скорее являлся исключением – лишь те немногочисленные представители кельтского жречества, кому довелось познакомиться со средиземноморской цивилизацией и греческой философией, способны были развивать идеи, которые никогда бы не пришли в голову их собратьям-землякам. В том же, что друиды рассуждали о природе жизни после смерти, нет ничего удивительного: погребальный инвентарь из кельтских захоронений – оружие, украшения, пища, предназначенные для пира в Ином мире, – свидетельствует о распространенной у кельтов вере в загробное существование.

Высочайшее положение друидов в кельтском обществе не вызывает сомнений – Цезарь и другие авторы сообщают об их судебных полномочиях наряду с обрядовыми функциями, а в

Ирландии даже король не имел права открыть рот прежде, чем выскажется его друид. Ирландские источники свидетельствуют, что друиды носили оружие и владели домами. Цезарь говорит о том, что они участвовали в битвах, но сражались вовсе не с оружием в руках. Впрочем, эта тема столь обширна, что не может вместиться в данное исследование. В заключение же необходимо сказать несколько слов об одной из самых поучительных и примечательных традиций кельтов.

Традиция устной передачи знаний. Современный мир настолько зависит от информации, зафиксированной в письменной форме, что многим, возможно, даже трудно поверить в существование других способов сохранения знаний или народной литературы. Прежде всего, кажется невероятным, что огромные тексты, независимо от содержания, удерживались в памяти дословно и передавались от одного поколения к другому. Но так действительно было принято у многих индоевропейских народов, обитавших вне урбанистических цивилизаций, где письменность уже была изобретена. Дожившие до наших дней школы браминов в Индии демонстрируют, каким образом знания сохраняются и передаются в устной форме, и во многом помогают понять суть схожей традиции, существовавшей у древних кельтов.

Методика устного обучения состоит в постоянном повторении нараспев простых стихов или ритмической прозы. Четкий ритм провоцирует состояние, близкое к трансу, и за долгие годы ученики запечатлевают в памяти огромные массивы текстов. В Древнем мире процесс обучения был наполнен сакральным смыслом, точному произнесению священных текстов придавалось первостепенное значение, и растяпе, перепутавшему слова, грозила сверхъестественная кара. Все эти особенности прослеживаются и в индийской, и в кельтской традициях, сообщает о них и Цезарь, писавший о том, что ученики друидов на протяжении долгих лет заучивали наизусть множество стихов. Правда, он не совсем верно понимал причину отказа друидов от письменности. Дело было не только в стремлении друидов сохранить свое знание в тайне от непосвященных – письменность не имела необходимой ритуальной значимости.

Устная, дословная передача информации обуславливает сохранение древнего языка в первоначальном виде, в то время как язык бытового общения постоянно развивается, меняется и уходит все дальше от священных текстов. Один из самых известных примеров тому – язык ведических гимнов, более древний, чем санскрит, на котором ученикам разъясняли их содержание. Санскрит, язык науки, в течение тысячи лет существовал в Индии только в устной форме и был записан лишь в XVIII веке, когда несколько браминов прервали традицию и продиктовали его европейцам. Точно такая же ситуация сложилась и у кельтов. В Ирландии школы устной передачи знаний долго не сдавались и лишь со временем уступили свои позиции монастырским скрипториям. Сейчас уже невозможно сказать, насколько архаическим был язык подлинных мифов дохристианской эпохи, но обрядовая терминология, так же как и содержание мифологических сказаний, записанных ирландскими монахами, свидетельствует о параллелях с той ситуацией, которая складывалась в Индии.

Наряду со священной литературой, мифами и заклинаниями, которые были неотъемлемым элементом друидических практик, с особым тщанием сохранялось и передавалось знание закона. Язык правовых трактатов – самый древний во всем массиве сохранившихся ирландских текстов, и именно из них можно почерпнуть больше всего информации о ранних социальных институтах, но нас в данном контексте прежде всего интересует традиция устной передачи информации, и потому ограничимся цитатой из большого свода законов «Senchas Mair»: «память древних перетекает из уст в уста песнями сказителей». Отсюда следует, что и законы читали нараспев или пели; таким образом, филиды по своим функциям приближаются к бритемам и становятся очевидным высоким статус поэтического сословия в кельтском обществе.

Без сомнения, традиция устного обучения у континентальных кельтов включала в себя помимо прочего эпическую литературу, историю королевских семейств и хвалебные песни, создававшиеся, по словам античных авторов, бардами. Все эти жанры присутствуют в островных ирландской и валлийской литературах, а в их стиле и композиции можно разглядеть общие индоевропейские элементы.

Глава 4

Кельтское наследие

До сих пор речь шла о происхождении и формировании кельтского народа, его образе жизни и отношении к сверхъестественному. Последняя глава посвящена исчезновению кельтов и их наследию, сохраненному после крушения Римской империи в средневековой Европе небольшими народностями на северо-западных окраинах. Эти народности можно признать кельтскими, поскольку они говорили на древних кельтских языках и восприняли древние социальные институты, но называть их кельтами в сугубо историческом смысле было бы неверно. Они жили в Ирландии, на севере и западе Британии, и мы рассмотрим историю происхождения названий некоторых из них, таких, как гэлы, пикты, скотты и валлийцы, чтобы избавиться от широко распространенных заблуждений.

Кимвры и тевтоны. Об отстранении кельтов от участия во всеобщей европейской политической жизни в период римского завоевания говорилось в первой главе, теперь обратим взгляд на соседей континентальных кельтов – северных и восточных варваров, которые со временем сокрушили Римскую империю и сказали свое слово в переделе европейской политической карты. В этом контексте начать следует с событий конца II века до н. э., ставших предвестниками грядущего распада. В 113 году до н. э. римская армия, посланная на помощь кельтскому королевству Норик в Восточных Альпах, была разгромлена войском захватчиков, явившихся с севера. Победители известны под названием кимвры (*cimbri*) и, согласно письменным свидетельствам, пришли из Ютландии, по всей видимости значительно пополнив свои ряды по дороге на юг. Двигались они хорошо известным в древности трансконтинентальным путем – по Эльбе в Богемию и затем к Среднему Дунаю и Восточным Альпам. В Богемии кимвры совершили нападение на бойев – кельтский народ, ранее соседствовавший с галльскими поселениями в Северной Италии, часть которого затем отправилась на поиски безопасных земель к западу, осев в итоге на берегах Рейна.

В течение нескольких лет после победы над римлянами кимвры бродили по кельтским землям, простиравшимся от Норика до Сены и Роны. За это время к ним присоединились тевтоны (*teutones*) – племя вероятно, но не наверняка имевшее также северное происхождение, – и объединенные войска нанесли новые поражения римлянам в 108-м и 105 годах до н. э., на этот раз в Южной Галлии. Побесчинствовав еще немного в Галлии и у западной оконечности Пиренеев, разбойники наконец встретили отпор и были разбиты римской армией при Аквах Секстиевых (Экс-ан-Прованс) в 102 году до н. э., а в 101-м окончательно уничтожены при Верцеллах (Верчелли). Не следует делать поспешных этнологических выводов по поводу кимвров, исходя только из того, что они явились с севера. Их предводители, насколько это известно, носили типично кельтские имена, а некоторые замечания Диодора, Страбона и Плиния позволяют заключить, что кимвры говорили на кельтском языке. Название «*teutones*» представляет собой латинизированную форму кельтского слова, означающего «народ, люди», корень которого присутствует в ирландском слове «*tuath*» и в имени галльского божества *Teutates*.

Один любопытный пассаж Цезаря касается белгов. Он пишет, что в его эпоху, через полвека после разгрома кимвров и тевтонов, белги – воинственный союз племен из Северо-Восточной Галлии – бахвалились, будто они единственные из галлов, кто сумел достойно сразиться с завоевателями. При этом в другом отрывке Цезарь говорит, что белги пришли из зарейнских областей и кичились своей ратной доблестью и происхождением из Германии (*Germania*). О

кельтском племени треверов, обитавшем на берегах Мозеля, Цезарь тоже сообщает, что они имеют «германские» корни, но треверы, разумеется, не входили в белгский союз. Современные археологические изыскания подтверждают рейнское (или зарейнское) происхождение этих племен.

Германцы. Следующий вопрос – история слов «Germania» и «germani». Последнее из них, согласно Атенею, использовал Посидоний в конце II века до н. э. Более раннее, но менее убедительное свидетельство встречается в записи о битве при Кластии (222 год до н. э.) во фрагментах Acta Triumphalia в Риме. Сохранившаяся надпись была сделана гораздо позже самого события, и слово «germani» рядом с инсубрами, возможно, было добавлено от себя ее автором в I веке н. э. Первостепенное значение имеет использование названия «германцы» на рейнских землях, и в этом контексте археологические материалы, касающиеся кельтских поселений к востоку от Рейна, кельтские топонимы, сохранившиеся на территориях от Рейна до Везера и Эльбы, а также упоминавшиеся свидетельства о белгах и треверах все вместе внушают мысль о том, что Germani изначально было кельтским родовым именем и в давние времена этот род занимал положение сюзерена, или «княжеского» племени. Очевидно, что в эпоху Цезаря германцами называли всех без разбора самозванцев, вторгавшихся в Галлию из зарейнских областей. Дионисий Галикарнасский в своем произведении «Римские древности» (конец I века до н. э.) немного проясняет существо вопроса. Описывая Кельтику, он говорит о том, что земли, лежащие по ту сторону Рейна и простирающиеся к Скифии и Фракии до самого Герцинианского леса, зовутся Германией (Germania). Во времена Дионисия географическая карта выглядела немного по-другому, но его утверждение вполне согласуется с той ситуацией, которая могла существовать раньше, и это объясняет, почему галлы награждали прозвищем «германцы» любой народ, мигрировавший на запад из-за Рейна, будь то беженцы-кельты или разбойничьи отряды из дальних земель.

В связи с этим необходимо сделать еще одно уточнение. Нет никаких указаний на то, что кельты, чье название было известно во всей Европе, от края до края, кимвры, тевтоны, свевы и их союзники под предводительством Ариовиста, имели общие национальные самоназвания или претендовали на них, хотя слово «suevi» использовалось довольно широко. «Германцами» или «германскими» чужеземные племена называли другие народы. Есть еще вариант «тевтоны», его мы и предпочтем для ясности и в дальнейшем именно так будем именовать все некельтские племена, появлявшиеся на кельтских землях в рассматриваемый период.

Тевтонские племена. Слово «teutones» созвучно немецкому Deutsch, произошедшему от *thioda*, что означает «народ, люди» в филологической семье тевтонских языков. Нет нужды подробно говорить о том, что все эти слова происходят от того же индоевропейского корня, что и упоминавшиеся уже кельтские примеры (*tuath*, *Teutates*).

Первое упоминание о тевтоноговорящих племенах связано с противостоянием Цезаря и Ариовиста, возглавлявшего союз народов. Очевидно, что туда входили кочевые кельты, существенно отстававшие в развитии от родственных им оседлых жителей Галлии, а также племена, которые можно признать отчасти кельтскими, отчасти тевтонскими. Делая выводы, нельзя забывать о природе варварского общества – в те времена шел постоянный культурный, лингвистический и политический обмен между обитателями разных земель, и процесс этот восходит к той эпохе, когда не существовало ни «кельтов», ни «тевтонов», а были только «древние европейцы». Таким образом, бесполезно искать какую бы то ни было фундаментальную разницу между кельтоговорящими и тевтоноговорящими племенами Германии. Замечания Цезаря, а позднее Тацита о многих аспектах жизни этих племен и их политике демонстрируют тесное переплетение интересов, а Тацит с облегчением говорит о том, что все силы варвары тратят на ожесточенные свары между собой, вместо того чтобы направить

их на борьбу с римскими легионами.

Нашествия захватчиков из зарейнских областей в 1 веке до н. э. и в I веке н. э. – лишь первая волна прилива, который позднее будет приносить на запад все новые и новые тевтоноговорящие племена. Они покидали друг за другом свою древнюю родину на востоке от Эльбы и становились причиной целой серии переселений, но только с крушением Римской империи в V веке н. э. прочно закрепились на страницах истории – уже под названиями «вандалы», «готы», «франки», «саксы» и др., с которыми напрямую связана судьба средневековой и современной Европы.

Прежде чем перейти к теме кельтского наследия в V веке и последующих эпохах, нужно сказать несколько слов о раннем периоде отношений между кельтами и их тевтоноговорящими соседями. Военное и культурное превосходство кельтов в период с V по II век до н. э., археологически проявившееся в распространении латенской культуры, выразилось и в мощнейшем влиянии на варварские племена северных и восточных соседних земель. Об этом свидетельствует не только интенсивный импорт произведений латенского искусства, но и появление множества копий и подражаний металлическим и глиняным латенским образцам, а мастера кельтской традиции продолжали творить на землях Центральной Европы и после заката кельтской цивилизации. Проследить культурный обмен, совершавшийся благодаря династическим бракам или военным авантюрам, не представляется возможным, но он, по всей видимости, играл важную роль, и один из примеров тому – произведения кельтского ремесленного искусства, обнаруженные в Дании.

Изделия кельтских мастеров в Дании. Особого внимания заслуживают четыре места раскопок. В торфянике Хьортспринг на острове Альс обнаружено большое количество длинных деревянных щитов кельтского типа, копья с деревянными древками и железными наконечниками, а также другое оружие, деревянная лодка и кости животных. Все эти предметы, очевидно, представляют собой votivные дары, хранившиеся в озерце в центре болота. Клад можно датировать приблизительно концом III века до н. э.

Примерно к тому же периоду относится большой бронзовый котел, найденный в Брё возле Хорсенса (Восточная Ютландия). Он лежал в земле, и, поскольку поблизости нет следов поселений или погребений, можно заключить, что тоже являлся votивным даром. Вместимость котла – около ста тридцати галлонов, но примечательно другое: изображения бычьих голов вдоль нижнего края ободка и выполненный в латенском стиле выпуклый орнамент из совиных масок у мест крепления двух круглых ручек. Вероятнее всего, котел из Брё создан кельтскими мастерами из богемско-моравского региона и в Данию завезен речным путем – по Эльбе.

К I веку до н. э. принадлежат найденные в торфянике возле Дейбьерга (Западная Ютландия) детали для пары четырехколесных повозок. Изначально они были помещены на островке в середине болота и обнесены, по крайней мере одна из них, оградой. Мастерство, с которым сработаны повозки, и особенно металлические детали, в том числе украшения в виде кельтских человеческих масок, свидетельствует о том, что они были привезены с юга, возможно из Галлии.

Самая примечательная из кельтских находок в Дании – большая серебряная чаша, обнаруженная неподалеку от Гундеструпа (Химмерланд). Она была разобрана на составлявшие ее пластины и оставлена, по всей видимости, прямо на поверхности торфяного болота, а со временем ее затянула трясина.

Рис. 25. Фрагмент горельефа на серебряной чаше из Гундеструпа, Дания

Основание чаши, внутренняя и внешняя стороны пластин украшены горельефным изображением мифологических сцен, большинство участников которых напоминают персонажей галльской иконографии, а сюжетные параллели можно провести с древнеирландскими сказаниями. Воины, одетые в *bracae*, несут длинные кельтские щиты и *carpuh* – трубы (рис. 25). Горельеф на днище представляет сцену заклания быка, в которой некоторые исследователи усмотрели митраические мотивы. Как бы то ни было, стилистические особенности изображения европейских животных и экзотических созданий, в том числе грифонов и слона, вкупе с редко использовавшимся в те времена материалом – серебром, указывают на происхождение гундеструпской чаши из областей Среднего Дуная. Уместно вспомнить и сообщение Атеней о том, что обитавшее в тех краях кельтское племя скордистов ценило серебро превыше золота.

Описанные выше предметы в древние времена люди спрятали в торфяных болотах или закопали в землю, отказавшись, таким образом, от их использования, тем не менее нельзя с уверенностью сказать, что все эти вещи были частью добычи, которую грабители пожертвовали богам, вернувшись домой после набега на кельтские земли. Хьортсп-рингская находка больше других напоминает собрание воинских трофеев, но здесь возникают некоторые сомнения: лодка изготовлена в манере северных мастеров, а щиты могли создать как кельтские ремесленники, так и местные подражатели, наслышанные о славе кельтского оружия.

Кельтское влияние на тевтонов. Вклад кельтов в развитие варварской цивилизации на территории между Эльбой и Рейном, без сомнения, велик, но отследить его в духовной сфере значительно сложнее, чем в материальной. Причиной появления многочисленных параллелей в кельтских и тевтонских культах и мифологиях, в социальных институтах и лексическом запасе могли стать не только межплеменные заимствования, но и существование общей древней культурной традиции, к которой принадлежали предки этих народов. Обитатели западных балтийских земель тоже подверглись мощному влиянию со стороны носителей культуры полей погребальных урн, но центр этого влияния находился не в североальпийской зоне, а восточнее

Альп, обряд же кремации, повлекший за собой изменения в ритуальной и социальной сферах, прочно укрепился на севере к началу последнего тысячелетия до нашей эры. В должное время на датских островах, в Южной Швеции и Северной Германии стали пользоваться популярностью железные мечи гальштатского типа и конская упряжь с бронзовыми деталями. Все эти факторы, вкуче с неопределенной лингвистической ситуацией, указывают на то, что в эпоху превосходства кельтов в Европе, проявившегося в распространении латенской культуры, по крайней мере некоторые тевтоноговорящие племена принадлежали к одной с ними культурной традиции.

Возможно, самым значительным заимствованием тевтонских племен у кельтов в области культа стала практика возведения храмов. Тацит писал о священных рощах и лесах германцев – по-видимому, в его времена это были обычные места поклонения повсюду в зарейнских пределах. С появлением романо-кельтских храмов, прочно укоренившихся на территориях, подвластных Римской империи, началось их строительство – правда, из дерева – и на непокоренных землях варваров. Дальнейшее развитие этой практики связано с созданием таких крупных сооружений, как в Уппсале и во многих других местах, что стало отличительной чертой северного язычества, сохранявшей свою значимость вплоть до наступления христианской эры.

От Тацита известно также имя Веледы, провидицы, почитавшейся племенем бруктеров, которое участвовало в восстании Цивилиса (68–69 годы н. э.). «Veleda» – кельтское слово для обозначения женщины, занимающейся прорицаниями, и бруктеры были скорее кельтами, обитавшими по ту сторону Рейна (и в этом смысле – германцами), нежели тевтоноговорящим народом, заимствовавшим у соседей имя для своего оракула.

На страницах данного исследования подробное филологическое обсуждение кельтских заимствований в тевтонском языке не вполне уместно. Достаточно сказать, что современные немецкие слова «reich»^[9] и «amt»^[10] имеют древнее происхождение и свидетельствуют о волне кельтского влияния в политической и социальной сферах. И наконец, нельзя забывать о наблюдении Страбона: германское общество, по его мнению, очень походило на то, что существовало в Галлии до того, как римский урбанизм оказал на него свое разрушительное воздействие, а образ жизни и обычаи перемещавшихся по Средней Европе племен – взять хотя бы свевов с их кочевыми повозками и повсеместное использование кельтских личных имен – были продуктом смешения культур.

Кельтское наследие после крушения Римской империи. Настало время распрощаться с истинными кельтами Древнего мира и обратить взгляд на те народы, которые можно считать их потомками. Прежде всего, не вызывает сомнений, что большую часть Галлии до падения западной империи в V веке заселяли выходцы из кельтских племен. Последовавшие затем нашествия тевтонских завоевателей – вандалов, висиготов и франков, – будучи кратковременными, не смогли существенно повлиять на этнический состав населения. Франки дали стране новое имя и новый политический уклад, французская нация в значительной степени ведет свое происхождение от кельтских предков, и все же фундаментом этой цивилизации стали культура римских провинций, латинский язык, христианство и концепция гражданского правления. Лишь на окраинных северо-западных островах, в Британии и Ирландии, наследие древних кельтов стало основополагающим фактором формирования народов и языков и сохранялось на всем протяжении их истории. Помимо того что это наследие представляет собой богатейший материал для изучения жизни древней Европы, оно, к сожалению, служит благодатной почвой для прорастания бесчисленных псевдонаучных концепций, выдуманных политиками и писателями, которые вольно толкуют вопрос о том, кого можно считать кельтами, кого – нельзя. Впрочем, вместо того, чтобы лишний раз заострять на этом внимание, лучше перейдем к краткому обзору событий на островах, прежде всего в Британии, между I и VI веками

н. э. Именно в этот промежуток времени создавались литературное наследие и эскиз языковой и политической карты Европы, которая окончательно оформилась в последующие века.

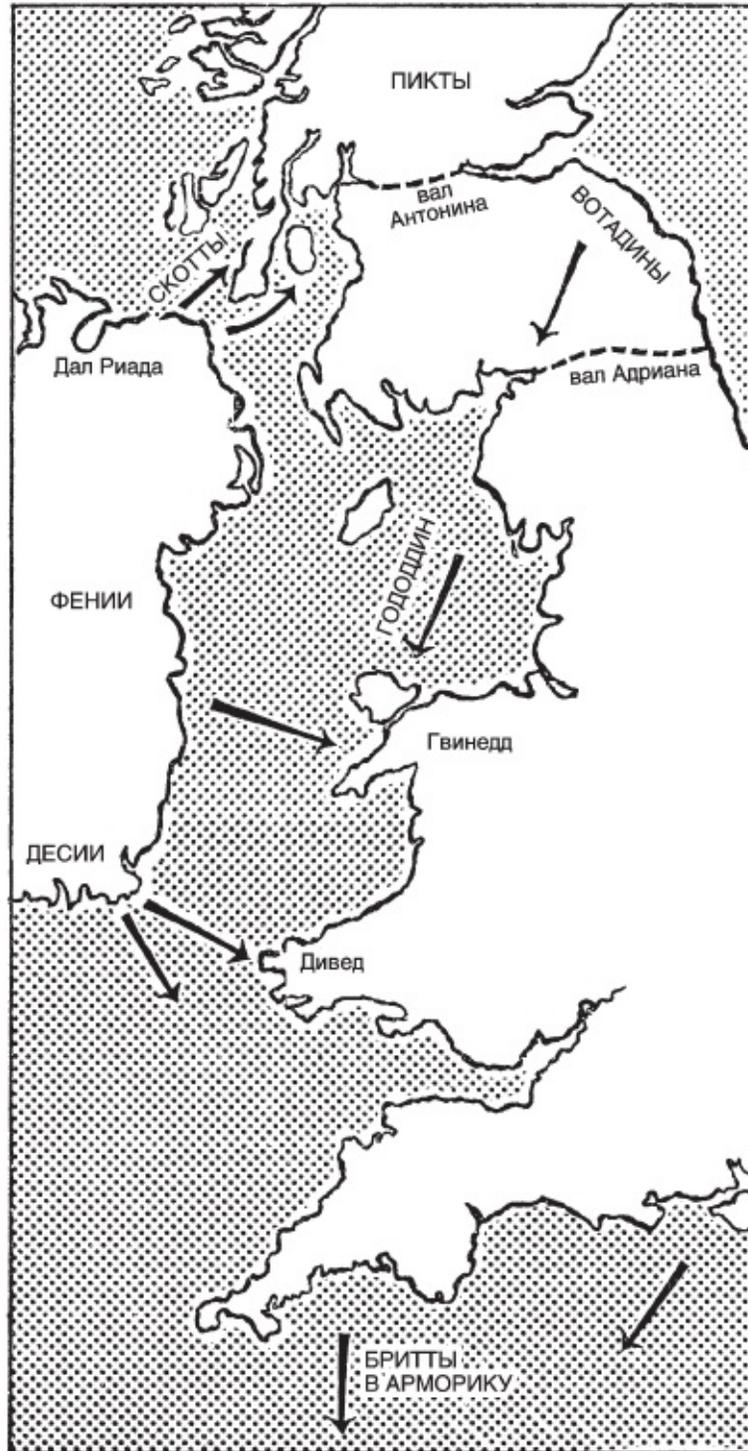
Римская Британия. Этапы римского завоевания Британии и судьба северных границ, пролежавших между Фортом и Клайдом (вал Антонина), а также между Тайном и Солуэем (вал Адриана), в данном контексте не имеют отношения к делу. Для нас важны племена, династии и даже отдельные личности, которые способствовали сохранению кельтского образа жизни и формированию новых, мелких народностей после крушения Римской империи. В период римского завоевания, начавшийся с вторжения в Британию легионеров Клавдия, главную роль в островной политике играла белгская династия Кунобелинов, правившая катувеллаунами. Вытесненные римлянами из своих владений на юге и востоке, именно они под предводительством Каратака возглавили союз небелгских племен на западе, призвав к сопротивлению силуров и ордовиков на территории современного Уэльса и рассчитывая в дальнейшей борьбе на поддержку бригантов, которые обитали у подножия Пеннинских гор. Но Каратака выдала римлянам Картимандуа, королева бригантов, возможно, так же как и он, имевшая белгское происхождение. Археологические материалы позволяют сделать вывод, что семьи белгских беженцев скрывались на западе Британии – об этом свидетельствуют такие произведения ремесленного искусства, как пивная кружка из Траусфинидда, железная подставка для дров из Кейпел-Гармона и множество металлических изделий белгских мастеров, найденные в торфянике Лин-Керриг-Бах. И неудивительно, что устная традиция, существовавшая в Уэльсе до эпохи Средневековья, сохранила генеалогию королевского дома катувеллаунов.

Племена, обитавшие на западе Британии в гористых районах между Северном и Ди, находились под постоянным военным контролем римлян, но бурное развитие городов и гражданских институтов, начавшееся на равнинных землях, их не коснулось. Крепости на вершинах холмов пришли в упадок, некоторые были разрушены до основания, а в Честере и Кэрлеоне выросли дозорные башни легионеров. Таким образом, в процессе романизации Британии кельтская национальная традиция постепенно уступала место новому социальному укладу на восточных и южных территориях, а на западе, у обитателей нагорий, угасала в неразберихе и распаде племенной жизни. Аристократия и особенно ученое сословие потеряли свой статус в условиях римской оккупации, и это – основная причина того, что древнейшие пласты сохранившейся валлийской традиции не созданы коренным населением Уэльса, а привнесены извне другими кельтами на закате военного могущества римлян. Новое влияние исходило из Ирландии, откуда в Уэльс переправлялись поселенцы и разбойничьи шайки, а также из Северной Британии в форме целенаправленной колонизации, возможно являвшейся частью римской оборонительной политики (карта 9).

В конце III века ирландские иммигранты появились в Уэльсе и, судя по следам культа Ноденса в Лидни, продвинулись достаточно далеко на восток, по крайней мере до эстуария Северна. В Юго-Западном Уэльсе новые колонисты, известные под именем десиев (*desi*), заняли древние племенные владения деметов (*demetae*; от этого слова происходит название поселения Дивед (*Dyfed*). Поскольку особой военной активности римлян на землях к западу от Тоуи и Кармартена (древний Маридун) археологией не выявлено, можно предположить, что деметы были зависимым племенем, враждебным силурам, и пристального внимания со стороны римских властей здесь не требовалось. Каковы были отношения между деметами и десиями, неизвестно, но ирландское племя основало династию, правившую в Диведе на протяжении пяти веков, и внесло вклад в создание валлийской литературы – свидетельства того, что высадка десиев в Британии была не простым разбойничьим набегом.

В Северном Уэльсе складывалась совершенно противоположная ситуация. Здесь ирландцы

предавались грабежам и пытались закрепиться на землях, которые оставались театром военных действий со времен походов Агриколы. Этимология названия северной местности Гвинедд (Gwynedd) и другие признаки свидетельствуют, что это были фении (feni), самая влиятельная часть населения Центральной Ирландии тех времен. Возможно, именно под давлением их правящей династии десии мигрировали из центральных областей Ирландии на юг, а затем, как минимум, некоторые из них вынуждены были перебраться на другой остров. Очевидно, десии и фении враждовали, о чем свидетельствует и то, что римляне по-разному отреагировали на их появление в Британии.

Карта 9. Основные направления миграций кельтов в IV–V веках н. э.

В отличие от жителей Диведа ирландцы, облюбовавшие северо-западные земли острова, надолго там не задержались, а история сохранила лишь британский вариант названия их племени. Это связано с отчуждением территории колонистами из Северной Британии – хорошо

организованным бриттским племенем с надежным войском. Такова была практика римских завоевателей, известная по ситуации на других европейских границах Римской империи: сильному, но дружественному племени римляне уступали часть своих владений в обмен на защиту от внезапных нападений внешних врагов. Валлийская традиция и этимология личных имен колонистов свидетельствуют, что основать поселение в Северо-Западном Уэльсе было дозволено вотадинам (votadini; ср. валлийское название Gododdin), чья родина находилась между Тайном и Фортом. Дата их переселения спорна, но это событие должно было произойти где-то на стыке IV и V веков. В путешествие отправились вотadini, известные под именем «сыновья Кунедды», и от них ведут свое происхождение почти все королевские дома Уэльса эпохи раннего Средневековья. Для распространения бриттского языка, связанной с ним литературы и традиционного знания миграция «сыновей Кунедды» имела важнейшее значение. Они принадлежали к бриттскому племени, чья кельтская социальная структура и кельтское наследие в целом сохранились в первоначальном виде благодаря тому, что их политические интересы согласовывались с интересами римлян, а географическое положение владений на самом севере Римской империи спасло их от полной латинизации.

Поскольку мы несколько раз упомянули географическое название Уэльс, стоит несколько слов сказать о его происхождении. «Welsh» и «Wales» – слова тевтонского корня, освоенные английским языком в V веке. Любопытно, что англосаксонское слово «wates», изначально означавшее «инородцы», а позднее – собственно «бритты», по всей видимости, появилось после столкновения в Средней Европе между крупным кельтским племенем вольков (volcae) и тевтоноговорящими племенами. После этого тевтоны, похоже, стали использовать свой фонетически измененный вариант этого кельтского названия для обозначения всех инородцев, а поскольку они последовательно двигались на запад, из инородцев на их пути попадались главным образом кельты.

Каледоны и пикты. Вотadini и другие бритты, обитавшие на севере, за валом Адриана, покорились римлянам не по любви, а из корыстных соображений: еще севернее, на землях за линией между Фортом и Клайдом, жили воинственные племена, в борьбе с которыми им требовалась помощь легионеров. Войску Агриколы в тех краях отчаянное сопротивление оказали каледоны (caledonii). Позднее их не смог остановить даже возведенный вал Антонина, и римлянам ничего не оставалось, как признать автономию еще одного бриттского племени, наряду с вотадинами, для создания буферной зоны.

Различия в материальной культуре обитавших к югу от линии Форта и Клайда бриттских племен и живших на севере каледонов, установлены на основе сравнения крепостей, сохранившихся на вершинах холмов, но археологического материала слишком мало, и требуются дальнейшие изыскания. Интерес представляет замечание Тацита о том, что каледоны отличались высоким ростом и красно-рыжими волосами. Далее он сравнивает их с германцами, подразумевая, по всей видимости, зарейнских кельтов. Исходя из этого, конечно, можно сделать вывод об их происхождении, но массивные крепости с постройками из камней и бревен скорее свидетельствуют о том, что прародина каледонов находилась на среднем западе Европы, к югу от побережья Британии. Точный ответ, впрочем, зависит от даты прибытия каледонов в Шотландию, а современная наука склоняется к тому, что это произошло не раньше середины I века до н. э.

Можно предположить, что в смутные времена последнего столетия до нашей эры и первого после каледонам удалось занять лучшие земли в Шотландии и основать там поселения, тогда как бриттские племена, чуть раньше двинувшиеся с юга, из-за Чевиотских гор, и племена мореходов, мигрировавшие вдоль северо-западного и северного побережий Британии и ближних островов и строившие дома на колесах, удовольствовались тем, что осталось. С некоторой долей

допущения можно сказать, что каледонское население состояло из местных жителей острова и кельтских иммигрантов. Язык аборигенов был определенно не индоевропейским, а язык поселенцев хоть и принадлежал к Р-кельтской ветви, вероятно, отличался от того, на котором говорили бриттские племена.

Сходство между каледонами, известными латинским авторам со II века н. э., и пиктами (*picti*), которые впервые упоминаются в письменных источниках в конце III века, на данном этапе развития науки уже установлено. Королевство пиктов, созданное к VII веку и прекратившее свое существование в IX веке, сыграло важную роль в формировании исторической Шотландии. Латинское слово «*picti*» («крашенные, разрисованные»), использовавшееся как определение – так легионеры пренебрежительно называли варваров, украшавших тела и лица боевой раскраской и татуировками, – за четыре столетия, прошедшие с первого знакомства римлян с северными племенами и до появления христианизированного королевства, очевидно, потеряло свой изначальный смысл. Возможно так же, что для латинян звучание слова «*picti*» напоминало кельтское *pretani* или *preteni* и потому показалось более чем подходящим для именованья северного островного народа. С другой стороны, нельзя забывать о том, что Цезарь, видевший собственными глазами лишь обитателей Южной Британии, первым упомянул о варварском обычае наносить на тело узоры голубой краской. Вероятнее всего, на территории острова в период римского владычества этот обычай постепенно отмирал и лишь у обитателей северных земель за валом Антонина продолжал существовать. В этом случае название «*picti*» было вполне оправданно и в конце III века.

Самоназвание пиктов неизвестно. Слово «*picti*» фигурирует лишь в исторических документах, созданных латинянами, а также английскими и ирландскими христианами, но по мере того, как римское могущество шло на убыль, а ирландцы и англо-саксы усиливали натиск, общественное мнение в Британии, по-видимому, менялось – начиналась переоценка ценностей и ностальгия по старым порядкам, соответственно возрастал престиж латинских имен, названий и титулов. И пикты, таким образом, могли принять латинское слово в качестве национального самоназвания.

В период между походами Агриколы и появлением исторического королевства пиктов этот влиятельный народ Центральной Каледонии имел достаточно сил и средств, чтобы двинуться на север и подчинить себе прибрежную археологическую провинцию домов на колесах. Рыбаки и мореходы, обитавшие в тех краях, не внесли никакого вклада в историю Европы, но для нас важно, что оркады (*orcades*) были определенно кельтским племенем, а их острова до сих пор называются Оркадскими. Слова Орозия об этом народе можно истолковать так, что они поклялись в верности Клавдию, а Тацит сообщает об их сотрудничестве с флотом Агриколы. Такую дружбу с римлянами можно объяснить лишь желанием оркадов обрести поддержку в противостоянии внешней угрозе со стороны воинственных соседей, а угроза в данном случае исходила от каледонов. Сведения о языке обитателей прибрежной провинции достаточно скудны и сохранились лишь благодаря ирландцам и скандинавам, позднее оккупировавшим эти земли. Личные имена несут кельтские элементы, скорее всего бриттского типа, но, опять же, наравне с языком завоевателей в те времена мог существовать и более древний язык местного населения.

Скотты. Далее несколько слов следует сказать об ирландских поселенцах и налетчиках в Северной Британии. Римские провинции вместе с пиктами и, чуть позже, с саксами опустошали скотты (*scotti*), чье имя впервые было записано в IV веке. Само слово «*scotti*» можно соотнести с ирландским глаголом, означающим «совершать набег», «грабить». Таким образом, это было не самоназвание племени, а определение для отрядов искателей приключений, и в результате их частых нападений латинское название *Scotia* получила Ирландия, откуда прибывали разбойники, а не ранее XI века оно перешло к основанному скоттами королевству в Северной Британии.

Время шло, и, вместо того чтобы опустошать чужие земли, ирландские мигранты начали создавать свои поселения. Так в Аргайле и на ближних островах к V веку возникло королевство Дал Риادا (Dal Riada). Его основатели принадлежали к ветви королевского рода Дал Риادا из Северо-Восточной Ирландии, и благодаря им не раньше IV–V веков в Северной Британии прижился гэльский язык. Династический союз скоттского (далриадского) и пиктского королевских домов примерно в 843 году обусловил широкое распространение к северу от Чевитских гор кельтской традиции ирландского толка. Бриттоговорящее население, однако, продолжало существовать, и такие бриттские королевства, как Стратклайд и Регед, были достаточно сильны в VI веке, но в конце концов эта кельтская ветвь на севере все же отмерла, сломленная скоттами, чьим языком был гэльский, и англами, начавшими экспансию из Нортумбрии. Это послужило причиной двойственности наследия скоттов: гэлогворящий север Шотландии и англоговорящий юг.

Исторические корни бретонцев. Есть еще один достойный упоминания пример миграции кельтого-ворящего населения, на этот раз из Британии. Бритты, обитавшие на южном и юго-западном побережье острова, переправились через пролив и высадились в галло-римской провинции Арморика, с тех пор за этими землями закрепилось новое название Бретань (ср.: Bretagne (фр.), Brittany (англ.) и britons – бритты (англ.)). Современные исследования в области истории и языка этих мигрантов показали, что переселение началось в середине V века, закончилось в начале VII века и включало в себя две основные фазы. Мигранты первой волны, прошедшей в начале указанного периода, покинули южное побережье Британии, напуганные бесчинствами саксов на землях к западу от острова Уайт. Вторая, более масштабная, волна в середине VI века увлекла на континент жителей Девона и Корнуолла – они спасались от воинов из Уэссекса, развернувших экспансию на берега западных морей.

С точки зрения преемственности кельтской традиции бриттские поселения в Арморике внесли вклад лишь в сохранение языка. Эти люди долгое время жили под властью римлян в Британии, а на континенте продолжили существовать в обществе с теми же политическими институтами, где кельтский уклад давно уступил место римскому.

Происхождение слова «gael». Последние существенные изменения в островной кельтской номенклатуре связаны с появлением таких слов, как «gael» («гэл») и «gaelic» («гэльский»). Это англозированные варианты названий, которые долгое время использовались для обозначения ирландского народа и языка, и возникает вопрос, каким образом они пришли на смену известному истари имени острова – Eire. Древние eagain (эрины), а также племена ulad, connachta, lakin, давшие названия провинциям Улад, Коннахт и Лагин, впоследствии ставшим Ульстером (Ulster), Коннахтом (Connaught) и Лейнстером (Leinster), имели разное происхождение, место обитания и социальный статус на острове. Лишь в процессе дальнейшей эволюции возникла необходимость в общем названии всего народа Ирландии, но появившееся в конце VII века слово «goidel» (гойделы) обусловлено вовсе не политическим воссоединением племен – враждовавшие в те времена династии были далеки от этой мысли.

Наиболее правдоподобной представляется этимологическая связь слова «goidel» с валлийским названием Ирландии – Gwyddel. Мы уже говорили о том, что название местности Gwynedd (Гвинед) в Северном Уэльсе происходит от названия ирландских поселенцев, именовавшихся у себя на родине feni (фении). Созвучное слово «Gwyddel» могло попасть в Ирландию и освоиться в языке в фонетически измененном варианте – Goidel. Каким образом это произошло? По всей видимости, благодаря прибытию на остров в V–VI веках христианских миссионеров из Северного Уэльса, где в те времена было в ходу название Gwyddel, а под мирным правлением «сыновей Кунедды» строились романо-бриттские церкви и процветало христианство. Ничего удивительного, что крещеные ирландцы приняли название «гойделы»

перед лицом церкви, начиная новую, христианскую, жизнь.

Однако истинную политическую и общенациональную значимость слово «гойделы» приобрело очень нескоро. Возможно, в какой-то степени его широкому распространению способствовало нашествие викингов в конце VIII века, но более важным фактором примерно в то же время стало искусственное воссоздание истории Ирландии по латинскому канону и появление вымышленной фигуры праотца всех ирландцев Гойдела Гласа. Ирландские церковники состряпали для Ирландии свою историческую схему, позднее нечто в том же духе Орозий выдумал для иудеев и других древних народов. Этот процесс начался, вероятно, в VII веке, и название «гойделы» замелькало в переписанных народных сказаниях и генеалогиях королевских родов.

Терминологическая путаница сохранилась до наших дней, усугубленная учеными, которые использовали слово «гойделы» в филологическом значении «говорящие на языке Q-кельтской ветви» и противопоставляли его «уладам» и «эринам», чье наречие, по их мнению, в корне отличалось. Нельзя забывать и о том, что гойделы в понимании первых ирландских церковников не имели ничего общего с фениями. Слово «feni» изначально было названием древнего населения Ирландии, чье политическое превосходство, по крайней мере в центральной части острова, было весьма ощутимо в период, непосредственно предшествовавший началу христианизации. Однако оно потеряло первоначальный смысл, став родовым именем многих династий, а впоследствии вошло в правовые трактаты как обозначение сословия землевладельцев или свободных людей, имевших право присутствовать на всеобщих собраниях.

Понятия «гойделы» и «фении», таким образом, никогда не отождествлялись, но в формировании ирландского языка именно фении сыграли важную роль. Впрочем, это сложный вопрос, требующий длительного обсуждения и к тому же не связанный напрямую с темой данной главы, призванной наметить в общих чертах линию преемственности кельтской традиции в Европе. Скажем лишь, что ирландский язык в современном понимании, то есть гэльский (goidelg: gaedhilge), был не единственным в древней Ирландии. Не будем пускаться в рассуждения о том, почему гойдельский язык стал общенациональным, обусловлено ли это его популярностью у определенных слоев общества или количественным превосходством говоривших на нем ирландцев, но нельзя не отметить его успех и широкое распространение в Ирландии и Шотландии, по сравнению с полным провалом в Южном Уэльсе, где ирландские колонисты быстро забыли родной язык, обогатив при этом британский элементами своей литературной традиции.

Преемственность кельтской традиции. Мы приближаемся к хронологической вехе, за которой изучение кельтской цивилизации становится бессмысленным и начинается история многочисленных мелких королевств, междоусобных раздоров и столкновений с англами, викингами и норманнами. Шли века, появлялись новые влияния, и с исчезновением, вернее, перерождением аристократических сословий кельтский социальный уклад был окончательно утрачен. Языки сохранились в основном в земледельческих общинах, среди которых при ближайшем рассмотрении можно выделить даже более древние этнические группы, предшествовавшие кельтам. Как не все, кто считает своим родным языком английский, являются англичанами в других отношениях, так и полный состав кельтоговорящего населения включал в себя социальные группы, которые были древнее или, наоборот, моложе в историческом смысле, чем сами кельты.

Историческая граница исчезновения традиционного кельтского образа жизни и связанной с ним литературной традиции проходит в разных хронологических точках для Уэльса и Ирландии. Валлийцы, то есть северные и западные бритты, в своей борьбе против англо-саксов пережили новый героический век, который принес обильный урожай стихотворных и

прозаических произведений, затмивших древние образцы. Прославленные поэты Талиесин и Анейрин в конце XVI века воспевали в старинной кельтской манере своих августейших покровителей и благородных воинов из Регеда и Гододдина. В ту же насыщенный событиями эпоху сражавшиеся за независимость британцы приняли новое имя – сумгу («соотечественники»), – в котором остался отзвук древнего названия кельтских племен Уэльса^[11]. В фонетически измененной форме оно сохранилось до наших дней в названии графства Камберленд (Cumberland) – как память о давних северных владениях бриттов.

Кельтская литературная традиция поддерживалась в Уэльсе на протяжении многих столетий, до тех пор, пока не канула в небытие валлийская знать, вдохновлявшая поэтов и покровительствовавшая им, и даже на исходе XVIII века еще не забылись куртуазные вирши, а уездные рифмоплеты пели хвалу местным сквайрам – своим благодетелям – в манере предшественников, живших больше тысячи лет назад.

В Ирландии, избежавшей вторжения римлян и саксов, кельтские социальные институты долгое время процветали, и существенно видоизменить их не смогли ни викинги, ни норманны. О роли церкви, которая осуществляла цензуру, адаптируя кельтские сказания к христианской реальности, и, что самое главное, сохранила их для истории, впервые создав письменные своды, говорилось в первой главе, здесь же необходимо сказать о другом ее вкладе в развитие кельтской традиции.

С появлением христианских миссий ирландская культура подверглась новому иноземному влиянию, благодаря которому выкристаллизовались национальные, самобытные черты в литературе и ремесленных искусствах, позволившие Ирландии занять особое место в истории европейской цивилизации. Если творцы героического века вдохновлялись свершениями воинской знати из Ульстера и Коннахта или подвигами Фионна мак Кумалла и его отрядов, то золотой век стал эпохой святых и ученых, проповедников и Евангелий, искусной обработки металлов и, наконец, больших каменных крестов, украшенных рельефным орнаментом. Кельтские декоративные мотивы в новом ирландском искусстве существовали подспудно, но во многих других областях культуры старые традиции по-прежнему были в силе. На великом собрании в Друйм-Кете, состоявшемся в 575 году, святой Колумкилле (Колумба) отвел филидам особое место в жизни ирландского общества, и после этого в течение тысячелетия устная традиция и поэтическое наследие оставались в почете и бережно хранились. И лишь в 1601 году трагический исход битвы при Кинсейле положил конец существованию древнего кельтского уклада.

Достоинны упоминания хвалебные песни и сатиры ирландских поэтов XVI века, сравнимых с бардами, о которых мы знаем со слов Диодора, а также последние отголоски традиции устной передачи знаний, постепенно угасавших в людской памяти. Однако наибольший интерес представляет преемственность кельтской традиции в социальной сфере, сохранившая обряд королевской инаугурации. Эта церемония, имевшая древнее индоевропейское происхождение, проводилась в Ирландии до конца XVI века. Так вззошел на престол в 1592 году Аод Руад Уа Домналл, последний гэльский властитель Ирландии. Ритуальная значимость этой церемонии была настолько сильна, что и в последовавшие затем смутные времена местные предводители кланов продолжали отстаивать обычаи своих предков, совершая обряд облечения властью у священных камней.

Последняя традиционная инаугурация шотландского короля состоялась в 1249 году. После церковной церемонии, предшествовавшей коронации, Александр III был препровожден к священному камню, возле которого принимал приветствия подданных и слушал свою родословную, произносимую на гэльском языке. Перечисление имен прославленных предков издревле служило напоминанием о великом предназначении нового короля и

предзнаменованием благого правления.

Пояснения к фотографиям

1. Эта бронзовая статуэтка, найденная в окрестностях Рима, датируется примерно концом III века до н. э. Древний мастер воссоздал типичный образ кельтского воина таким, каким его видели античные авторы. Возможно, это скульптурный портрет одного из гезатов – обнаженного копьеносца, сражавшегося в битве при Теламоне в 225 году до н. э. Поза внушает мысль о том, что в правой руке воин держал копье. Торк (шейная гривна) и пояс – произведения кельтского ремесленного искусства, а рогатый шлем, по-видимому, был приобретен прототипом скульптуры в южноальпийских областях. Высота примерно 13 см. Берлинский государственный музей.

2. Голова мужчины, вытесанная из опоки. Мшецке-Жех-ровице, Богемия. Великолепный пример сочетания натуралистичности и абстракции, характерного для кельтского искусства портрета. Глаза, уши и усы стилизованы в типичной латенской манере, выражение лица ничем не напоминает мрачные и таинственные лица рейнских скульптур (фото 60, 63, 64). Обратите внимание на прическу – зачесанные назад волосы – и торк. Среднелатенский период. Возможно, культовый предмет. Высота примерно 24 см. Национальный музей, Прага.

3. «Умиравший галл», римская мраморная копия бронзового оригинала, установленного в Пергаме при Аттале I. Прекрасный образец физических характеристик кельтских воинов. Обратите внимание на короткие волнистые волосы и торк. Овальный деревянный щит и пара изогнутых боевых труб имеют кельтское происхождение, меч же, несомненно, – боевой трофей из дальних земель. Капитолийский музей, Рим; копии хранятся во многих музеях мира.

4. Скульптурный портрет спящего (?) галла, найденный в Алезии. Бронза. Галло-римское, возможно вотивное произведение. Кельтские штаны (*bracae*) – длинные, свободного покроя – отличаются от тех, в которые одеты воины на чаше из Гундеструпа (рис. 25). Длина 10 см. Музей Сен-Жермен-ан-Ле.

5. Монеты, воспроизведенные на этой странице, помогают, помимо прочего, увидеть образ кельтов глазами их соотечественников и римских чеканщиков.

a – денарий Гостилия Сасерны (ок. 48 до н. э.). На аверсе – голова галла; ошибочно считается, что это портрет Верцингеторига. Примечательны зачесанные назад жесткие волосы. Слева от головы – длинный кельтский щит в миниатюре. Изображение на реверсе, предположительно, служит иллюстрацией к раннеирландскому эпосу: обнаженный длинноволосый воин, стоя в колеснице, прицеливается, чтобы метнуть копье в преследователей; в левой руке он держит щит; возница погоняет пару лошадей. Сюжет, по-видимому, намеренно выбран очень древний, но использование колесниц в некоторых частях Галлии времен Цезаря нельзя полностью исключить;

b – денарий Юлия Цезаря (примерно 54–44 годы до н. э.). Реверс. Над латинской надписью «CAESAR» («Цезарь») изображены воинские трофеи: слева кельтский щит, справа – длинный боевой рожок (*capnux*), украшенный звериной головой. Под надписью – фигурка пленного галла; он сидит со связанными за спиной руками и, полуобернувшись, смотрит вверх. Обратите внимание на торк и пояс;

c – серебряная монета карнутов. Аверс. Это племя обитало между средним течением Сены и Луары, и, по словам Цезаря, именно на их землях проходили ежегодные собрания друидов. Голова мужчины изображена в более натуралистической манере, чем на других монетах кельтской чеканки, – мастер взял за основу греческий образец. Волосы стилизованы в типично кельтской манере: прическа напоминает латенский орнамент из лепестков луковицы, а усы очень похожи на те, что украшают каменную голову из Мшецке-Жехровице (фото 2). На шее изображенного на монете человека – торк;

d – аверс серебряной монеты баиокассов – племени, жившего в окрестностях Байо. Восторженное выражение лица – широко распространенная черта в изобразительном искусстве кельтов. На данном образце присутствуют мифологические символы: кабан и пунктирные линии, напоминающие рога и сравнимые с «коронай из листьев» (ср. фото 60). Волосы разделены на три локона, заканчивающиеся шариками;

e – аверс золотой монеты арвернов с изображением головы и надписью «VERCINGETORIX» («Верцингеториг»). Римское влияние на племена, соседствовавшие с Нарбонской провинцией, проявилось в стилистических особенностях портрета и наличии надписи.

6. Бронзовая голова, найденная в Финтане возле Майнца. Галло-римское произведение, считающееся скульптурным изображением богини Росмерты, чей культ преобладал на этих землях. Кельтский идеал женской красоты. По-видимому, прическу венчало украшение или символ, ныне утерянный. Высота 31 см. Музей древностей, Майнц.

7. Железный меч с инкрустированными золотом рукояткой и головкой. Штернберг (Гомадинген, Вюртемберг). Появление в VII веке до н. э. больших железных мечей в руках воинов-носителей ранней гальштатской культуры свидетельствует о важных политических и экономических событиях, предшествовавших выходу кельтов на европейскую историческую сцену в следующем столетии. Длина меча 1 м 6 см. Краеведческий музей, Штутгарт.

8. 9. Гёнебург (район Заульгау, Вюртемберг). Археологические раскопки показали, что это крупное укрепленное поселение на берегу Дуная принадлежало богатой общине, которая торговала с греками-массалиотами на протяжении VI века до н. э. Местные жители не только закупали посуду тонкой работы (чернофигурную керамику) и амфоры с вином, но и возводили укрепления в средиземноморском стиле. Выявлено пять исторических периодов застройки этого места. Второй, отмеченный средиземноморским влиянием, ознаменовался строительством наружных стен из сырцового кирпича и бастионов над крутыми склонами плато. Огромная земляная насыпь, укрепленная бревнами и камнями, защищала поселение с той стороны, откуда врагам легче всего было напасть. На фотографии 9 представлен вид поселения с северо-запада; слева протекает Дунай. На фотографии 8 – расчищенное археологами каменное основание бастиона из сырцового кирпича.

10. Курганное захоронение, содержащее погребальную повозку, заснятое в процессе раскопок. Бель-им-Гуншрюк, район Зиммерн. Могила не относится к числу самых древних такого типа, но в ней присутствуют все основные атрибуты «княжеских» погребений. Внешние линии, образующие прямоугольник, – это все, что осталось от деревянной могильной камеры. Внутри прямоугольника видны отметины, по которым можно судить о расположении четырех колес погребальной повозки с железными ободами. Вилкообразный предмет в центре – несущая ось повозки. Слева от него – вместительная бронзовая бадья. Сохранилась также маленькая брошь раннелатенского типа и большой наконечник копья. Погребальный инвентарь находится в Краеведческом музее в Бонне.

11. Захоронение, содержащее погребальную повозку, в Бад-Каннштате возле Штутгарта. Датируется последней фазой гальштатской культуры и, таким образом, относится к более раннему периоду, чем могила в Бель-им-Гуншрюке. На фотографии видны два железных обода из четырех и массивная ступица. Стенки повозки украшены рельефными полосами листовой бронзы. Тело убрано золотыми украшениями, справа от него лежит наконечник копья. Золотая чаша и два бронзовых кубка найдены в дальнем конце повозки. Погребальный инвентарь находится в Краеведческом музее в Штутгарте.

12. Украшение из листового золота с рельефным орнаментом, найденное в бадканнштатском захоронении. Подобные предметы часто встречаются в богатых погребениях вождей позднего периода гальштатской культуры, но их назначение не вполне ясно. Большинство

ученых считают, что это украшение носили на голове. Недавно выдвинуто предположение, что это шейное кольцо, которое скручивали в форме цилиндрической оправы вокруг сердцевины из менее прочного материала. Диаметр примерно 17,5 см.

13. Золотая чаша из бадканштатского захоронения. Посуда для питья составляет важную часть инвентаря могил, содержащих погребальные повозки и колесницы. Чаша – творение среднеевропейских златокузнецов конца VI века до н. э. Высота примерно 7 см.

14, 15. Гальштат. Этот маленький городок в Зальцкаммергуте дал название первой культуре железного века, зародившейся в североальпийской зоне. В начале XIX века в небольшой долине, лежащей в окрестностях современного Гальштата, был обнаружен могильник, относящийся к этому периоду. На фотографии 14 представлен вид города на берегу озера; долина доисторических погребений уходит вправо. Могильник находится слева от города, а соляные копи, обеспечившие безбедное существование общине, обитавшей здесь в древние времена, – в глубине долины (фото 15).

16, 17. Богатое погребение вождя, обнаруженное в Кляйн-Ашпергле (Людвигсбург, Бюртемберг), – одно из самых древних и важных для изучения латенской культуры. Особое значение для хронологии и выявления торговых связей имеет расписная аттическая чаша, созданная около 450 года до н. э. и запечатленная на фотографиях. Эта чаша и еще одна, без рисунка, попав в руки североальпийских кельтских ремесленников, были украшены орнаментом из золотых листьев – по-видимому, с целью скрыть трещины и щербинки. Сохранилась лишь часть орнамента, но общая композиция внушает мысль о том, что кусочки золота обильно покрывали и внутреннюю и внешнюю поверхность обеих чаш. Диаметр 15,3 см.

18. Золотые навершия двух рожков для питья из погребения в Кляйн-Ашпергле. Головы животных отличаются по размеру, и можно предположить, что мастер изобразил здесь барана и овцу. Кельтская работа, подражание греческим изделиям. Длина головы барана около 2 см.

19. Ойнохой (*слева*) и стамнос (*справа*). Оба предмета сделаны из бронзы и найдены среди погребального инвентаря могилы в Кляйн-Ашпергле. Ойнохой – довольно точная копия этрусского оригинала, выполненная кельтскими ремесленниками. Стамнос – собственно этрусское изделие. Вероятно, эти предметы утвари вместе с аттическими чашами предназначались для вина, а рожки с золотыми навершиями – для местных напитков. Высота ойнохой 34,4 см. Вещи хранятся в Краеведческом музее в Штутгарте.

20. Этот бронзовый шлем с двумя рельефными железными ободками, целиком покрытый золотой фольгой, найден в Амфревиле (французский департамент Эр). Вдоль нижнего края он когда-то был инкрустирован эмалью. Лировидный орнамент на боках шлема не сохранился, и, тем не менее, это чудо ремесленного мастерства представляет собой великолепный образец раннелатенского искусства и основных декоративных мотивов той эпохи. Высота 15,6 см. Оригинал хранится в Лувре, копия – в музее Сен-Жермен-ан-Ле.

21, 22. Реконструкция раннелатенского захоронения, содержащего погребальную колесницу, в Ла-Горж-Мэйе (французский департамент Марна). Вырытые в меловых пластах могилы (некоторые из них, возможно, имели деревянную кровлю) в районе Марны пришли на смену более древним, гальштатским, погребальным камерам из дерева. Тело вождя покоилось на колеснице, колеса которой были опущены в специально выкопанные ямы. Военное снаряжение состояло из золотого поруча, железного меча в ножнах, железного наконечника копья и высокого бронзового шлема, установленного между ног покойного вождя. Этрусский ойнохой, глиняная утварь местного производства, широкий нож, железные вертелы, куски свиной и бычьей туши предназначались для пира в потустороннем мире. На том месте, где должно было заканчиваться дышло колесницы, обнаружены пара мундштуков и другие детали конской упряжи. Над могилой вождя найдены скелет мужчины – вероятно, его возничего и слуги – и

железный меч.

23. Бронзовый шлем из погребения в Ла-Горж-Мэйе. Один из самых красивых кельтских шлемов, которые были редкостью во все времена. Рельефные диски, выбитые вокруг нижнего края, были инкрустированы кораллами. Орнамент из пересекающихся линий на гладкой поверхности бронзы основан на мотиве свастики. Высота 36,3 см.

24, 25. Глиняный сосуд и бронзовый ойнохой из погребения в Ла-Горж-Мэйе. Сосуд с узкой, длинной ножкой, крутыми боками и красной отполированной поверхностью свидетельствует о высоком уровне развития гончарного дела на этих землях в период ранней латенской культуры. Эта ремесленная традиция оказала сильное влияние на мастеров из других регионов, ее отголоски прослеживаются даже в белгских глиняных изделиях, найденных на территории Галлии и Британии. Ойнохой – предмет торговли с этрусками. Декоративные детали, прежде всего растительные орнаменты, именно таких изделий стали основой создания некоторых элементов латенского художественного стиля в ранний период. Высота глиняного сосуда 31,3 см, ойнохоя – 26,3 см.

26–28, 30. Бронзовые и золотые изделия из открытого в Вальдальгесгейме (район Крёйзнах) захоронения, содержащего погребальную колесницу. Это захоронение имеет важное значение для исследования дальнейшего развития латенского художественного стиля и, помимо прочего, несет указание на международные торговые связи: среди погребального инвентаря присутствует италийская *situla* – бронзовая бадья, которую можно датировать концом IV века до н. э. (фото 28). Высота бадьи 22,5 см. Бронзовый кувшин с носиком (фото 26), сделанный руками кельтских мастеров, древнее остальных предметов. В некоторых местах сосуд охватывают полосы чуть заметного орнамента, в основном лировидного. У мест крепления ручки выкованы голова барана (*вверху*) и человеческое лицо (*внизу*) с длинными вьющимися усами, остроконечной бородкой и «коронай из листьев» (фото 27). Фигурку животного, венчающую крышку сосуда, идентифицировать сложно – по всей видимости, это лошадь. Высота кувшина 40 см. Среди золотых украшений, найденных в погребении, – торк с изумительным рельефным орнаментом на концах дуги и навершиях, витой кольцеобразный браслет и два разъемных браслета с рельефным орнаментом на дуге и навершиях, выполненным в том же стиле, что и на торке. Диаметр торка 18,3 см, цельного браслета – 8 см, разъемных браслетов – 6,3 см. Краеведческий музей, Бонн.

29, 31–33. Погребение «княгини» из Рейнхейма, открытое возле Саарбрюкена в 1954 году, – одно из самых известных и значимых для изучения ранней латенской культуры. В дубовой могильной камере не обнаружено ни погребальной повозки, ни колесницы. Примечательны золотые украшения, часть из них представлена на фотографии 29: витой торк, цельный и разъемный браслеты, пара ажурных колец. Увеличенные фрагменты рельефа на навершиях торка и разъемного браслета даны на фотографиях 32 и 33. Количество детально проработанных масок людей и хищных птиц, вплетенных в орнамент, и обилие других элементов декора уникально. Среди погребального инвентаря присутствует также бронзовый кувшин с носиком, похожий на тот, что представлен на фотографии 26. Его крышка увенчана фигуркой мифического зверя, а на верхнем конце ручки выкованы человеческие лица, переходящие одно в другое (фото 31). Стилистические характеристики предметов свидетельствуют, что это погребение относится к более раннему периоду, чем вальдальгесгеймское, возможно к началу IV века до н. э. Диаметр торка 17 см. Музей Саарской области, Саарбрюкен.

34. Ла-Тен на берегу озера Невшатель. Вид с воздуха. Это местечко в Швейцарии дало название культуре и художественному стилю железного века, пришедшим на смену гальштатской культуре. В озеро врезаются дамбы канала Тъель; в том месте, где короткая дамба касается суши, были обнаружены древние деревянные опоры, а также крупный клад, содержащий оружие и

воинское снаряжение. После дренажных работ уровень воды в озере понизился, и на фотографии видно старое устье реки Тъель, обозначенное черными линиями, где хранился вотивный клад. Ла-Тен находится недалеко от Префаржье, на северо-восточной оконечности озера. На фотографии примерное направление канала Тъель – с северо-востока на юго-запад.

35, 36. Этот торк, найденный в Трихтингене (Зульц, Вюртемберг), имеет железную сердцевину, покрытую толстым слоем серебра. Он весит больше 13 фунтов и, очевидно, является вотивным предметом, не предназначенным для людей. Навершия в форме глядящих друг на друга голов животных характерны для культурной эпохи Ахеменидов, но довольное выражение на мордах быков и перекрученные торки на их шеях – типично кельтские черты, позволяющие датировать изделие средним периодом латенской культуры. Похожие образцы археологам пока неизвестны, но использование серебра и стилистические аспекты изображения бычьих голов внушают мысль о происхождении трихтингенского торка из более восточных кельтских земель, чем место находки. Ширина 24,5 см. Краеведческий музей, Штутгарт.

37, 38. Два бронзовых трензеля, найденные в сокровищнице в Ринстиде (Норфолк) в 1950 году. Великолепные произведения кельтских ремесленников британской школы латенского искусства. Мундштуки отлиты из бронзы, защечные кольца сделаны из железа, покрытого слоем бронзы. Орнамент на каждом конце мундштуков разнится, но вместе они составляют пару, предназначавшуюся для двух лошадей из одной упряжки. По стилистическим признакам трензели датируются серединой I века до н. э. Длина вместе с кольцами 25,5 см. Музей Норвич-Касла.

39–41. Фрагменты бронзовых рожков (фото 39, 40) из Торрса (Керкадбрайтшир). Новейшие исследования показали, что изначально эти рожки служили для питья, а не для извлечения звука, как считалось раньше. Изделия из листовой бронзы, навершием одного из них служит литая птичья голова. Орнамент на каждом рожке разный, но выполнен в одной гравировальной технике и основан на декоративных мотивах ранней фазы британского латенского стиля, так что они, вероятно, составляли парный комплект (ср. фото 18). Фрагменты датируются второй половиной III века до н. э. Реконструкция целого рожка представлена на фотографии 41. Длина птичьей головы примерно 4 см. Национальный музей древностей, Эдинбург.

42, 43. Золотые украшения из Снеттисгема (Норфолк). Представленные на фотографиях предметы составляют одну из пяти групп украшений, известных под общим названием «снеттисгемское сокровище». Три предмета найдены переплетенными, как показано на фотографии 42. Это торк с кольцеобразными навершиями, отдельно воспроизведенный на фотографии 43, браслет и еще один, сломанный, торк. Первая шейная гривна (диаметр 20 см) – уникальное произведение; пластический рельеф и гравированный орнамент («циновка») выполнены в традициях восточной школы британского искусства второй половины I века до н. э. На одном из наверший этого торка найдена маленькая монета галльского племени атребатов. Браслет оформлен в том же стиле и, возможно, создан тем же мастером. Сломанный торк имеет более древнее происхождение и, возможно, предназначался для переплавки. По-видимому, «снеттисгемское сокровище» было спрятано примерно в год рождения Христа. Музей Норвич-Касла.

44. Круглый раструб бронзовой трубы из Луг-на-Шада, графство Арма. Симметричная композиция и элементы пластического орнамента, украшающие это изделие ирландских мастеров, характерны для восточной британской традиции латенского искусства. Труба, сделанная, вероятно, не раньше I века н. э., напоминает рог быка и похожа на те, что представлены на фотографии 3. Диаметр раструба 20 см. Национальный музей, Дублин.

45. Олд-Осуэстри (Шропшир). Эти земляные укрепления на вершине холма – самые примечательные из тех, что сохранились на границах Уэльса. В процессе раскопок выявлены

четыре исторических слоя, к самому раннему относятся две земляные насыпи и рвы, окружающие внутреннюю территорию. Они были созданы примерно во II веке до н. э., а защитный вал на подступах к холму и укрепленные линии обложения – в последующие столетия, до римского завоевания в третьей четверти I века н. э. Особая конструкция по крайней мере двух линий укреплений была продиктована появлением на вооружении бриттских воинов пращи – новая практика ведения боя попала в Британию с Атлантического побережья Европы.

46. Сиссбери-Рингс (Сассекс). Одно из самых крупных городищ на вершинах холмов южной части Британии, стоящее в ряду других больших крепостей, возможно охватывавших целиком отдельные племенные владения. Классический пример городища с двойной линией укреплений. Построено не ранее середины III века до н. э. Этот и другие видовые снимки дают представление об окружающей среде и внешних условиях жизни кельтских племен, о чем бессильны поведать музейные экспонаты.

47. Монеты, запечатленные на этой странице, выбраны из-за специфики изображенных на реверсах и аверсах предметов, но две из них имеют и важное историческое значение.

a – этолийская тетрадрахма. Реверс. Персонаж, победоносно восседающий на груди кельтских и македонских щитов, символизирует Этолию. У его ног лежит кельтская труба (*carpuh*), ее раструб загибается вверх возле посоха. Подобные монеты чеканились в 279–168 годах до н. э., но поскольку изображенные на этой тетрадрахме воинские трофеи – результат этолийских побед в 279 году, она имеет особое значение для датировки кельтских щитов и труб. Британский музей;

b – бронзовая монета ремов, белгского племени, исторически значимого с точки зрения его отношений с Юлием Цезарем. Под властью римской администрации племенным центром ремов, чье имя отчеканено на обеих сторонах монеты, стал Реймс (*remi* – Reims). На аверсе изображены три головы – здесь прослеживается явная связь с символизмом триады в кельтской мифологии. Крылатая фигура и сама композиция изображения на реверсе имеют греческий прототип, но колесница – кельтская (ср. фото 5а);

c – денарий Коскония. Реверс. Воин, стоя в колеснице, одной рукой бросает копье, в другой держит длинный щит и *carpuh*. Герой и его оружие представляют некоторый интерес, но отсутствие возницы делает сцену нереалистичной, а колесница изображена схематически – в духе небрежных греческих набросков, часто служивших образцом чеканщикам арвернов и туронов. Монету принято датировать между 112-м и 109 годами до н. э., но в последнее время ее соотносят с датой основания *colonia Narbo* – 118 год до н. э. Галльский воин, изображенный на ней, – по всей видимости, Битуит, король арвернов, плененный в 121 году до н. э.;

d – денарий времен восстания Цивилиса (69–70 годы н. э.). Принадлежит к одной из независимых монетных систем, появившихся во времена гражданских войн. По стилю чеканки этот денарий ничем не напоминает древние галльские образцы и, тем не менее, свидетельствует о возрождении национальной гордости: аверс несет символическое изображение Галлии (на шее у нее – торк) и боевого рожка; на реверсе запечатлены освященный веками кельтский символ – кабан, рукопожатие, два колоска и неуслышанный призыв: «FIDES» («Верность»). Британский музей.

48, 49. Кельтские трофеи, высеченные на балюстраде храма Афины Nikeфоры в Пергаме. Памятник относится ко времени правления Евмена II (197–159 годы до н. э.), сына Аттала I Пергамского, покорившего галатов. Тщательная проработка деталей рельефа на всех панелях фриза балюстрады говорит о том, что скульпторы имели перед глазами подлинные кельтские трофеи. На фотографии 48 особое внимание привлекает предмет, увенчанный бычьей головой, – вероятно, это кельтская труба (*carpuh*); на фотографии 49 примечательно ярмо колесницы, точно скопированное создателями рельефа с деревянного оригинала и очень похожее на те, что были

найденны в Ла-Тене и в Ирландии. Длинный щит с умбоном и нервюрой типичен для кельтской ремесленной традиции, но кольчуга, щит с изображением бегущего животного и шлемы отмечены влиянием средиземноморского стиля, который могли перенять галатские мастера к концу III века до н. э.

50, 51. Фрагменты рельефа с триумфальной арки в Оранже (французский департамент Воклюз) с изображением галльского оружия и батальной сцены. Арка была создана не раньше второй половины I века до н. э. Ее история и цель сооружения не вполне ясны, но тот факт, что в битве галлы потерпели поражение, не вызывает сомнений. Общая концепция рельефа соответствует скульптурной работе на фризе балюстрады пергамского храма, но не является копией греческого оригинала, а римское и галльское оружие, увековеченное на триумфальной арке, относится к I веку до н. э. На фотографии 50 хорошо различимы длинный щит и сагпук, на некоторых щитах можно прочесть кельтские личные имена. В композиции присутствуют также отрезанные головы – добыча галлов. Батальная сцена на фотографии 51 – прекрасная иллюстрация к описаниям из античной литературы; по внешнему виду можно различить римских и галльских воинов.

52. Кастро-де-Монте-Бернорио, Паленсия. Вид с воздуха. Одно из самых крупных городищ на территории кельтской культурной провинции железного века в Северной Испании. Главную линию укреплений составляет массивная каменная стена, когда-то возвышавшаяся над землей, предположительно, на 10 футов, а ныне лежащая в руинах. Она стала заключительным этапом строительства защитных сооружений – выявлено еще несколько исторических пластов. В процессе раскопок обнаружены также прямоугольный фундамент дома и могильник. Крепость была покинута обитателями во II веке до н. э.

1. 54. Ситанья-ди-Санфинш, Пасуш-ди-Феррейра. Одно из многочисленных городищ в Северной Португалии. Его обитатели были носителями смешанной культуры, включавшей в себя «постгалыштатский» элемент, привнесенный кельтскими завоевателями, и местные черты. Хорошо сохранились фундаменты и нижние ряды кладки домов (фото 53), свидетельствующие о том, что круглые, местного типа постройки преобладали над прямоугольными. Признаков римского влияния не обнаружено, за исключением клада, содержащего большое количество римских монет, – в I веке до н. э. жители крепости все еще сохраняли независимость. На фотографии 54 видны внешние стены поселения и фундаменты домов. Сооружения на склоне холма, за пределами крепостной стены, очевидно, предназначались для содержания скота.

55. Ситанья-ди-Бритейруш. Вид с воздуха. Самое крупное из многочисленных городищ на плодородных землях бассейна Рио-Ави, в 9 милях к северу от Гимарайнша. Люди жили здесь примерно с III века до н. э. до начала IV века н. э. Поселение было обнесено двумя массивными каменными стенами; найдены культовые памятники и могильник; прослеживается влияние римской культуры, но дома долгое время строились в древних местных традициях.

56. Крупное городище близ общины Святого Фомы (французский департамент Эна) в 12 милях к юго-востоку от Лана. Линии укреплений окружают плоскую вершину холма, который в настоящее время является частью сельскохозяйственных угодий. Можно выделить два периода строительства укреплений. Ко второму принадлежат огромный крепостной вал и ров, сократившие охраняемую территорию и пересекающие вершину холма с запада на восток. Крепость была заселена в I веке до н. э., если не раньше, и ее можно классифицировать как один из типов белгских оппидумов, попадавшихся на пути Цезаря.

57. Сите-де-Лим, Бракемон (французский департамент Нижняя Сена), к северо-востоку от Дьепа. Оборонительные рубежи огромной крепости, типичной для белгских поселений в этой части Северной Франции, соответствуют линии высоких известняковых скал, как может показаться на первый взгляд, но в древние времена прибрежная полоса была намного шире, так

что цитадель стояла на некотором удалении от моря. Самые мощные защитные сооружения начинаются на востоке, возле скал (на фотографии – справа). Здесь сохранились вал 9-метровой высоты и широкий ров. Далее линия укреплений сворачивает на запад вдоль долины, где раскинулся Бракемон. На территории крепости есть *valleuse*^[12], расположенная напротив скал и не являющаяся частью фортификаций.

58. 59. В конце II века до н. э. кельты начали строить огромные укрепленные поселения, способные вместить многочисленные сообщества. Такие оппидумы, описанные Цезарем и другими авторами, появившись в Галлии, выросли затем на землях Южной Германии, стали возводиться в Богемии и за ее пределами. Запечатленные на этих фотографиях руины крепости, которая была построена предположительно треверами, найдены в Отценхаузене возле Триера. Вы видите перед собой результат полевой работы археологов, протекавшей в условиях, отличных от тех, что представлены на фотографиях 45, 46 и 77. Общий вид холма (фото 58) не содержит никаких намеков на присутствие оппидума, а обрушенная каменная стена (фото 59), когда-то стоявшая на открытом пространстве, скрывается в чаще современного леса.

60. Украшенная рельефом каменная колонна из Пфальцфельда (район Санкт-Гоар в Гуншрюке). Самый примечательный из сохранившихся кельтских каменных памятников. Его создатель, в отличие от скульпторов прованских святилищ в Антремоне и Рокепертюзе, не испытал на себе прямого влияния средиземноморской художественной и технической традиции. Изначально высота колонны составляла примерно 2 метра – ее венчала высеченная из камня голова, отколотая в VII веке (см. рис. 16). Отдельные детали, например шнуровой орнамент на гранях и основание, имеют этрусские прототипы, но композиция в целом – кельтская; изображение грушевидной головы, увенчанной «коронай из листьев», повторяется на всех четырех сторонах, так же как и стилизованный растительный орнамент. Лоб божества украшен трилистником (ср. рис. 17), под подбородком – перевернутая лилия, вызывающая ассоциации с расположением трех кисточек под лицом, выкованным на рейнхеймском торке (фото 33). Колонна была создана, предположительно, на рубеже V и IV веков до н. э. Высота сохранившегося фрагмента 1 м 50 см. Краеведческий музей, Бонн.

61, 62. Покрытый рельефом камень из Вальденбуха (Вюртемберг). Уникальный памятник, первоначальный вид которого, к сожалению, восстановить невозможно. Почти горизонтально прижатое к туловищу предплечье свидетельствует о ритуальной позе изображенного персонажа, известной по ирландским рельефам и представленной на фотографии 63. Геометрический орнамент создан в традициях местных мастеров, чьи изделия присутствуют также в вальдальгесгеймском погребении, и позволяет датировать памятник концом IV века до н. э. Возможно, криволинейный узор в нижней части камня украшает подол длинного одеяния, а прямолинейный, вверху, является частью квадратной накидки, вроде тех, которые видны на статуях из Рокепертюза (рис. 15). Возможно также, что изначально каменная фигура была достаточно высока и полоса прямолинейного орнамента в таком случае обозначает пояс, тем более что криволинейный узор продолжается и над рукой. Высота сохранившегося фрагмента 1 м 23 см. Краеведческий музей, Штутгарт.

63. Статуя «Януса» из Хольцгерлингена (Вюртемберг). Два каменных лица статуи изначально были точными копиями, но то, которое представлено на этой фотографии, сохранилось лучше. Реконструкция «короны из листьев» дана на рисунке 19. Обратите внимание на единственную руку, прижатую к телу, и пояс. Образ двуликого бога, имеющий этрусское происхождение, получил известность на севере благодаря международным торговым связям – чужеземные образцы могли попасть в Хольцгерлинген по водному пути, которым служила Рона. По техническим особенностям исполнения статуя из Хольцгерлингена имеет нечто общее с более утонченными скульптурными работами из Рокепертюза. Высота 2 м 28 см. Краеведческий

музей, Штутгарт.

64–66. Каменная голова двуликого бога из Ляйхлингена (район Рейн-Вуппер). На фотографии даны два лица и вид сбоку. Более грубая, по сравнению с вышеописанными образцами, работа кельтских каменотесов северной рейнской группы, но клиновидный нос выполнен в той же манере, что и нос хольцгерлингенской статуи. Обратите внимание на приподнятые уголки губ, круглые выпуклые глаза и наличие ушей. Выступ у основания шеи и неровный нижний край свидетельствуют о том, что каменная голова венчала собой подобие колонны. Высота около 12 см. Краеведческий музей, Бонн.

67. Каменная статуя из Эфинье (французский департамент Верхняя Марна). Антропоморфное божество с изображением кабана – важного галльского символа в последний период независимости. Могла быть посвящена любому племенному богу. Стилистические особенности изображения кабана позволяют датировать работу I веком до н. э. Высота 26 см. Музей Сен-Жермен-ан-Ле.

68. Бронзовая статуя из Буре (французский департамент Сена и Уаза). Сделана из листовой бронзы, из шести деталей, соединенных вместе; отдельные элементы вычеканены, но голова и лицо полностью отлиты из металла. Сохранился один глаз из белого и голубого стекла. На шее – торк, ноги скрещены в так называемой йогической позе, которая могла быть привычной для кельтов. Статую принято считать работой бронзовых дел мастеров, специализировавшихся на котелках, и датировать ранней галло-римской эпохой. Недавно была предложена новая датировка: III век до н. э. Высота 41,3 см. Музей Сен-Жермен-ан-Ле.

69. Вотивная пластина, найденная при раскопках галло-римского поселения возле Ализ-Сент-Рен (французский департамент Кот-д'Ор), сохранила для нас слова галльского языка, записанные латинскими буквами, а упоминание в нижней строке названия «Алезия» помогло идентифицировать поселение. Именно здесь находилась крепость Алезия – последний оплот Верцингеторига в борьбе с римлянами. Первое слово надписи – латинское имя ее автора, остальные слова – галльские. «GOBEDBI» в четвертой строке означает «кузнецы» и созвучно с ирландским и валлийским эквивалентами. Само посвящение довольно туманно, но очевидно, что оно адресовано богу Кветису (Cuetis). Оригинал находится в Музее Алезии.

70. Бронзовая вотивная пластина с вычеканенным рисунком и надписью, найденная в Ла-Фандроль, Ализ-Сент-Рен. Изображение двухколесной повозки и лошади выполнено небрежно и схематично – по нему нельзя определить тип конской упряжи. Надпись содержит простое посвящение богине Эпоне, сделанное Сатигеном, сыном Солемниса. Эта пластина и другие вещественные доказательства свидетельствуют о том, что Алезия была важным центром культа Эпоны. Высота 14 см. Музей Сен-Жермен-ан-Ле.

71. Эмайн Маха (современный Наван-Форт), графство Арма, Ирландия. Вид с воздуха. Это место служило традиционным королевским центром уладам – народу, чьи деяния увековечены Ульстерским циклом древнеирландской эпической литературы. Земляные укрепления на холме, по-видимому, имели сакральное значение или предназначались для погребальных ритуалов. Богиня Маха – ирландский аналог Эпоны, ей так же присущ символизм, связанный с лошастью.

72. Алезия, вид с воздуха. На переднем плане – городок Ализ-Сент-Рен. Галльский оппидум стоял на холме, поселение простиралось на восток по склону, подступы к нему блокировались оборонительными укреплениями. Главные осадные сооружения Цезаря были сосредоточены на покатом склоне (на фотографии слева) и с другой стороны холма, где ныне проложена железная дорога на Ле-Лом. Галло-римский город, возведенный после победы над Верцингеторигом в 52 году до н. э., находился восточнее галльской крепости. По сравнению с другими оппидумами того периода Алезия не могла похвастаться ни размером, ни более мощными укреплениями. Вероятнее всего, выбор галльских мятежников, сделавших своим последним убежищем именно

эту крепость, объясняется особым сакральным статусом Эпоны, «священной королевы», особо почитавшейся в тех краях.

73. Каменный рельеф из Байхингена (Вюртемберг). Изображение, не сопровождаемое надписью, ясно и без того. Вверху, в центре, сидит Эпона, справа и слева от нее – тройки лошадей. В нижней части еще три лошади, погоняемые возницей, тащат четырехколесную повозку, справа представлена сцена заклания свиньи. Три тройки лошадей – важный мифологический символ. Высота каменной плиты 59 см. Краеведческий музей, Штутгарт.

74. Алтарь из Бёкингена (Вюртемберг), посвященный Таранукну. Один из многочисленных примеров упоминания в эпитафике римской эпохи кельтского бога, чье имя созвучно или совпадает с именем Тараниса, о котором сообщает Лукан. Имя произошло от кельтского слова, означающего «гром», и могло быть эпитетом многих кельтских божеств. Высота алтаря 97,5 см. Краеведческий музей, Штутгарт.

75. Одна римская и три кельтские монеты, представленные на этой фотографии, интересны с точки зрения изображенных на них предметов и объектов культа. Кельтские монеты важны также для воссоздания географической картины денежного обращения в древней Европе, и среди них бриттская монета особенно значима в плане исторических и лингвистических связей.

a – золотая монета из Паннонии, бывшая в ходу у бойев и других восточных кельтских племен, которые обитали на землях от Богемии до Нижнего Дуная. На аверсе – голова с двумя лицами, символ божества. На реверсе – лошадь, несущая всадницу; возможно, это изображение Эпоны или местного аналога богини природы;

b – золотая монета туронов, племени, жившего в окрестностях современного Тура. Композиция на реверсе скопирована с монет арвернов, бравших за образец статеры Филиппа II Македонского. Сцена изменена в духе кельтского мифологического символизма: акцент сделан на изображение лошади, декоративные элементы, присутствующие и на многих других галльских монетах, и фигуру возницы неопределенного пола с характерной кельтской прической; очертания колесницы лишь намечены;

c – золотая монета Тасциована, преемника, возможно сына, белгского короля Кассивелавна, противостоявшего Цезарю в Британии. На аверсе дано сокращенное написание имени Тасциована в сопровождении слова «RICON», которое представляет собой вариант кельтского слова, означающего королевский сан. Тасциован был первым из властителей кассивеллаунов, чье имя украсило монеты, а слово «ricon» стало достойным ответом королям атребатов на южном побережье, покорившимся Риму и довольствовавшимся латинским титулом «rex». На реверсе – изображение лошади, широко известный кельтский символ. Тасциован умер примерно в 15 году н. э., препоручив королевство заботам своего сына Кунобелина;

d – денарий Августа с монетного двора в Малой Азии. На реверсе изображено здание, нехарактерное для классической архитектуры и имеющее множество деталей, свойственных романо-кельтским храмам. Прямой связи с кельтами выявить нельзя, но есть некоторые указания на то, что они имели отношение к подобным монетам Августа; существует предположение, что здание, изображенное на монете, посвящено Юлию Цезарю. В этом здании можно опознать высокое святилище (cella), с одним окном над дверью, и колоннадой, которая, вместо того чтобы поддерживать фронтон, образует внешнюю крытую галерею. Архитрав несет надпись «IMP CAESAR», на фронте изображена крылатая богиня победы в сопровождении двух воинов. Британский музей.

76. Фрагменты бронзового календаря, обнаруженные в Колиньи (Бур, французский департамент Эн), – древнейший крупный памятник кельтского письменного языка. На фотографии дана его левая часть. По филологическим и историческим признакам датируется концом I века до н. э. или, по крайней мере, периодом царствования Августа. По общей

композиции произведение типично галльское, созданное, вероятно, местным ученым сословием – друидами, незадолго до их истребления. Сохранилось достаточно пластин, для того чтобы можно было определить изначальную величину календаря – 150 на 105 см – и сделать вывод, что он разделялся на 16 вертикальных колонок, составлявших таблицу последовательной смены 60 лунных месяцев и 2 добавочных («интер-калярных»). Возможно, последовательность месяцев составляла девятнадцатигодичный цикл, заключительная часть которого была представлена на недостающих пластинах. Каждый месяц делился на «светлую» и «темную» половины, переходная точка обозначалась словом «ATENOUX» – «возвращающаяся ночь», или «поворотная ночь». Дни пронумерованы от I до XV в «светлых» половинах и от I до XIV или XV в «темных». Некоторые дни помечены специальными аббревиатурами, а месяцы – сокращенными словами «MAT» и «ANM» – «хороший» и «не хороший», то есть благоприятный и неблагоприятный. Названия месяцев, по-видимому, придумали просвещенные составители календаря – рядовые члены варварского общества не нуждались в таком подробном делении года. Названия праздников не упоминаются, хотя есть указания на дни, соответствующие Бельтайну и Лугнаду, но Самайн, в Ирландии знаменовавший собой конец одного года и начало нового, не отмечен вовсе. Первая колонка начинается с интеркалярного месяца, затем следуют SAMON и DUMANN, в остальных колонках – по четыре месяца, за исключением девятой, в которую, как и в первую, вписаны два обычных месяца и один интеркалярный. Часто встречающиеся сокращения и тот факт, что календарь не был сакральным предметом, доступным лишь для избранных, свидетельствуют о широком распространении грамотности. Круглые вмятины возле каждой даты и другие признаки роднят галльский календарь с греческими образцами более раннего периода. Оригинал хранится в Лионском дворце искусств.

77. Аффингтон (Беркшир). Городище на вершинах меловых холмов было возведено носителями культуры железного века А. Примечательна конструкция оборонительной линии на подступах: валы расположены таким образом, что образуют «навесной» вход, возможно имевший двойные ворота и укрепленный бревнами. Обитатели покинули городище до того, как на меловом откосе появилось гигантское изваяние лошади. По стилистическим особенностям изображения установлено, что оно создано белгскими поселенцами в конце I века до н. э. или чуть позже. Возможно, оно было связано с местом поклонения либо служило меткой племенных владений. Длина изваяния 111,3 м.

78. Центральная группа земляных сооружений на холме Тары, графство Мит, Ирландия. В древнеирландской литературе этот холм – важнейший королевский центр, а его географическое положение и прекрасный обзор с вершины известнякового гребня (лежащие вокруг пастбищные угодья – как на ладони) объясняют его выбор для ранних поселений. Древнейший исторический памятник на холме – могильная камера под курганной насыпью; круговые укрепления относятся к традиционно датируемому периоду завоеваний (первые века до и после наступления христианской эры). В процессе археологических раскопок найдена римская глиняная утварь, датированная I–III веками н. э., но сооружения, представленные на фотографии, предназначались, по-видимому, для проведения погребальных или иных обрядов, а не для обитания.

79. На последней фотографии представлен медальон, украшающий бронзовую раку из Мойлоу (графство Слайго). Сердцевину медальона составляет серебряная пластина с ажурным трискельным орнаментом, вокруг – бронзовый обод со вставками выемчатой эмали и стекла; навершия симметричного креста вынесены за пределы круга. Эта вещь включена в иллюстративный материал книги как напоминание о кельтском наследии в культуре Европы, преобразованном ирландской церковью. Диаметр медальона примерно 3 см. Национальный музей, Дублин.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ОСНОВНЫХ СОБЫТИЙ

ИСТОРИЯ	
	900
	800
	700
В «Массалиотском перипле» дается указание на кельтоговорящие племена, заселяющие Иберийский полуостров, и упоминаются сообщения о Иерне и Альбионе (конец VII или начало VI века до н. э.)	600
Разрушение Тартесса карфагенянами, прекращение греческой торговли у Геракловых столбов (ок. 530 до н. э.)	
Свидетельство Гекатея (ок. 500 до н. э.) о расселении кельтов в области Массалии и в Нираксе (Норик ?)	500
Геродот упоминает о кельтах (ок. 450 до н. э.), живущих на дальнем западе и у истока Дуная	
Экспансия кельтских племен (галлов) в Северную Италию (ок. 400 до н. э.) и разграбление Рима (ок. 390 до н. э.)	400
Галльские наемники в войске Сиракуз (368 до н. э.)	
Путешествие Пифея (ок. 325—320 до н. э.): Британия и Ирландия названы Претанскими островами	300
Галаты осаждают Дельфы (279 до н. э.) и в следующем году переправляются в Малую Азию	
Галльские наемники на службе у греков в Египте и почти повсюду (274 до н. э.)	
Пергамский царь Аттал I разбивает галатов в Малой Азии (240 до н. э.)	
Римляне наносят поражение цизальпинским галлам и гезатам у Теламона (225 до н. э.)	200
Рим полностью подчиняет себе Цизальпинскую Галлию (192 до н. э.)	
Римляне захватывают кельтиберскую крепость в Нуманции (133 до н. э.)	
Римляне завоевывают Прованс (124 до н. э.)	
Кимвры атакуют Норик (113 до н. э.)	
Кимвры и тевтоны наносят поражение римлянам у Оранжа (105 до н. э.)	
Окончательная победа римлян над кимврами и тевтонами (102—101 до н. э.)	
Юлий Цезарь начинает Галльскую кампанию и наносит поражение Ариовисту (58 до н. э.)	100
Два похода Цезаря в Британию (55—54 до н. э.)	
Галльское восстание под предводительством Верцингеторига и разгром мятежников в Алезии (52 до н. э.)	до н. э.
Вторжение римлян в Британию под предводительством Клавдия (43 н. э.)	н. э.

АРХЕОЛОГИЯ		
900	Бурное развитие хозяйственного уклада позднего бронзового века, появление кремационных погребений в североальпийской зоне	РАННЯЯ КУЛЬТУРА ПОЛЕЙ ПОГРЕБАЛЬНЫХ УРН
800	Продолжается экспансия североальпийской культурной провинции Появление бронзовой конской упряжи восточного типа	ПОЗДНЯЯ КУЛЬТУРА ПОЛЕЙ ПОГРЕБАЛЬНЫХ УРН
700	Первые поля погребальных урн в Каталонии Железные мечи и могильники, содержащие погребальные повозки, в Богемии и Южной Германии Развитие хозяйственного уклада железного века в Западной и Центральной Европе Гальштат	РАННЯЯ ГАЛЬШТАТСКАЯ КУЛЬТУРА
600	Ранние контакты греков с племенами Юго-Западной Германии. Рона — водный торговый путь из Массалии. Захоронения, содержащие погребальные повозки, в Вильсингене и Каппеле; родосские ойнохои Гёнебургские оборонительные сооружения из сырцового кирпича Греческие металлические изделия и керамика продолжают завоевывать «бургундские» земли. Начало торговли с этрусками. Погребение «княгини» из Викса	<i>Фаза I</i> ПОЗДНЯЯ ГАЛЬШТАТСКАЯ КУЛЬТУРА <i>Фаза II</i>
500	Зарождение кельтского латенского искусства. Этрусские товары преобладают на рынке Погребальные колесницы появляются на Среднем Рейне (Роденбах, Кляйн-Ашпергле) и позднее в Шампани (Сомм-Бийонн, Ла-Горж-Мэйе) Погребальный ритуал трупоположения становится общепринятым	РАННЯЯ ЛАТЕНСКАЯ КУЛЬТУРА
400	Экспансия латенской культурной провинции. Завоевывает позиции латенский художественный стиль. Гробница «княгини» из Рейнхейма Вальдальгесгеймское погребение, датированное по кампанской бадье	
300	Начало британского железного века Б, появление островного латенского художественного стиля «Умирающий галл» и схожие монументальные скульптуры в Пергаме	СРЕДНЯЯ ЛАТЕНСКАЯ КУЛЬТУРА
200	Галльские трофеи на фризе храма Афины в Пергаме Скульптурные группы в Рокепертюзе и Антремоне (не позднее середины века) Вотивныеклады в Ла-Тене, относящиеся к тому же столетию Расширение территории кремационных погребений к западу от Рейна: белги/германцы Появление крупных укрепленных поселений — оппидумов — на землях от Галлии до Богемии	ПОЗДНЯЯ ЛАТЕНСКАЯ КУЛЬТУРА
100	Первые миграции белгов в Британию Разграбление уитхемпстедского оппидума Кассивелавна Алезия: осадные сооружения и оружие Галльские трофеи изображены на триумфальной арке в Оранже	
до н. э.		
н. э.	Разграбление Мейдн-Касла в Дорсете Вотивный клад в Плин-Керриг-Бах на острове Англси	Римские провинции

notes

Ожерелье, венок, гирлянда (*лат.*).

Друиды, всадническое сословие и простой народ (*лат.*).

Пустоши, гарриги (фр.).

Тяжелое кельтское копье называется «гез».

Всадники (*лат.*).

Римского толкования (*лат.*).

Множество изваяний (*лат.*).

Английское – «druid», французское – «druide».

Государство, империя (*нем.*).

Ведомство, управление (нем.).

Кимры (супгі).

Небольшая височная долина (фр.).